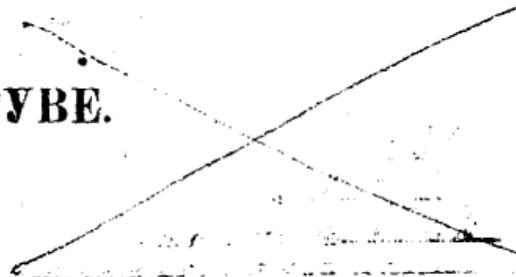

Издание Кассы Взаимопомощи Студентовъ Петроградскаго Политехническаго Института
Императора Петра Великаго.

33
C-87

И. Б. СТРУВЕ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ
въ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ.

33

Лекціи, читанныя на Экономическомъ Отдѣлениі
Политехническаго Института Императора Петра Великаго
въ 1912-13 уч. году.

Издание второе.

Петроградъ.

Типо-Литографія И. Трофимова, Можайская ул., д. № 3.

1916.

Связь большинства изъ здѣсь, въ этой аудиторіи собравшихся, какъ студентовъ Политехническаго Института, возникаетъ впервые, устанавливается въ эти дни. Ихъ мысль, естественно, въ моментъ приступа къ научнымъ занятіямъ направлена на будущее, на работу предстоящую, на ихъ приобрѣніе къ наукѣ, на тѣ впечатлѣнія, которые ожидаютъ каждого вновь вступающаго въ высшее учебное заведеніе, - когда въ жизни человѣка почти всегда начинается цѣлый новый періодъ.

Позвольте васъ нѣсколько оторвать отъ этихъ мыслей и обратить вашъ взоръ въ прошлое.

Столько же добрая традиція, сколько и мое непосредственное чувство побуждаютъ меня напомнить вамъ о скончавшемся весной нынѣшняго года проф. Иванѣ Ивановичѣ Иванюковѣ и предложить вамъ въ этой аудиторіи, въ которой онъ преподавалъ многіе годы тотъ предметъ, который вы будете слушать на моихъ лекціяхъ, почтить вставаніемъ память почившаго.

Но исполненіемъ этого доброго обычая почтенія того, кто отошелъ отъ насъ, я не хочу ограничиться.

Какъ бы ни было велико разстояніе между разными поколѣніями, какія бы звенья духовнаго и общественнаго развитія ихъ не раздѣляли, - разныя поколѣнія научной мысли обязаны стремиться къ тому, чтобы понимать другъ друга. Такое пониманіе незбѣжно должно быть пониманіемъ историческимъ. Каждаго поколѣнія отъ насъ дѣятеля мы должны стремиться понять и оцѣнить во всей исторической обстановкѣ иности и зависимости того, чѣмъ онъ жилъ, какъ дѣятель своей области. Этимъ мы отдаемъ почившимъ уже дань не простого почтенія, а болѣе высокую дань пониманія. И.И. Иванюковъ, какъ дѣятель науки и преподаватель, принадлежалъ

"ІСТОРІЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ВУТА". Проф. И. В. СТРУВЕ.

Кад. Студ. Кассы Взаимопомощи при П-тѣ Политехн. Институтѣ.

ть цѣлой особой полосы русской научной мысли, дѣятелей, которые, приближаясь къ естественному предѣлу человѣческаго бытія, теперь уже быстро сходять со сцены. И, быть можетъ, никто лучше, чѣмъ покойный, не можетъ служить для характеристики этой полосы, ибо въ научной физиономіи покойнаго черты чисто личные отступали на задній планъ сравнительно съ чертами, которыми была отмѣчена полоса жизни, къ которой онъ принадлежалъ.

Смѣна и противоборство научныхъ идей представляетъ ту черту, быть можетъ, свойственную всѣмъ подобнымъ процессамъ, что они медленно и незамѣтно подготавливаются и затѣмъ быстро и бурно вступаютъ въ сознаніе. Если не вѣками, то десятилѣтіями сложилось зданіе классической политической экономіи. Вы впослѣдствіи узнаете, какъ и изъ какихъ идей, подъ какими жизненными вліяніями, изъ какихъ потребностей времени, интересовъ классовъ, очередныхъ задачъ культуры слагалась эта величественная постройка. Вкратцѣ, классическая политическая экономія французы и англичанъ учила не только, что есть незыблѣмые "естественные законы" хозяйственной жизни, но и что и изъ этихъ естественныхъ законовъ съ логической необходимости вытекаютъ известныя практическія начала, которыхъ люди должны пользоваться въ основу своихъ дѣйствій и которыхъ прежде всего должна следовать въласть. Власть не должна выѣживаться въ естественный порядокъ вещей, какъ онъ слагается и долженъ слагаться на почвѣ совершенно свободной борьбы предоставленныхъ самимъ себѣ индивидовъ. Экономическая свобода при полномъ невмѣшательствѣ государства въ хозяйственныя отношенія приведетъ къ всеобщему благополучію, къ гармоніи интересовъ, къ максимуму выгодъ для всего общества и для отдельныхъ лицъ.

Въ настоящее время даже трудно критиковать это возврѣніе, такъ оно во всей его пѣлостности чуждо современному сознанію. Но мы можемъ понять это возврѣніе и какъ систематическое построение и еще болѣе какъ психологическое явленіе. Оно родилось изъ свободолюбиваго духа XVIII вѣка. Классическая политическая экономія и ея практическія построенія — либеральная экономическая политика — родная сестра политического свободомыслія и политического либерализма той же эпохи, либерализма наивнаго и увѣреннаго въ себѣ. XIX вѣкъ начинаетъ съ разочарованіемъ въ томъ, во что верилъ вѣкъ XVIII, въ области чисто

политической. Въра въ евангелие экономической свободы держит-ся, пожалуй, нѣсколько дольше. И подъ нее уже съ начала XIX вѣка начинаетъ подкапываться сомнѣвающаяся и ищущая мысль.

Съ разныхъ сторонъ являются эти сомнѣнія, они растутъ, спу-щаются въ цѣлые системы. Возникаетъ соціализмъ; начинается историческое изученіе и историческое пониманіе хозяйственной жизни, берущее подъ сомнѣніе самую идею естественного закона и вытекающіе изъ нея выводы. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ реакція противъ классической политической экономіи и экономического либерализма бурно овладѣваетъ сознаніемъ. Объ "абстрактномъ" методѣ въ политической экономіи, по которому разсуждали старые экономисты, начинаютъ говорить съ презрѣніемъ и экономи-ческій либерализмъ начинаютъ прямо отвергать, какъ явно несостоятельное направление въ экономической политикѣ. Дѣлаютъ это уже не "соціалисты" и не лица, стоящія въ рамокъ цеховой учено-сти и науки; знамя восстанія поднято въ университетахъ людьми умѣренныхъ взглядовъ. Это и есть то направленіе, которое, слѣдя публицистической кличкѣ, данной его врагами, обычно обозначаютъ терминомъ "катедеръ-соціализма".

Въ Германіи, гдѣ это направленіе академической (универ-ситетской) экономической мысли зародилось и получило наибо-льшее ясное выраженіе, его появленіе и успѣхъ объясняются хот-домъ самой экономической эволюціи, онъ обнаружилъ, что безу-словное господство свободной конкуренціи принесить не одни благіе плоды и приводить къ выступленію на историческую сцену рабочаго класса, какъ самостоятельной общественной силы. Огромную роль въ этомъ поворотѣ экономической мысли въ Германіи сыграла чисто соціалистическая литература, оказавшая въ лицѣ великихъ нѣмецкихъ представителей Маркса и Родбертуса силь-нейшее вліяніе на академическую науку Германіи.

И.И.Иванюковъ принадлежалъ къ этой полосѣ русской эконо-мической мысли, которая восприняла нѣмецкій катедеръ-соціализмъ и даже его своеобразную русскую переработку. Покойный былъ, быть можетъ, самымъ типическимъ представителемъ этого русско-го катедеръ-соціализма.

Я сказалъ, что русская переработка нѣмецкаго катедеръ-со-ціализма была своеобразна. Своеобразіе это сводится къ двумъ пунктамъ. Если нѣмецкая академическая мысль, совершившая по-

воротъ отъ "смитіанства" къ катедеръ-соціализму, находилась подъ сильнымъ вліяніемъ германскихъ теоретиковъ соціализма, то русскій катедер-соціализмъ прямо представляетъ спайку соціализма Родбертуса и Маркса съ академическимъ катедеръ-соціализмомъ. Покойнаго Иванюкова, какъ автора, упрекали въ томъ, что онъ смѣшивалъ такія разнородныя построенія, какъ радикальный соціализмъ Маркса и умѣренный катедеръ-соціализмъ нѣмецкихъ профессоровъ. Теоретически упрекъ этотъ былъ несомнѣнно правиленъ. Но теперь мы можемъ сказать, что самое сближеніе или смѣшеніе въ русскомъ катедеръ-соціализмѣ идей Маркса (и Родбертуса) съ идеями нѣмецкихъ профессоровъ, возставшихъ противъ экономического либерализма, есть интересный и неслучайный фактъ въ исторіи развитія русской экономической мысли, а не просто ошибка мысли того или другого писателя. Россія въ 60-хъ, 70-хъ и даже 80-хъ годахъ была еще далека отъ тѣхъ реальныхъ противорѣчій, на фонѣ которыхъ научный соціализмъ Лассалля и Маркса (являвшійся идейной основой зарождавшагося соціалистического движенія), рѣзко отдѣлился отъ умѣренного и чуждаго классовой идеи профессорского катедеръ-соціализма. Въ Россіи (на разстоянїи) въ реальной борьбѣ общественныхъ силъ оба эти направленія сливались въ одно движеніе критики и протesta противъ смитовскаго направленія и экономического либерализма.

Была и другая черта своеобразія русскаго катедеръ-соціализма. Когда критика либеральной политической экономіи и увлеченіе положительными идеями соціализма проникла въ русскую академическую среду (русскіе профессора политической экономіи въ 50-хъ и 60-хъ годахъ: Горловъ, Вернадскій Вензебразовъ были экономическими либералами) эта критика и эти положительные идеи уже давно не представляли новости для русской общественной мысли. Рецепція соціализма русской общественной мыслью совершилась въ академической области и дала то своеобразное и вліятельное направленіе въ исторіи нашего духовнаго общественнаго развитія, которое можно охарактеризовать терминомъ "народничество".

Русскій катедеръ-соціализмъ пытался спаять нѣмецкій катедеръ-соціализмъ, т. е. академическую критику старой политической экономіи и связанного съ ней экономического либерализма не только съ соціализмомъ Маркса и Родбертуса, но и

сь русскимъ народническимъ соціализмомъ, съ его вѣрой въ самобытные пути экономического развитія Россіи, съ его идеализацией общиннотарельного уклада. Такимъ образомъ, русскій катедеръ-соціализмъ ведеть свое происхожденіе не только отъ Шефле, Вагнера, Шмоллера, Брентана, но и отъ Родбертуса и Маркса, но и отъ Герцена и Чернышевскаго, пожалуй даже отъ славянофиловъ, въ ученіи которыхъ были зародыши русскаго народничества.

Я думаю, что я воздалъ должное памяти первого препода-
вателя экономической истории и исторіи экономическихъ уче-
ній въ нашемъ Институтѣ профессора Ивана Ивановича Иванікова,
попытавшись вдвинуть его, какъ научнаго дѣятеля, въ широкую
историческую перспективу развитія европейской и русской об-
щественно-экономической мысли. Почтить память почившаго въ
духѣ исторического пониманія мѣста его, какъ представителя
цѣлой полосы въ развитіи русской экономической мысли, было
для меня душевной потребностью въ этой аудиторіи, въ которой
мы приходится, какъ преподавателю, смынить ушедшаго въ дру-
гой міръ.

Позвольте теперь обратиться къ вамъ, какъ вновь посту-
пившимъ, съ нѣсколькими словами, содержащими общія указанія на
характеръ и методъ высшаго образованія. Вступивъ въ высшую
школу, вы перестали быть учениками. Облегченіе ли это? Но со-
вѣти не мору обѣщать вамъ такого облегченія; вступленіе въ
высшую школу, независимо отъ личныхъ условій существованія
каждаго, которая бываетъ очень тяжела, не можетъ означать об-
легченія работы. Наоборотъ. Вамъ придется работать и "учить-
ся" интенсивнѣе, чѣмъ то было въ средней школѣ. Вамъ только
придется измѣнить способъ работы. Если во многихъ случаяхъ
для васъ прежде было достаточно заучиванія, то теперь ни въ
какомъ случаѣ этого не будетъ достаточно. Учить и заучивать,
конечно, всегда нужно; полезно даже для этого выработать осо-
бую индивидуально приспособленную, я бы сказалъ, лично про-
вѣренную технику. Но это только предварительная ступень. (Я
не говорю, конечно, о работѣ въ высшей школѣ съ точки зре-
нія вѣнчанія преуспѣянія на экзаменахъ. Этотъ вопросъ меня не ин-
тересуетъ, и я о немъ вамъ ничего цѣннаго сказать не могу).

Нужно въ высшей школѣ къ работе добросовѣстного заучиванія или, воспользуемся хорошимъ латинско-нѣмецкимъ словомъ, къ работе добросовѣстного студированія присоединять самостоятельное перерабатывающее осмысливаніе того матеріала, который дается вамъ на лекціяхъ. Удареніе я ставлю на сло-вахъ: с а м о с т о я т е л ь н о е . Въ средней школѣ преподаватель, по существу дѣла, можетъ и долженъ въ отънахъ класса находиться въ непосредственномъ общеніи съ каждымъ "учащимся". Въ высшей школѣ при чтеніи лекцій это невозможно. Если въ средней школѣ преподаватель долженъ знать, понимаетъ ли каждый присутствующій въ классѣ то, что ему преподносится и, если онъ замѣтитъ непониманіе, то долженъ тутъ же на мѣстѣ вымѣниться и своимъ непосредственнымъ участіемъ помочь ученику осмыслить и усвоить преподанное, то въ высшей школѣ на лекціяхъ это невозможно. Тутъ нѣть "учениковъ" - и это значитъ, что каждый изъ "слушателей" обязанъ самостоятельно осмысливать преподанное. Это не значитъ, конечно, чтобы преподаватель имѣлъ право быть темнымъ. Но это значитъ, что установивъ для себя известный средній уровень аудиторіи, къ которому онъ долженъ приспособлять свое преподаваніе, преподаватель уже не долженъ (ибо не можетъ!) слѣдить въ аудиторіи - (о полезности общенія въ аудиторіи и объ общеніи съ отдельными слушателями я здѣсь не распространяюсь) за тѣмъ, какъ каждый отдельный слушатель воспринимаетъ содержаніе лекцій и способны ли все усвоить это содержаніе.

Но есть еще другое, болѣе важное различіе въ преподаваніи между средней и высшей школой.

Въ средней школѣ, контингентъ которой вовсе не долженъ весь цѣликомъ поступать въ высшую школу, преподаваніе въ принципѣ и по общему правилу должно быть цѣльнымъ и законченнымъ. То, что здѣсь дается, - позвольте употребить сравненіе, - должно представить хорошо обмежеванную "дачу" съ ясно очерченными и легко обозримыми границами. Преподаваніе должно держаться въ предѣлахъ этой дачи и, главное, вовсе не должно увлекать "ученика" къ выходженію изъ границъ "обмежеванного" пространства.

Совершенно иначе въ высшей школѣ съ ясно выраженнымъ нау ч и м ъ характеромъ преподаванія. Преподаватель и

туть, конечно, обязанъ давать определенное содержание и дать въ руки слушателей известную нитъ, ясно ориентирующую ихъ въ томъ предметѣ.

Но область высшаго преподаванія въ каждомъ отдельномъ случаѣ не есть "дача", выхожденіе изъ которой не рекомендуется, какъ безцѣльная растрата времени и расточеніе вниманія.

Настоящее научное преподаваніе въ высшей школѣ всегда указуетъ на научная пространства, лежащія въ его. Оно непрерывно ставить вопросы, будь мысль, приглашаетъ ее къ выхожденію изъ своихъ предѣловъ.

Такимъ образомъ, преподаваніе въ высшей школѣ требуетъ отъ слушателей не только самостоятельного перерабатывающаго осмысливанія даваемаго съ кафедры материала, но при помощи этого материала сознательной самостоятельной работы - расширенія своего научного кругозора за предѣлы этого материала.

Вотъ почему нельзя, не должно ограничиваться чтеніемъ учебника, записокъ, словомъ, однихъ только "обязательныхъ" пособій. Въ особенности это указаніе должно быть настойчиво дѣлаемо на первомъ и второмъ курсѣ. На дальнѣйшихъ курсахъ у васъ естественно могутъ явиться специальная научная увлеченія. На первыхъ двухъ курсахъ вы должны запасаться основами вашего экономического образования. Заучиваниемъ учебниковъ и отбываніемъ экзаменовъ вы такихъ основъ не добудете. Самостоятельное осмысливаніе слушаемыхъ лекцій на основе расширяющаго научный кругозоръ чтенія - есть требование, которое высшая школа можетъ и должна вамъ предъявлять. И потому это есть требование, которое вы сами должны съ самого вступленія въвшую школу предъявить къ себѣ и неуклонно исполнять. Ибо безъ такой самостоятельной работы и расширяющаго осмысливанія даваемаго на лекціяхъ материала ваше пребываніе въ этихъ стѣнахъ превратится - позвольте употребить терминъ крѣпостного хозяйства - въ лекціонную барщину и въ экзаменаціонный оброкъ.

Предметъ, изложеніе котораго вы будете слушать здѣсь, въ лекціонномъ расписаніи носить название "исторіи хозяйственнаго быта". Я не стану сейчасъ здѣсь выяснить вамъ понятіе исторіи; объ этомъ исписаны горы бумаги. Съ этимъ во-

просомъ связаны труднѣйшія конечныя проблемы человѣческаго познанія и самая важная для новѣйшей философіи вообще, теоріи познанія въ частности, разногласія и споры. Кто хочетъ ознакомиться съ этой областью, тому я могу указать литературу.

Сейчасъ позвольте предположить, что вамъ доступны обще принятые представленія о томъ, что такое исторія и обратиться къ тому, какъ слагалось въ развитіи исторической и экономической науки взаимоотношеніе и взаимодействіе между тѣмъ, что въ наше время предметъ составляетъ основное содержаніе, т.е. между хозяйственной жизнью и между историческимъ угломъ взгляда на хозяйство или историческимъ пониманіемъ (истолкованіемъ) человѣческой жизни вообще. Тутъ два вопроса: 1) когда, какъ люди стали понимать, что для исторического развитія судебъ человѣчества или человѣческихъ обществъ хозяйственная жизнь имѣетъ важное опредѣляющее значеніе; 2) когда, какъ люди стали понимать, что хозяйственная жизнь человѣка есть такъ же, какъ и всѣ другія стороны жизни человѣческихъ обществъ, явленіе "историческое" и подлежитъ историческому изученію.

Итакъ, два вопроса: I - значеніе хозяйственной жизни для изученія исторіи и II - значеніе исторического изученія для пониманія хозяйственной жизни.

Значеніе хозяйственной жизни для исторического развитія человѣческихъ обществъ было особенно сильно почувствовано и соотвѣтствующимъ образомъ учено въ XIX вѣкѣ, когда возникло такъ называемое материалистическое или экономическое пониманіе исторіи, связанное съ именами двухъ великихъ соціалистовъ и соціологовъ XIX вѣка - Сень-Симона и Маркса.

Но въ сущности это значеніе было замѣчено и отмѣчено гораздо раньше, а именно греками. Греческая соціальная и политическая философія подмытила и подчеркнула значеніе имущества или владѣнія для политическихъ правъ и для политической власти и, въ связи съ этимъ, значеніе имущественного равенства или неравенства для состоянія общества. Замѣчательно при этомъ, что такъ же, какъ въ XIX вѣкѣ, теорія, утверждавшая основное опредѣляющее значеніе хозяйственной жизни для состоянія и развитія общества, отправлялась отъ практическихъ размышлений надъ общественными неустойчивостями, надъ борьбой разныхъ элементовъ общества между

собой, такъ же точно было и въ античномъ мірѣ. Раскройте вторую книгу "Политики" Аристотеля и вы увидите тамъ полемику съ идеями греческихъ соціалистовъ и соціальныхъ реформаторовъ (Платона и Фалеаса), для которыхъ, по словамъ Аристотеля, самимъ важнимъ представляется, чтобы имущественные отношения были упорядочены или устроены надлежащимъ образомъ, ибо изъ за нихъ возникаютъ общественные неурядицы (революции).

Аристотель соглашается съ тѣмъ, что известное имущественное равенство имѣеть значеніе для государственного общенія, но возражаетъ противъ преувеличенія этой мысли. Онъ - идеалистъ въ этомъ вопросѣ, какъ сказали бы теперь, тогда какъ Платонъ и Фалеасъ - материалисты. Платонъ однажды высказалъ чисто материалистической мысли, что всѣ войны возникаютъ изъза денегъ и имущества (Федонъ), между тѣмъ, какъ Аристотель прямо говоритъ, что объяснять одними материальными (чувственными) побужденіями посягательства на чужое добро нельзя. Совершенно уже невѣрно объяснять всю политику материальной и уж-дой.

Зависимость распределенія политического могущества отъ распределенія имущества составляетъ основной мотивъ размышленій, быть можетъ, самого глубокаго изъ историковъ древности, Полібія.

Эта античная точка зренія была передана новѣйшему времени, которое развило учение о балансе политического могущества въ государствѣ и о зависимости этого баланса отъ распределенія имущества, недвижимаго и движимаго.

Въ прямой зависимости отъ греческой доктрины о равновѣсіи силъ въ государствѣ англійскій публицистъ эпохи революціи Гаррингтонъ ясно формулируетъ учение, что "какова мѣра или балансъ владѣнія или собственности земельной, такова же природа власти (empire = power)". Тутъ въ новое время впервые ясно выражено, что природа политическихъ отношеній зависитъ отъ природы отношеній экономическихъ (1656 г.). Но Гаррингтонъ тутъ не оригиналъ - онъ всецѣло движится тутъ въ рамкахъ, намѣченныхъ политической литературой древнихъ. Не случайно, что эти идеи были высказаны въ эпоху глубокихъ соціальныхъ и политическихъ измѣненій. Въ XVIII вѣкѣ подъемъ Англіи внушалъ наблюдателямъ и исследователямъ мысль о томъ, что хозяйственная жизнь есть основа политического прогресса. Добопитный идеи-

ный документъ въ этомъ отношеніи представляетъ книга нѣмецко-датскаго ученаго Августа Геннинга "Философская и статистическая история происхожденія и развитія свободы въ Англіи", вышедшая въ 1783 году въ Копенгагенѣ (August Henning. Philosophische u. statistische Geschichte des Ursprungs und des Fortgangs der Freiheit in England).

XVIII вѣкъ вообще самымъ фактъмъ хозяйственного развитія наталкивалъ на размышенія о значеніи хозяйственного фактора. Любопытно въ этомъ отношеніи, что идея объ опредѣляющемъ значеніи хозяйства тамъ, гдѣ хозяйственная сторона жизни особенно господствовала надъ прочими сферами, проникаетъ даже въ "изящную словесность" — такъ мы видимъ это въ гамбургской поэзіи, одинъ изъ главнейшихъ представителей которой въ лирическо-дидактическихъ произведеніяхъ даетъ своеобразную формулировку экономического материализма.

Въ XIX вѣкѣ идея объ основномъ опредѣляющемъ значеніи хозяйственной жизни для исторического развитія человѣческихъ обществъ заявляетъ о себѣ съ особой силой. И любопытно, что мы можемъ въ XIX вѣкѣ прямо говорить о двухъ корняхъ этой идеи. Одинъ, слѣдя современной публицистической фразеологіи, можно назвать реакціоннымъ, другой — революціоннымъ.

XIX вѣкъ не только хронологическая грань. Въ силу того обстоятельства, что великая французская революція приходится на конецъ XVIII вѣка, наступленіе XIX вѣка есть дѣйствительно начало новой эпохи въ духовно-общественной жизни человѣчества. Оно обозначаетъ собой реакцію противъ господствующаго духа XVIII вѣка. Эта реакція, между прочимъ, выдвинула идею, что экономическая форма и отношенія имѣютъ болѣе существенное, болѣе опредѣляющее значеніе, чѣмъ формы и отношенія политической.

Эту идею выдвигаетъ Сенъ-Симонъ въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; ее развиваютъ сенъ-симонисты. Ее обобщаетъ и выливаетъ въ законченную форму и заостряетъ Марксъ. Я указалъ уже, что эта идея имѣетъ реакціонный корень. Сенъ-Симонъ тѣмъ и замѣчательенъ въ развитіи исторической философіи, что онъ въ своей фигурѣ объясняетъ двойственность экономического объясненія исторіи. Съ одной стороны, Сенъ-Симонъ — ученикъ энциклопедистовъ (Даламбера). На немъ почилъ духъ XVIII

вѣка и духъ революції. У него есть точки соприкосновенія съ материалистами-утилітаристами XVIII вѣка и съ либеральной политической экономіей. Онъ пережилъ увлеченіе духомъ естество-знанія, увлеченіе характерное для XVII и XVIII вѣка. Онъ вѣрить въ силу идеи. Всѣ эти идеи и вѣрованія прошли сквозь душу, можно сказать, прожгли ее. Но будучи человѣкомъ XVIII вѣка, Сенъ-Симонъ воспринялъ въ себѣ и реакцію противъ XVIII вѣка - реакцію чувства противъ разума, идеи власти (авторитета) и общественного единства противъ идеи права и правъ человѣческихъ личностей. Отсюда, изъ этого корня выростаетъ у Сенъ-Симона реакція "экономизма" противъ "политицизма". "Мы придали слишкомъ большое значеніе формѣ правительства. Намъ кажется, что вся политика сосредоточена въ этомъ вопросѣ и стоитъ только хорошо установить раздѣленіе властей, какъ все будетъ организовано наилучшимъ образомъ". Это - заблужденіе. "Законъ, который устанавливаетъ власть и форму правительства не столь важенъ, не оказываетъ столь значительного вліянія на счастье народовъ, какъ тотъ законъ, который устанавливаетъ собственность и регулируетъ ея осуществленіе". "Парламентское правительство, - говоритъ Сенъ-Симонъ въ томъ же сочиненіи, - какъ оно не предпочтительно передъ всѣми другими видами правительства, все таки лишь форма, существенной же основой общества является "порядокъ собственности" - "*la constitution de la propriete est le fond*". Въ своемъ превознесеніи вѣры и чувства, власти и авторитета, въ своемъ равнодушіи къ идеѣ права и своей относительно низкой оцѣнкой политическихъ формъ Сенъ-Симонъ обнаруживаетъ вліяніе противорационалистической и противоиндивидуалистической реакціи противъ рационализма и индивидуализма XVIII вѣка, той реакціи, выражателями которой во Франціи явились представители французской теократической школы, такие люди, какъ Жозефъ де Местръ, Бональдъ и др.

Эта связь Сенъ-Симона съ католически-реакціоннымъ направлениемъ, а Сенъ-Симонъ есть основатель и основоположникъ экономического материализма, - есть тотъ реакціонный корень экономического пониманія исторіи. Въ этомъ двойственномъ происхожденіи экономической или исторической материализмъ сближается съ французскимъ позитивизмомъ (контовскимъ), основателемъ которого слѣдуетъ считать тоже Сенъ-Симона и въ которомъ духъ Дагамбера сожительствуетъ съ духомъ Де Местра.

Въ філософії історії Сенъ-Симонъ "ідеологічний" і "матеріальний" економіческий факторъ ставить рядомъ - і въ этомъ другаа двоєственность сенъ-симонізма. Сенъ-Симонъ (и за нимъ Конть) настаивали, что міромъ управляють ідеї и въ каждой історической епохѣ отыскивали присущія ей руководящія ідеї. Сенъ Симону въ значительной мѣрѣ принадлежить (предшественникомъ его въ этомъ отношеніи является Тюрг) знаменитый законъ трехъ состояній, черезъ которые проходитъ сознаніе человѣчества: теологіческаго, метафізическаго и положительнаго, - самая популярная изъ всѣхъ ідей, пущенныхъ въ оборотъ такъ называемой положительной філософіей О. Конта.

Рядомъ съ значеніемъ порядка собственности Сенъ - Симонъ подчеркнулъ значение "промышленности", понимаемой не въ смыслѣ группы занятій, противоположной земледѣлію, а въ смыслѣ занятій, направленныхъ непосредственно на добываніе матеріальныхъ цѣнностей, т.е. въ известной мѣрѣ въ смыслѣ "производительныхъ" занятій школьной политической экономії, въ сущности, значитъ, въ смыслѣ "труда". "Успѣхи промышленности (индустріи) суть самые основные для общества, индустрія есть единственная гарантія существованія человѣческаго общества, единственный источникъ его богатства и счастья, "индустріальная идея" образуютъ необходимую объединяющую общество связь, и націи суть ни что иное, какъ индустріальная общества!" Въ индустрії (трудѣ) въ конечномъ счетѣ покоятся вся реальная сила общества. Соответственно этому у великой французской революції основное содержаніе было экономическое. Эта была революція, цѣлью которой была, очевидно съ момента ея возникновенія, организація нѣкоего экономического и либерального режима. Успѣхъ промышленности (*le succes de la cause industrielle*) есть въ действительности подлинная цѣль революції.

Въ частности, какъ творцы экономического объясненія истории Сенъ-Симонъ и его ученики - сенъ-симонисты (а за ними послѣдовалъ Луи Вланъ) выдвинули слѣдующіе два основныхъ факто-ра истории:

- 1) борьбу общественныхъ классовъ,
- 2) прогрессъ техники.

Генетическая связь экономического объясненія истории съ реакціей XIX вѣка противъ духа вѣка XVIII оказывается не только во Франції. Она столь же ясно обнаруживается и въ Германіи.

Въ Германії економіческое объясненіе исторіи первый формулировалъ консервативный соціалистъ съ французской фамиліей Лавернь Негильєнъ. Въ 1838 году онъ въ Кенигсбергѣ опубликовалъ первый томъ своего труда "Основы науки объ обществѣ" и въ этомъ томѣ, озаглавленномъ "Законы движенія и законы производства. Государственно-хозяйственный опытъ" на стр. 225 онъ формулировалъ въ достаточно рѣзкой и довольно отчетливой редакціи свое экономическое пониманіе исторіи: "Быть можетъ наука объ обществѣ, какъ таковая, до сихъ поръ столь мало подвинулась впередъ по тому, что экономическая формы недостаточно различались, и приорировалось, что они образуютъ основу всей организаціи общества и государства. Не обращали вниманія на то, что производство, распределеніе продуктовъ, культура и распространеніе культуры, государственная форма заимствуютъ всю свою силу и получаютъ свое развитіе исключительно изъ формъ хозяйства; что указаніе весьма важные моменты общественной жизни также неизбѣжно вытекаютъ изъ формъ хозяйства и ихъ надлежащаго примѣненія, какъ продуктъ рождается изъ оплодотворяющаго взаимодѣйствія производительныхъ силъ и что тамъ, где обнаруживается общественная болѣзни ихъ происхожденіе по общему правилу коренится въ противорѣчіи между формою государства и формою хозяйства".

Марксъ формулировалъ свою теорію зависимости исторического развитія человѣческихъ обществъ отъ хозяйственной жизни въ слѣдующемъ знаменитомъ разсужденіи:

"Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленія, необходимыя, независимыя отъ ихъ воли отношенія, отношенія производства, которые соответствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ материальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производительныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуютъ опредѣленныя формы общественного сознанія. Способъ производства материальной жизни обусловливаетъ вообще соціальный, политический и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а наоборотъ ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія материальная производительная сила общества приходитъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями

или, что является лишь юридическим выражениемъ таковыхъ, въ отнoшeнии собственности, въ предѣлахъ которыхъ они до сихъ поръ двигались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія превращаются въ ихъ путь. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономической основы преобразуется быстрѣе или медленнѣе вся громадная надстройка. При разсмотрѣніи такихъ переворотовъ необходимо всегда различать между материальными, съ естественно-научной точностью, могущими быть констатированными переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства и юридическими, политическими, религіозными, художественными или философскими, говоря кратко, идеологическими формами, въ которыхъ люди сознаваютъ этотъ конфликтъ и проводятъ его. Такъ же, какъ нельзя судить объ индивидѣ по тому, что онъ самъ о себѣ мнитъ, точно также нельзя объ эпохѣ такого переворота судить на основаніи сознанія; наоборотъ, надлежитъ это сознаніе объяснить въ противорѣчій материальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Никакая общественная формація не погибаетъ, прежде чѣмъ не разовьются всѣ производительныи силы, для которыхъ она достаточно широка, и новыя, болѣе высокія производственные отношенія не являются на ея мѣсто, прежде чѣмъ не будутъ подготовлены материальная условия ихъ существованія въ нѣдрахъ старого общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ только таik задачи, которыя оно можетъ разрѣшить, ибо при болѣе точномъ разсмотрѣніи всегда окажется, что самая задача возникаетъ только тамъ, где материальная условия разрѣшенія имѣются уже налицо, либо, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ своего возникновенія. Въ крупныхъ очеркніяхъ можно въ качествѣ послѣдовательныхъ эпохъ общественного развитія назвать азиатскій, античный, феодальный и современно-буржуазный способъ производства. Буржуазная производственная отношенія - послѣдняя антагонистическая форма общественного производственного процесса, антагонистическая въ смыслѣ индивидуального антагонизма, а въ смыслѣ антагонизма, выростающаго изъ общественныхъ условій жизни индивида. Но развивающіяся въ нѣдрахъ буржуазнаго общества производительные силы создаютъ въ то же время материальная условия для разрѣшенія этого антагонизма. На этой общественной формациіи

заканчивается поэтому доисторическая эпоха (*die Vorgeschichte*) человеческого общества".

Я не буду входить здесь в критику основных положений этой Марковской формулировки (она дана мною в сборник в честь Ключевского).

Экономическое понимание истории, какъ оно создано Сень-Симономъ и Марксомъ, ставить во главу угла ростъ производительныхъ силъ. Но есть другой вариантъ экономического объясненія исторіи, обыкновенно не подводимый подъ это понятіе и между тѣмъ имѣющій на это полное право. Это учение, согласно которому, определяющимъ общественное развитие факторомъ является ростъ населения. Ходъ мыслей, лежащій въ основѣ этой разновидности экономического объясненія исторіи, таковъ: размноженіе людей вынуждаетъ ихъ приспособлять всю свою хозяйственную жизнь къ потребностямъ растущаго населенія. Приспособленіе это совершаєтъся стихійно, какъ стихійно даютъ себя знать потребности растущаго числа человѣческихъ ртовъ.

Въ этой теоріи вѣрно подмѣченъ біологический фактъ, лежащий въ основѣ хозяйственной жизни, поскольку населеніе не вымираетъ и не ограничиваетъ сознательно своего размноженія. Однако, даже и въ этомъ случаѣ вліяніе этого факта можетъ значительно видоизменяться въ зависимости отъ факторовъ совершенно другого порядка. Ростъ населенія можетъ оказывать свое полное вліяніе только тамъ, где такъ или иначе въ жизни признается, что всякий являющійся на свѣтъ человѣкъ имѣеть право на существование. Право это начисто отрицается тамъ, где лишнихъ дѣтей просто и прямо устраняютъ сейчасъ же послѣ рожденія. Это крайняя форма репрессивного отрицанія права на существование. Но въ сущности ни одинъ изъ существовавшихъ до сихъ поръ общественныхъ порядковъ не былъ основанъ на полномъ признаніи права на существование каждого явившагося на свѣтъ человѣка.

Существующее человѣческое общество приближается всей своей организацией общественного призрѣнія, общественной медицинской помощи и вообще общественного здравоохраненія къ такому признанію. Но и теперь еще въ современномъ обществѣ - слѣдуетъ это признать - экономически лишніе люди оказываются беспомощными и беззащитными и гибнутъ во множествѣ. Это есть тоже репрессивное отрицаніе права на существование не ~~человѣческое и хе-~~

стокое какъ утверждение дѣтей, но всетаки неуклонно дѣйствующее. Гдѣ не измѣнѣ даже и при не признаніи права на существование за каждымъ вновь являющимся на свѣтъ, нельзя не согласиться, что ростъ населенія тамъ, где онъ налицо, есть могущественный факторъ общественно-экономической жизни. Поскольку мы становимся на точку зренія экономического объясненія исторической эволюціи человѣческихъ обществъ, естественно именно этотъ факторъ положить во главу угла такого объясненія.

Значеніе роста населенія, какъ основного момента экономической эволюціи, неоднократно выдвигалось въ соціалистической литературѣ. Въ сущности эта мысль *implicite* заключается во всемъ построеніи Мальтуса. Въ особенности ясно и рѣзко высказалъ эту мысль швейцарскій экономистъ Ферреншвандъ (1730 — 1807). Онъ уже намѣгилъ то положеніе, которое дальше нашло себѣ плодотворное развитіе, а именно, что всякой "хозяйственной системѣ" соответствуетъ известная емкость территории по отношенію къ населенію. Этую мысль блестательно развилъ Фридрихъ Листъ въ своей "Национальной системѣ политической экономіи". Вслѣдъ за Листомъ ее развили и обосновали Дюрингъ; изъ новыхъ экономистовъ ее проводитъ грацкій профессоръ Рихардъ Гильдебрандъ (сынъ Бруно Гильдебранда); въ частности онъ примѣнилъ ее къ аграрной эволюціи. Извѣстный итальянскій соціологъ и экономистъ Лоріа сводитъ къ тому же моменту всѣ измѣненія хозяйственныхъ формъ. Такую же соціологическую концепцію мы находимъ у Максима Ковалевскаго. Вопросъ о ростѣ населенія фигурировалъ и въ спорѣ объ условіяхъ возникновенія и развитія капитализма въ Россіи, происходившемъ между "народничами" и "марксистами". Огромное значеніе роста населенія и соотношеніе между его размноженіемъ и хозяйственнымъ строемъ было положено мною въ основу объясненія новѣйшаго экономического развитія Россіи въ книгѣ: "Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи" (1894). Это была та мысль, которая клада рѣзкую грань между моимъ пониманіемъ процесса экономического развитія Россіи и пониманіемъ какъ народническимъ, такъ и ортодоксально-марксистскимъ.

Ростъ населенія есть факторъ столь же материальный, сколько и ростъ производительныхъ силъ, но нѣсомнѣнно по существу болѣе первичный, и потому въ учетѣ причинныхъ моментовъ его слѣдуетъ, разсуждая отвлеченно, поставить раньше, чѣмъ ростъ

производительныхъ силь. Ростъ производительныхъ силь есть какъ бы процессъ приспособленія къ тому положенію, которое для той или иной человѣческой группы создается ростомъ населенія.

Такимъ образомъ, — какъ это ни представляется на первый взглядъ страннымъ въ виду известнаго крайне отрицательнаго отношенія Маркса къ Мальтусу и его учению — въ основу экономическаго материализма въ смыслѣ Маркса должна быть положена та же мысль, которая является основой и для ученія Мальтуса. Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что, расширяя кругъ своихъ экономическихъ размышленій, Энгельсъ въ известной разработкѣ книги Моргана о первобытномъ обществѣ вынужденъ былъ признать значение роста населения рядомъ съ ростомъ производительныхъ силь. Въ указанной обработкѣ Энгельсъ выставилъ положеніе, что, согласно материалистическому пониманію исторіи, опредѣляющимъ моментомъ въ исторіи является производство и воспроизведеніе жизни. Оно же двоякаго рода: 1) производство средствъ жизни и средствъ для ихъ производства и 2) производство самого человѣка, размноженіе рода. Однако Энгельсъ не уяснилъ себѣ смысла этого признанія роста населенія, какъ соціологического фактора, и не сдѣлалъ изъ него никакихъ выводовъ.

Носкольку Марксъ отрицалъ начисто построеніе Мальтуса, въ этомъ отрицаніи заключалась мысль, что ростъ производительныхъ силь всегда приспособляется къ росту населения, что населеніе никогда не опережаетъ производительныхъ силь. Это, конечно, вообще и въ частности для "капиталистической эпохи"—доктринальное предположеніе, не могущее быть исторически оправдано. Но, съ другой стороны, и Мальтусъ и мальтузіанство чисто доктринально утверждаютъ, что ростъ населения всегда опережаетъ (или имѣть тенденцію опережать) ростъ производительныхъ силь. Однако нѣтъ вовсе никакой абсолютной необходимости даже въ томъ, чтобы населеніе вообще росло. Основная ошибка Мальтуса именно въ томъ и заключалась, что онъ считалъ ростъ населения чѣмъ то абсолютнымъ и неизбѣжнымъ. Вовсе не неизбѣжно, чтобы росло населеніе, такъ же какъ, съ другой стороны, отнюдь не неизбѣжно, чтобы возрастали производительныя силы общества. Вопросъ этотъ имѣть тѣмъ большее значеніе для современнаго "капиталистическаго" человѣчества,

что для него очевидно иметь силу не "законъ" Мальтуса, не взаимовлияние между средствами существования и населения въ силу слишкомъ быстрого роста послѣдняго, а именно "французскій типъ" размноженія, "стационарность" населения, обусловленная тѣмъ, что современный человѣкъ не желаетъ отяготить своей жизни заботой о слишкомъ большомъ потомствѣ.

Л В К Д I Я 2.

Проблема населения является такимъ образомъ проблемой, въ которой также ставится вопросъ о значеніи хозяйства для историческихъ судебъ народа. Всякое абсолютное рѣшеніе этого вопроса является доктринальнымъ, независимо отъ характера самого рѣшенія. Соотношеніе роста производительныхъ силь и роста населения есть вопросъ факта, при чёмъ это фактическое соотношеніе обоихъ факторовъ чрезвычайно сложно. Это игнорировалось въ прежнихъ теоріяхъ, не видѣвшихъ, что вопросъ о размноженіи — хотя послѣднее само по себѣ изъ области біологии — связанъ съ многими психологическими вопросами.

Во первыхъ, само населеніе является производительнымъ факторомъ, однимъ изъ элементовъ производительныхъ силь. Человѣкъ — главный производительный факторъ хозяйственного процесса; масса человѣческихъ силь, помѣщаемыхъ въ процессѣ производства, играетъ огромную роль. Съ другой стороны ростъ населения оказываетъ давленіе на процессъ производства въ принужденіи къ интенсифицированію хозяйства.

Такимъ образомъ, здѣсь сплетаются самые различные комбинаціи, которые и отражаются въ рѣшеніяхъ вопроса о значеніи населения. Идея, что человѣкъ самъ — производительная сила и что ростъ населения, значитъ, пропорционаленъ росту производительныхъ силь служитъ основой оптимистической концепціи Генри Джорджа. Въ извѣстномъ смыслѣ его утвержденіе справедливо: ростъ населения составляетъ материальную основу роста производительныхъ силь. Совсѣмъ иное значеніе приобрѣтѣтъ ростъ населения въ другихъ теоріяхъ, образчикомъ которыхъ служитъ теорія Мальтуса. Здѣсь ростъ населения дѣйству-

еть не непосредственно, какъ производительная сила; вліяетъ черезъ давленіе на психику потребляющаго, какъ психологической мотивъ, какъ моментъ нужды, какъ плетка, бичъ, подгоняющей людей, а не прямо черезъ массу энергіи; дѣйствуетъ не со стороны производства, труда, а со стороны потребленія.

Несмотря на комбинаціи разныхъ отношеній, въ которыхъ вступаютъ эти факторы, зависимость между ними остается, тѣмъ не менѣе, въ силѣ. Ее можно прослѣдить и на фактахъ современности. Обратимся къ современной Франціи съ ея стационарнымъ населеніемъ. Послѣдній фактъ вызываетъ основные особенности хозяйственного строя этой страны: замедленный темпъ активнаго экономического развитія Франціи бросается въ глаза непосредственно; уже при перѣездѣ черезъ границу Германіи, вы попадаете въ другую экономическую обстановку, темпъ которой совсѣмъ иной. Такимъ образомъ замедленный ростъ населенія отражается и въ хозяйствѣ: застой роста народонаселенія виноватъ хозяйственный застой. Здѣсь сама жизнь производить замѣчательный экспериментъ, оригинальность котораго не укладывается ни въ построе-нія Мальтуса, ни въ конструкціи его противниковъ. Значеніе роста населенія выходитъ за предѣлы хозяйственной жизни, проявляясь и въ жизни политической. Соотношеніе политическихъ церквей, напримѣръ, относительная международная слабость Франціи сравнительно съ Германіей обозначаетъ именно замедленный ростъ ея населенія. Въ политической жизни это проявляется еще ярче, такъ какъ здѣсь ярче просто численная зависимость вооруженной чила отъ количества населенія. Съ другой стороны тотъ процессъ, который сдѣлалъ Францію кредиторомъ-банкиромъ другихъ странъ (например Россіи, Турціи и др.), благодаря чему Франція занята ресована въ мирномъ развитіи государствъ - должниковъ ея, стоитъ также въ связи съ характеромъ роста ея населенія. Если бы во Франціи росло населеніе, Франція принуждена была бы ломѣть капиталы внутри страны, не могла бы снабжать въ такомъ количествѣ деньгами другія страны, какъ Германія не можетъ играть роли кредитора. Во французскомъ процессѣ ясенъ психологический моментъ: французский крестьянинъ сознательно и энергично воздерживается отъ размноженія. Такимъ образомъ, воздержаніе отъ дѣтворожденія задѣрживаетъ ростъ потребленія, освобождаетъ массу капиталовъ, которая и размѣщается на внешнихъ рынкахъ.

Значеніе населенія для хозяйственої жизни огромно, связь его съ экономикой страны велика, но теоретическая схема не достаточно эластична, чтобы уловить сложность этой связи. Поставимъ вопросъ: чѣмъ человѣчество могло бы замѣнить значеніе, которое играетъ ростъ населенія, создающій атмосферу активности, являющейся рычагомъ развитія? Вопросъ этотъ имѣть тѣмъ большую важность, что для современного человѣчества имѣть значеніе не "законъ" Мальтуса, а "французскій типъ" размноженія: неподвижность или стационарность населенія, вызванная нежеланіемъ человѣка обременять себя большой семьей. Эта проблема не только экономическая, а и политическая: вопросъ о национальномъ самоутвержденіи. Поэтому западно-европейскіе политики съ тревогой слѣдятъ за всюду отмѣчающимъ процессомъ ослабленія роста населенія въ культурныхъ странахъ.

Эти замѣчанія должны были иллюстрировать одинъ изъ вариантовъ экономического объясненія исторіи.

Послѣ того, какъ было выяснено значеніе экономического момента, опредѣляющее значеніе хозяйственной жизни, я перейду къ пониманію хозяйства какъ явленія исторіи.

Тутъ обнаруживается одно явленіе, играющее огромнейшую роль въ общественныхъ наукахъ. Наука, - какъ учение о томъ что было, есть и будетъ въ силу необходимыхъ условій и обстоятельствъ природы, - наука - какъ учение о сущемъ - должна быть свободна отъ системы размышеній, связанныхъ съ постановкой цѣлей, отъ практики, отъ политики, отъ того, что должно быть въ зависимости отъ определенной цѣли, отъ установленного въ согласіи съ идеаломъ. Если вы ставите проблему сущаго, то въ силу научной нравственности или добропорядочности не слѣдуетъ касаться проблемы **должнаго**. Сущее и должно *) - различные категоріи, опредѣляющія различное отношеніе ко всему бытію. Ихъ смыденіе отражается фатально-вредно на ходѣ научнаго мышленія тѣхъ, кто ихъ сознательно смѣшиваетъ. Но человѣкъ не всегда руководится сознаніемъ, не все въ человѣческихъ дѣлахъ совершаются сознательно. И это необходимо и даже въ известномъ смыслѣ хорошо: въ самой жизни никогда не бываетъ рѣзкаго отдѣленія сущаго отъ должна и невыгоды этого компенсируются тѣмъ что этими гаран-

*) Конечно, обоснованія условій людей склоняютъ къ тому сумму принципіи, которыхъ опредѣляющіе судьбы людей. Но же это понижается, такъ ясно изъ жескса, подъ категоріей должна.

тируется живая связь съ реальной жизнью, съ живительными источниками знанія. Въ примѣненіи къ нашему предмету: практическіе сомнѣнія въ эффективности предписаній практической экономіи, притязавшихъ на абсолютность - вотъ что породило историческую школу, которой мы обязаны пониманіемъ хозяйства, какъ вѣчно текущаго, измѣняющагося процесса. Усомнились въ практической примѣнимости предписаній, одѣтыхъ въ костюмъ "естественныхъ" законовъ, "естественнаго" порядка вещей. Историческое пониманіе хозяйства вытекло такимъ образомъ изъ практическаго сомнѣнія въ абсолютныхъ началахъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ поворотомъ политической экономіи къ историзму, если брать его какъ явленіе развитія соціальной мысли, рассматривать его въ широкомъ общественномъ процессѣ возникновенія и развитія ідей изъ потребностей и задачъ эпохи. Когда мы рассматриваемъ развитіе ідей такъ, - мы находимъ всегда въ нихъ психологическую связь съ практической жизнью, какъ бы "отвлеченными" и отрѣшенными отъ жизни сиѣ ии казались. Въ этомъ чисто психологическомъ смыслѣ права та въ настоящее время модная теорія, которая известна подъ названіемъ прагматизма и которая теоретическія ідеи выводить изъ практическихъ цѣлей и потребностей. Но эта связь и зависимость чисто психологическая и фактическая, такъ же какъ чисто психологический и фактический характеръ носить историческая зависимость наукъ физики и химіи отъ технологіи. Содержаніе теоретическихъ учений, однако, нисколько не зависитъ въ своемъ познавательномъ достоинствѣ отъ тѣхъ практическихъ мотивовъ и мыслей, которыми обусловливается и сопровождается добываніе этихъ учений. Истина, конечно, и есть то, что полезно и нужно человѣчеству или определенной группѣ людей въ данный исторический моментъ. Это низведеніе истины и истинъ до практически полезныхъ приспособленій человѣка въ его борьбѣ за существованіе все не вытекаетъ изъ простого и трезваго признанія психологической зависимости разыскиванія истины отъ практическихъ потребностей, интересовъ и стремлений людей. Въ особенности такая зависимость явственно выражается въ развитіи знаний и размыленій человѣка о себѣ какъ общественномъ существо-

Когда - повторяю - усомнились въ практическихъ рѣменіяхъ либеральной политической экономіи, то усомнились тѣмъ самимъ въ теоретическомъ фундаментѣ этихъ практическихъ ідей, въ мн-

сли, что хозяйство есть нечто отъ вѣка данное, незыблымое, неизмѣнное. Его стали рассматривать какъ измѣняющееся "историческое" явленіе, начала которого имѣть не абсолютное, а относительное значеніе, которое преобразуется въ процессѣ измѣненія и роста народной жизни.

Застройщикомъ исторического воззрѣнія на общественную жизнь является, однако, не политическая экономія, а правовѣдѣніе. Историческая школа въ правѣ есть пionеръ исторического пониманія общественной жизни. Въ 1814 г. появился знаменательный манифестъ исторической школы въ правовѣдѣніи - книга Савинъ "О призваніи нашего времени къ законодательству". Эта книга, какъ и все историческое воззрѣніе, родилась изъ реакціи противъ духа XVIII вѣка. Теоретическое воззрѣніе историзма впервые было порождено консервативной реакцией и было продиктовано практическими интересами и потребностями. Это станетъ намъ еще яснѣе, если мы вспомнимъ вотъ что. Какъ теоретическое, академическое, профессорское построеніе, историзмъ въ правѣ родился въ Германіи; но оно было предварено въ Англіи практическими откликами, можно прямо сказать, крикомъ, который за много лѣтъ раздался въ Англіи, когда знаменитый англійскій политический дѣятель Беркъ бросилъ революціонному духу въ лицо свои классическія размышленія о французской революціи, вскорѣ переведенные на немецкій языкъ.

Не только историческое направление въ политической экономіи было предварено и подготовлено историческимъ направлениемъ въ правѣ. Самое развитіе чистой исторіи сыграло крупную роль въ пониманіи хозяйственной жизни какъ исторического явленія. Уже въ XVIII вѣкѣ филологи и историки стали исторически изучать хозяйство классической древности, среднихъ вѣковъ и отчасти новаго времени. Человѣкъ, который явился основателемъ науки русской исторіи, достопочтенный Августъ Людвигъ Шлецеръ называлъ себя ученикомъ гамбургскаго экономиста Буша и англійскаго предшественника Смита, забытаго, но замѣчательного экономиста Джемса Стюарта. Онъ въ своихъ историческихъ трудахъ обращаетъ вниманіе на хозяйственную жизнь и у Шлецера встрѣчаемъ весьма ясныя ногти экономического или исторического материализма. "Исторія табака писалъ онъ, будетъ столь же интересна, какъ и исторія Тамерлана или древнихъ ассирийцевъ если мы предполагаемъ, что та связь, которую

какой-либо предметъ имѣть, какъ причина со слѣдствіемъ, съ величими историческими перемѣнами, является единственнымъ мѣрой исторического значенія".

Въ трудахъ такого вліятельного историка какъ Георенъ ("Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Volker des allen Welt", съ 1793 г.) хозяйственная жизнь занимаетъ крупное мѣсто и является предметомъ внимательного изученія. (Здѣсь уместно такъ же вспомнить, что знаменитый англійскій философъ и историкъ Биръ въ то же время былъ раннимъ экономистомъ). Но еще важнѣе былъ тотъ фактъ, что великій преобразователь древней исторіи В. Г. Нибуръ въ изученіе этой области внесъ живой интересъ къ экономическимъ проблемамъ и ясное ихъ пониманіе. Отсюда его интересъ къ судьбамъ римского крестьянства. Ученикомъ Нибура былъ знаменитый историкъ Греціи Векъ, написавшій "Государственное хозяйство Афинъ" 1817 г. - сочиненіе, положившее прочное начало экономической исторіи Греціи, на основе эпиграфического материала, материала надписей. Его урокъ зренія очень хорошо охарактеризованъ однимъ лауреатомъ историкомъ, который сказалъ: "старому веку въ плоть и кровь перенесъ тотъ фактъ, что афиняне жили ячменемъ и пшеницей, а не поэзіей и философией".

Если въ Германіи историческая школа въ политической экономіи была подготовлена исторической школой въ правовѣданіи и критической исторії, то во Франціи экономическое пониманіе исторіи, какъ это формулировалъ Сень-Симонъ и сень-симонисты, рано опредѣлило историческія изученія. Изъ школы Сень-Симона вышелъ не только основатель французской т.н. позитивной философіи Конть, но и одинъ изъ самыхъ блестящихъ французскихъ историковъ XIX вѣка - Огюстенъ Тьерри. Французские историки XIX в. вообще не безъ вліянія Сень-Симона и сень-симонизма уловили и одѣнили значение для историческихъ судебъ человѣческихъ обществъ классовой и вообще соціальной борьбы, вырастающей въ значительной мѣрѣ на экономической почвѣ, и этотъ мотивъ, у Сень-Симона и сень-симонистовъ являемійся геніальнымъ прозрѣніемъ, превратили въ мотивъ методического изученія прошлаго.

Основатели исторической школы въ политической экономіи Роперь, Кністъ, Гильдебрандъ были экономистами, не только прошедшими историческую школу, но и по всей своей подготовкѣ, по исходнымъ точкамъ своего научнаго пути они были учеными историками, къ тому же испытавшиими на себѣ извѣстное

віляніє великихъ філософськихъ системъ Германії почала XIX вѣка, всего больше системы Гегеля.

Політическая экономія оплодотворяется, такимъ образомъ, исторіей и затмъ начиняется обратный процессъ: политическая экономія оплодотворяетъ исторію. Историческое изучение и истолкованіе помогаетъ исторически понять современность. Исторически понятая современность, т.е. историческое пониманіе экономической современности и новѣйшаго экономического развитія помогаетъ уловить и понять экономическихъ явлений и пружины прошлаго.

Экономисты, обратившись къ историческому матеріалу древности, историческими особенностями хозяйственного строя древности истолковывали для себя современный хозяйственный строй. Въ этомъ контекстѣ не случайно, а наоборотъ въ высокой степени знаменательно, что теорію хозяйственного строя древности создалъ великий нѣмецкій соціалистъ Р од б е р т у съ , одинъ изъ сильнейшихъ по уму экономистовъ XIX вѣка. Мысль Родбертуса интенсивно работала надъ великими практическими соціальными и политическими проблемами новѣйшаго времени. И изъ этой работы выростало у него его истолкованіе явлений древности, его представленіе о хозяйствѣ древности, какъ о замкнутомъ хозяйствѣ, "о икоствѣ". "Ойкосное хозяйство" древности — о ступеняхъ экономического развитія я буду трактовать особо — въ такихъ выпуклыхъ, рѣзкихъ очертаніяхъ выступило передъ Родбертусомъ именно потому, что онъ весь былъ полонъ мыслями объ экономической современности.

За экономистомъ Родбертусомъ въ противопоставленіи античного хозяйства современному послѣдовалъ другой экономистъ — Б ю х е ръ, создавшій цѣлуу весьма стройную теорію ступеней хозяйственного развитія.

У историковъ въ общемъ противоположный уклонъ мысли. Самые выдающіеся историки древности въ экономическомъ истолкованіи ея настаиваютъ на сближеніи явлений античныхъ съ явлениями современности. Въ этой области несомнѣнныи "модернаторомъ" былъ М о м с е нъ . Любопытно, что Момсенъ въ области древней экономики, гдѣ онъ не былъ специалистомъ, былъ гораздо больше "модернаторомъ" чѣмъ въ области права, гдѣ онъ былъ специалистомъ (по своей исходной специальности Момсенъ былъ юристомъ) и гдѣ онъ въ отношеніи римскаго государ-

ственного права выставил задачу понять это право изъ его собственныхъ основъ.

За Моммсеномъ въ этомъ отношеніи слѣдуютъ крупнѣйшіе современные историки древности, Эдуардъ Мейеръ, Карль Юліусъ Веложъ, Робертъ фонъ Пельманъ.

Экономисты же, наоборотъ, стремятся, какъ и ихъ первоучитель Родбертусъ, понять экономику древности какъ особый укладъ экономическихъ отношеній.

Интересный примеръ прямого вліянія экономического изслѣдованія нового времени на пониманіе античныхъ экономическихъ отношеній представляеть отношеніе между историкомъ К. Нейманомъ и его коллегой по страсбургскому университету Кнаппомъ.

Споръ между экономистами, подчеркивающими особенный экономический характеръ разныхъ историческихъ эпохъ, и историками, при помощи понятій современности истолковывающими отдаленнымъ отъ насъ эпохи, какъ я уже указалъ, имѣть огромный интересъ и ставить передъ нами важнѣйшія задачи. Экономисты, какъ будто, въ этомъ спорѣ "историчнѣ", чѣмъ историки. И въ то же время историчнѣ они потому, что они подходятъ къ историческому матеріалу съ систематическими категоріями, спедиально для этого матеріала вычеканенными. "Историчнѣ" они потому, что они работаютъ при помощи рѣзко очерченныхъ понятій, а не руководствуются расплывчатыми, ходящими представленіями и соблазнительными аналогіями. Повидимому, дѣло обстоитъ такъ, что вопросъ a lіmіne рѣшается въ пользу экономистовъ противъ историковъ. Было время, когда я стоялъ на этой точкѣ зренія.

Но дѣло обстоитъ сложнѣе. Тѣ историческія понятія, тѣ идеально-типическія конструкціи, которая создалъ "историзмъ" экономистовъ, именно какъ конструкціи, вызываютъ сомнѣнія. Не суть ли это конструкціи схемы, насилиующія историческій матеріалъ, который подъ нихъ подгоняется? Не представляются ли эти конструкціи предвзятыми "директивами" для изслѣдованія, которое должно начинаться безъ всякихъ директивъ, безъ всякихъ предпосылокъ? И не представляется ли, предположеніе, что все содержаніе экономическихъ отношеній разныхъ эпохъ укладывается въ такія схематическія построенія, фактически невѣрными и по существу сомнительными? Тутъ, очевидно, есть вопросы, которые надо правильно поставить и посильно разрѣшить.

Истолкованіе разныхъ историческихъ эпохъ при помощи осо-
быхъ историческихъ построеній вытекло какъ я указалъ, изъ со-
мнѣній въ общепримѣнимости систематическихъ категорій современ-
ной хозяйственной жизни къ другимъ историческимъ эпохамъ. Если
историки упрекали экономистовъ въ априорныхъ построеніяхъ, то
ясно, что "историзмъ" экономистовъ вовлекъ ихъ въ сооруженіе
этихъ особыхъ историческихъ построеній. Принципіально подобное
установленіе понятій для пониманія груды историческихъ фактовъ
правильно. Пониманіе историческихъ фактовъ безъ понятій, безъ
систематическихъ категорій невозможно. Это надлежитъ разъ на-
всегда признать. Споръ можетъ идти не объ этомъ. Споръ можетъ
идти только о томъ: дѣйствительно ли разные хозяйственныи укла-
ды такъ различны, что для каждого изъ нихъ нужны особыи систе-
матическая понятія, дѣйствительно ли вѣрно то, что утверждаетъ
напримѣръ Бюхеръ, что понятія, которыя создала традиціонная по-
литическая экономія—"англійская политическая экономія"(Бюхеръ)
непримѣнимы къ другимъ хозяйственнымъ укладамъ.

Этого основного противоположенія историки - противники Бю-
хера - не уловили ясно, а именно въ немъ суть разногласія и
сущность проблемы самой исторіи хозяйственнаго быта, какъ осо-
бой науки.

Моя точка зренія: фактическій матеріалъ исторіи экономиче-
скихъ отношеній долженъ быть обрабатываемъ и истолковываемъ при
помощи основныхъ систематическихъ категорій политической эконо-
міи. Эти категоріи, какъ понятія, суть не историческія, а систе-
матическая построенія.

Исторія хозяйственнаго быта и есть - въ отличіе отъ про-
стого историческаго разсказа о томъ, какъ хозяйствовали люди
въ разныя эпохи - обработка историческаго матеріала о хозяйствен-
ной жизни людей при помощи систематическихъ категорій по-
литической экономіи или, если угодно, популярнѣе, но менѣе точ-
но выражаясь: историческое истолкованіе систематическихъ кате-
горій политической экономіи.

Бюхеръ, на основѣ заложенной Родбертусомъ и Марксомъ, пы-
тался создать ученіе объ историческихъ категоріяхъ политиче-
ской экономіи. Я въ своемъ построеніи стремлюсь элиминировать
самое понятіе "историческихъ категорій". Оно на мой взглядъ ви-
зыває недоразумѣнія и вносить въ истолкованіе экономики про-

шлаго вместо прежняго антиисторическаго предразсудка, по которому наивный дикарь приравнивался къ биржеику, "исторический предразсудокъ"! Основныя упорядочивающія исторический материалъ понятія, именно какъ понятія, не суть вовсе понятія "исторической" - трактованіе ихъ какъ таковыхъ, логически несостоятельно и плодить недоразумѣнія. Эти понятія мы должны привносить для того, чтобы при ихъ помощи научно упорядочивать нашъ исторический материалъ. Не понятіе "историчны", а предметъ, который мы будемъ обрабатывать при помощи этихъ понятій есть "исторический" процессъ развитія хозяйственныхъ явлений и отношеній. Наоборотъ, мы можемъ даже определенно сказать, что основныя экономическая понятія или иначе систематическая категорія политической экономіи не суть "исторической" понятія и ими быть не могутъ. Правда, реальная явленія, "обозначаемыя" при помощи этихъ понятій, когда-нибудь, гдѣ-нибудь "возникли" и суть въ этомъ смыслѣ "историческія явленія". Возможно, что "обмѣнъ" напр. не существовалъ когда-нибудь вовсе среди людей, но такъ же какъ исторія словесность не существуетъ для насъ среди обезьянъ, потому что онѣ не только не пишутъ, но даже и не говорять, "хозяйственности" не существуетъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ напр. не только фактическое упражненіе обмѣна, но и психическая возможность и неизбѣжность такого при наступлении известныхъ условій. Такихъ людей мы въ сущности не знаемъ. Извѣстныя категоріи политической экономіи конституируютъ, образуютъ самое понятіе хозяйства и хозяйственной жизни.

Разъясненіе моей точки зренія, которая есть сознательная реакція противъ историзма уже не въ политической экономіи, а противъ "историзма" въ его главной твердніи, въ исторіи хозяйственного быта, можетъ быть дано лишь въ процессѣ положительного развитія по существу этого возврѣнія, т. е. въ процессѣ изложенія курса въ такой системѣ, которая для моего пониманія науки является системой "естественнай" и необходимой.

Прежде чѣмъ приступить къ изложению этой системы, я остановлюсь лишь еще на одномъ вводномъ вопросѣ, а именно на отношеніи хозяйственной жизни къ другимъ сторонамъ или системамъ культурной жизни. А именно я попытаемъ освѣтить въ общихъ чертахъ отношеніе хозяйственной жизни къ такимъ системамъ культуры, какъ релагія, наука (включая въ послѣднее понятіе и технику, и право). Эти размышленія вернутъ насъ къ некоторой

части тѣхъ проблемъ, рѣшеніе которыхъ составляетъ содеряніе такъ называемаго историческаго материализма.

Въ настоящее время можно сказать, что идея о постоянной и основной зависимости религіи, какъ надстройки, отъ хозяйства, какъ фундамента или базиса, совершенно подорвана положительнымъ изслѣдованіемъ. Соотношеніе между этими двумя сторонами или системами культуры во первыхъ, совсѣмъ не то, какимъ оно представлялось экономическимъ материализмомъ Маркса и во вторыхъ, оно гораздо сложнѣе. Прежде всего, мы теперь о духовной жизни человѣка на первыхъ стадіяхъ, намъ вообще доступныхъ, знаемъ гораздо больше, чѣмъ знали наши предшественники; мы понимаемъ эту жизнь гораздо лучше, вѣрнѣе, только въ наше время стали ее понимать.

Не только религія первобытного человѣка не была производной отъ его экономики, но, наоборотъ, для того, чтобы раскрыть послѣднюю мы должны войти въ религіозную жизнь первобытного человѣка, ибо хозяйство или экономика его были глубоко погружены въ религію.

Первобытный человѣкъ былъ всесѣло объять религіей. Но эта религія была не тѣмъ, что мы понимаемъ подъ этимъ именемъ. Враждебны къ религіи или, наоборотъ, къ ней чувствуемъ тяготѣніе, современная религія — какъ таковая проникнута идеалистическимъ духомъ, ее интересуетъ "нездѣшній- міръ, бытіе, лежащее за предѣлами видимаго и осязаемаго, бытіе потусторонніе, вѣтъ естественной сферы лежащее.

Религія первобытная, наоборотъ, была вся въ здѣшнемъ мірѣ. Она этотъ міръ, въ каждый мигъ его существованія, наполняла множествомъ силъ, фантастическихъ съ нашей точки зренія, но вполнѣ реальныхъ въ глазахъ первобытного человѣка. Эти фантастичнія силы и силы природы не различались ни по своему характеру, ни по своему достоинству. "Материализмъ . присущій человѣческой мысли ... еще болѣе очевиденъ у первобытныхъ людей, чѣмъ въ наше время. Первобытный человѣкъ вѣритъ въ сверхъестественное, но сверхъестественныя существа и представленія для него есть часть природы..."

Современный человѣкъ такія представленія о мірѣ называетъ суевѣріемъ. Но въ эту эпоху и всѣ представленія о хозяйственной жизни были пронизаны суевѣріемъ и подчинены ему. Лишь постепенно эти хозяйственныя представленія выдѣлились изъ об-

щей массы представлений религиозныхъ. Что это значитъ конкретно, это я покажу въ дальнѣйшемъ, теперь для меня важно формулировать общее положеніе, которое можетъ быть извлечено изъ положительного изслѣдованія: не религія есть историческая надстройка надъ хозяйственной жизнью, а первоначально вся хозяйственная жизнь погружена въ религію и вмѣстѣ съ нею, съ религіей материальнаго страха или материальной зависимости, составляеть недифференцированное цѣлое, въ которомъ господствуетъ мотивъ не "экономическій", мотивъ зависимости отъ силъ, совершенно ирраціональныхъ въ глазахъ современаго человѣка, т.е. мотивъ религиозный. Таково отношеніе хозяйства къ религіи на известной стадіи.

Что же происходитъ дальше? Религія въ стадіи грубаго суевѣрія есть не только вѣра, но и организованная борьба со злыми, враждебными человѣку силами. Тутъ начатки того, что въ общей формѣ слѣдуетъ называть культомъ и что есть сложная система дѣйствій индивидуальныхъ и общественныхъ, направленныхъ на борьбу съ злыми силами и на общеніе съ добрыми силами. Развѣтываясь въ культе, религія выполняетъ свою роль въ общественной жизни людей и входитъ въ чрезвычайно сложныя отношенія съ хозяйственной дѣятельностью. Но не обѣ этомъ сейчасть рѣчь. Важнѣе другое. Какъ внутреннее отношеніе, по своему идеальному содержанію, религія изъ материалистической стадіи переходитъ въ идеалистическую или спиритуалистическую. Въ общемъ итогѣ получается вотъ что: злые силы изъ множества демоновъ, "чертей", населяющихъ міръ, превращаются въ безличное міровое "зло". Добрыя силы превращаются въ Бога, царящаго въ мірѣ и надъ міромъ, но уже не участникоаго въ человѣческомъ образѣ въ дѣлахъ этого міра. Зло обезличилось, а "Добро" удалилось, какъ личная, по образу и подобію человѣческому, мыслимая сила, отъ міра "сего".

Важнѣйшій и рѣшающій шагъ въ этомъ отношеніи представляется христианство. Христианство, какъ грандиозное и широчайшее религиозное явленіе въ жизни "передовыхъ" народовъ "культурнаго" человѣчества, явилось объектомъ толкованія именно съ точки зрѣнія зависимости высшихъ и тончайшихъ проявленій духа, какъ надстройки-отъ "экономического" фундамента или базиса. До сихъ поръ идетъ споръ: можетъ ли христианство быть сведено къ экономическими монстрамъ, факторамъ, причинизмъ.

Помимо предварительного вопроса: может ли одна система культуры – религія – быть сведена къ другой, общаго вопроса, на который я даль бы отрицательный отвѣтъ, но котораго я сейчасъ касаться не буду, здѣсь частный вопросъ факта: что такое христіанство, какъ исторический фактъ.

Тутъ слѣдуетъ сказать прямо. Непредвзятое изслѣдованіе показываетъ, что для христіанства существенно его религіозное, не обращенное къ миру, а въ извѣстномъ смыслѣ, наоборотъ, отвращенное отъ мира содержаніе. Христіанство, какимъ оно было въ дѣйствительности, не было ни демократически пролетарскимъ, ни коммунистическимъ движениемъ. Оно было по существу чисто религіознымъ движениемъ, именно, знаменующимъ въ идее то освобожденіе религіознаго устремленія людей отъ материальныхъ цѣлей, которая я выше характеризовала, какъ спиритуализацію религіи.

Это не есть вовсе идеализація христіанства. Это линь объективное и холодное констатированіе исторического факта. Суть христіанства, какъ такового, есть, повторю, не обращеніе къ миру съ цѣлью его преобразованія и даже не перенесеніе этого преобразованія изъ мира здѣшняго въ міръ нездѣшній, потусторонній, гдѣ люди наконецъ устроются какъ слѣдуетъ, а отвращеніе отъ мира и его цѣнностей и постановка на нихъ мѣсто новой цѣнности, "спасенія души". Вотъ фактическая сущность христіанства. Христіанство было аполитично по своему основному содержанію, оно было направлено на такую цѣль и на такую цѣнность, которая стоитъ въ хозяйственной жизни и въ всякой общественности*). Этимъ объясняется легкое приспособленіе христіанъ къ любой организаціи, политической и соціальной, учение о повиновеніи всякой власти, такъ ясно формулированное у апостола Павла, разнодушное отношеніе обращенной на внутреннюю душевную жизнь, чисто религіозной идеологіи къ вопросамъ мира сего, къ вопросамъ внешняго уст-

*) Въ эпоху сходятся такіе корифеи исторического изслѣдований, какъ Трельчъ, Дейсманъ и Жельманъ.

роенія жизни.

Тѣ, кто рисуютъ христіанство, какъ демократически-соціалистическое движение, ориентированное въ направлении къ этимъ цѣлямъ, тенденціозно, быть можетъ по внутренней чуждости христіанства, перенѣшаютъ его центръ тяжести, и въ то же время въ известномъ смыслѣ идеализируютъ его. Но, конечно, не по своему идеальному существу, а косвенно христіанство было связано съ соціальными отношеніями, и этого не только не отрицаетъ современное научно-положительное изслѣдованіе, а наоборотъ, одинъ изъ тѣхъ изслѣдователей, который во всеоружіи своихъ философскихъ, богословскихъ и историческихъ знаній отбрасываетъ самую мысль о сведеніи христіанства къ соціальному движению обездоленныхъ, Tröltsch говоритъ: "Иисусъ, Павелъ, Оригенъ, Августинъ, Фома Лютерь, Кальвинъ въ своихъ мысляхъ и чувствахъ не могутъ быть объяснены изъ классовой борьбы, не могутъ быть выведены изъ экономическихъ интересовъ. Но, съ другой стороны, все же ясно, что въ той каузальной связи, изъ которой своеобразное религіозное мышленіе приобрѣтаетъ толчокъ, форму и значеніе, всегда въ глубинѣ дѣйствуютъ съ большей или меньшей силой, косвеннымъ путемъ или непосредственно, соціальная, а въ конечномъ итогѣ, черезъ ихъ посредство, и экономическая сила".*)

Въ этомъ же смыслѣ высказываются и другие учёные, на основаніи многочисленныхъ материаловъ, открытыхъ въ послѣднее время изслѣдователями.

Такимъ образомъ первоначально религія поглощаетъ собой хозяйственную жизнь, а въ послѣдствіи, когда она "спиритуализируется", она принципіально обособляется отъ остальной жизни, создаетъ свой особый міръ. Таково въ общей формѣ соотношеніе между хозяйственной жизнью и религіей. Вотъ почему мы можемъ категорически сказать, что религія не есть надстройка надъ хозяйственной жизнью. Это будетъ еще болѣе ясно показано въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ частности въ учёни о развитіи раздѣленія труда должны быть для исторического объясненія экономическихъ явлений обильно привлечены религі-

*) См. Tröltsch ср.: Гельманъ и Дейссманъ.

одине факти.

Вопросъ о соотношениі науки и хозяйства менѣе ясень, такъ какъ наука, какъ особая система культуры, есть явленіе позднѣйшее. Можно — и часто это дѣлаютъ — представлять себѣ хозяйственное развитіе такъ: въ процессѣ общественно-экономическаго развитія возникаютъ потребности, это — потребности практическія, и эти практическія потребности суть рычагъ, который приводить въ движение теоретическую мысль. Ради практическихъ потребностей она начинаетъ работать и въ результатѣ этой работы, имѣющей передъ собой практическія хозяйственныя заданія, получаются научныя открытія. Наука рождается изъ техники, а техника — изъ потребностей и изъ дѣйствія. Это можно выразить такъ (въ словахъ Бергсона): "первоначально мы мыслимъ лишь для того, чтобы дѣйствовать. Нашъ интеллектъ отливъ въ форму дѣйствія". Это совершенно вѣрное наблюденіе, но отсюда не слѣдуетъ, что техника рождается только и всецѣло изъ хозяйственныхъ потребностей, и даже если она рождается изъ хозяйственныхъ потребностей, то это не значитъ, что, родившись отсюда, она въ свою очередь не дѣйствуетъ на всю хозяйственную жизнь.

Но въ отношеніи къ новой наукѣ фактически невѣрно, чтобы она была просто приданкомъ и истечениемъ техники. Новая наука явилась въ связи съ глубочайшимъ идеинмъ переворотомъ *) пережитымъ человѣчествомъ. Въ этомъ переворотѣ возникаетъ идея и фактъ чистой науки, которая сама способна изъ себя рождать технику, но часто задается цѣлями для практической жизни абсолютно именными значенія и смысла. Наука становится самоцѣльной и самодовѣющей областью человѣческой дѣятельности.

Въ конечномъ счетѣ и практическая дѣятельность, то есть, и техника и хозяйство, выигрываютъ отъ этой самостоятельности науки, но это значитъ, что, ставъ самостоятельной и обособленной системой культуры, наука тѣмъ самымъ стала и ея самостоятельнымъ факторомъ.

Химія многимъ обязана алхими, то есть чистая наука — техникѣ, но и наоборотъ: новѣйшая техника весьма многимъ обязана чистой наукѣ; въ значительной мѣрѣ вся новѣйшая

*) Интересную характеристику этого переворота Вы найдете у одного изъ новѣйшихъ исследователей: Спектаторъ — Соціальная физика стр. 46—49.

химическая промышленность создана новейшей химієй. Если хімія когда-то рождалась въ лабораторіяхъ алхимиковъ, то есть, въ мастерскихъ техниковъ, то о новейшей промышленности въ известной ея доля, можно сказать, что она рождалась въ лабораторіяхъ химиковъ, то есть въ кабинетахъ ученыхъ. Отношение искусства къ хозяйству, собственно говоря, воспроизводить отношение религії къ хозяйству, но въ несколько иной комбинації: Если о соотношениі между религієй и хозяйствомъ мы могли сказать, что хозяйство первоначально погружено въ религію, то относительно искусства мы можемъ сказать - въ особенности не сколько оно есть искусство изобразительное - что оно первоначально глубоко погружено и въ религію и въ хозяйство. Отсюда - естественная зависимость, напримѣръ, архитектуры не только отъ религіозныхъ задачій, но и отъ хозяйственныхъ условій. Такъ же постепенно, какъ и наука, искусство становится самоцѣльной областью, приобрѣаетъ свое особенное, ему принадлежащее содержаніе, свой "духъ". Но и тутъ именно, когда искусство такъ же, какъ и наука вырастаетъ въ самостоятельный система культуры, они перестаютъ быть надстройками или пристройками къ хозяйственной жизни. Болѣе того, суть науки или искусства, ихъ функція въ психической жизни человѣка состоитъ именно въ томъ, что они выводятъ человѣка изъ среды "хозяйствен-ной" дѣятельности.

Мисль объ опредѣляющемъ значеніи хозяйства для всѣхъ сторонъ жизни возникла очевидно на основѣ непродуманного вполнѣ, но глубоко вѣрнаго наблюденія, что для всѣхъ системъ культуры хозяйство является, какъ бы, необходимымъ средствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, и прежде и теперь наука требуетъ для достиженія своихъ цѣлей или для осуществленія своихъ задачъ цѣлаго ряда условій или приспособленій, которая дается только хозяйственной дѣятельностью. То же въ неменьшей степени приложимо къ искусству. Всѣ мы знаемъ, что искусство стоитъ дорого. Въ этой банальной истинѣ выражается зависимость искусства отъ хозяйственной жизни. Но эта зависимость не можетъ опредѣлять содержаніе ни науки, ни искусства, такъ же, какъ ни физический фактъ движенія, ни физіологический фактъ затраты энергіи не опредѣляютъ собой содержаніе хозяйственной дѣятельности.

Каково же соотношеніе между хозяйственной жизнью и правомъ? Экономіческий матеріализмъ учитъ, что и право - надстройка

надъ хозяйственнаї чизнью. Однако, именно въ отношеніи къ праву эта "архитектурная" точка зренія, этотъ строительный обраѣт всего менѣе примѣніе, вызываютъ наибольшее сомнѣніе. То, что мы называемъ правомъ, есть своеобразная система понятій, своеобразная система культуры. Можно ли сказать, что право есть надстройка, что право собственности, напримѣръ, есть надстройка надъ экономическими явленіями, какъ основаніе, вѣдь ясно, что право собственности есть столь же фактъ юридической, сколь и экономической. Заслуга известного юриста Штаммлера, занимавшагося изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ, заключается въ томъ, что онъ указалъ, что Марковская теорія соціального развитія, вращающаяся вокругъ отношенія и столкновенія права и хозяйства, поконится на логически неправильномъ представлениі соотношенія хозяйства и права, какъ основанія и надстройки, или причины и слѣдствія. Штаммлеромъ удачно подмѣчено, что логически мыслить отношенія хозяйства къ праву сдѣлуетъ не въ категоріяхъ воздействиаго къ подлежащему воздействию, а въ гораздо больше подходящихъ представлениихъ содержанія къ формѣ ("регулируемая матерія" и "обусловливающая форма").

Эти взгляды безсомнѣнно справедливы. То, что вообще называютъ хозяйствомъ и правомъ, реально немыслимо одно безъ другого - для хозяйства, какъ его согласно понимаютъ обычное словоупотребленіе и Штаммлеръ, правовые моменты не только существенные, но и абсолютно существенныи. Связь между юридическимъ регулированіемъ, правопорядкомъ и отношеніями экономического могущества - если рассматривать хозяйственную жизнь статически и какъ цѣлое - совершенно ясна и она не позволяетъ разъединять эти двѣ системы понятій и подчинять одну другой. Правовая норма представляютъ формальную сторону экономическихъ отношеній господства и подчиненія. Ложно, однако, стремленіе Штаммлера втиснуть въ единую формулу "обусловливающей формы" и "регулируемой матеріи", въ высшей степени разнообразно создавшееся, отношеніе единичныхъ хозяйственныхъ и единичныхъ правовыхъ моментовъ. Неправомѣрно утвержденіе, что всѣ реальные экономические феномены непремѣнно заключаютъ въ себѣ нечто "юридическое". Понятіе хозяйства (хозяйственный порядокъ, производственная отношенія) совершенно не покрываетъся тѣмъ, что мы считаемъ "хозяйственнымъ" въ единичныхъ соціальныхъ феноменахъ. "Хозяйство" - напримѣръ капиталистический

хозяйственный строй; степень производительных силъ, которая присуща этому строю, можетъ, однако, мыслиться и при соціалистической форме хозяйства. А эта степень, которая обнаруживается сколько производится, хозяйственный и, можетъ быть, наибольшіе существенный хозяйственный фактъ. Хозяйственные факты могутъ регулироваться правомъ или какъ-либо иначе, поскольку они вообще подвержены регулировкѣ; но это можетъ оказаться для нихъ, какъ феноменовъ хозяйства, не только въ представлѣніи, въ понятіи, но и въ реальной дѣйствительности, несущественнымъ. Это значитъ, что "хозяйственное" въ соціальныхъ явленіяхъ, хотя и регулируется по большей части правомъ, вѣдеть, однако, при этомъ и существование само по себѣ. Современные отношенія заработной платы, напримѣръ, предполагаютъ определенную правовую регулировку, относительно даже включающую послѣднюю въ себя въ формѣ договора личного найма. Но высота заработной платы юридически безразлична, съ экономической же точки зренія она есть, несомнѣнно, самое существенное. Степень производительности труда, отношеніе прибавочного продукта къ издержкамъ производства не заключаетъ въ себѣ ничего юридического, но это - экономической признакъ огромной важности. Какъ бы широко мы ни опредѣляли право, мы должны будемъ всегда признать, что есть много "экономического", что не стоитъ ни въ какой непосредственной связи съ правомъ. Такъ, въ важнейшемъ вопросѣ о ростѣ населенія, о рождаемости, о брачности, юридический моментъ не имѣть никакого значенія, а между тѣмъ экономически это - факторы первостепенной важности: они решаютъ вопросъ о производительности труда. Юридический строй вліяетъ, конечно, на степень производительности труда, какъ вліяетъ на нее все то, что дѣйствуетъ на психологію людей, но это не значитъ, чтобы производительность труда была юридическимъ фактомъ. (Можно указать, что музыка возбуждаетъ энергию трудящагося, но отсюда еще очень далеко до утвержденія, что музыка - экономический факторъ). Мы можемъ вполнѣ представить себѣ такой случай, что повышение или паденіе производительности труда будетъ совершаться совершенно независимо отъ юридического порядка. Такимъ образомъ мысль, что хозяйственная и соціальная жизнь состоять изъ двухъ, какъ бы неразрывно спаянныхъ юридическихъ и экономическихъ элементовъ, чрезмѣрно увеличиваетъ значение правового момента, какъ,

впрочемъ, и самой связи. "Хозяйственное" и "правовое" могутъ выступать въ соціальныхъ феноменахъ въ самыхъ многообразныхъ комбинацияхъ, опредѣляющихъ ихъ взаимные отношенія. Отношеніе категоріи "содержаніе - форма" есть лишь скучное средство свести во едино эту многообразность отношеній. Эта формула оказывается совершенно ложной, поскольку Штаммлеръ руководился ею въ своемъ отрицаніи генетического каузального отношенія единичнаго "хозяйственного" и единичнаго "правового", поскольку она приводитъ его къ мысли о невозможности объясненія общественно-хозяйственного акта независимо отъ обусловленности правовыми регулированіемъ. Что хозяйство въ цѣломъ не можетъ воздѣствовать на право въ цѣломъ происходитъ потому, что оба общія понятія представляютъ одинъ и тотъ же реальный субстратъ: въ хозяйствѣ уже содержится право и наоборотъ. Но представлять всѣ соціально-хозяйственные отношенія и явленія, какъ регулируемыя правомъ, значитъ безмѣрно преувеличивать значеніе "правового". Соціально-хозяйственные явленія и акты могутъ - съ точки зренія права - быть совершенно безразличными, и они могутъ, однако, непосредственно быть противоправовыми и, несмотря на это, обладать громаднымъ соціальнымъ значеніемъ. Группа соціальныхъ явленій, которая можетъ быть выдѣлена, какъ феноменъ хозяйства, не всегда совпадаетъ съ регулируемыми соціальными отношеніями. Определеніе Штаммлера: "Экономическимъ явленіемъ называется однородное массовое явленіе правовыхъ отношеній" - ложно. Экономическимъ явленіемъ можетъ быть также явленіе массового правонарушенія; однако, вообще наиболѣе существенно - "хозяйственное" въ явленіи, то есть, то, что собственно образуетъ изъ него экономический феноменъ, можетъ обладать такимъ содержаніемъ, для которого правовая отношенія, какъ таковыя, не имѣютъ никакого значенія. Что я голодаю, не устанавливаетъ - если отвлечься отъ права моего на призрѣніе - никакого правового отношенія между мною и моими согражданами. Если отсутствіе способовъ пропитанія становится массовымъ явленіемъ, мы говоримъ объ экономическомъ явленіи безработицы, говоримъ относительно избытка населенія. Нельзя возразить, что въ обществѣ съ болѣе цѣлесообразнымъ правовыми регулированіемъ, самый правопорядокъ исключалъ бы экономическое явленіе безработицы. Этимъ утверждается лишь, что рассматриваемое экономическое явленіе зависитъ отъ совокупности данныхъ экономи-

ческихъ и правовыхъ условій, но не создаетъ изъ него того, чого оно въ дѣйствительности не представляеть, не образуетъ изъ него правового отноженія, если за этимъ понятіемъ вообще желательно установить строгое содержаніе.

Изъ опыта известно, что экономические факты могутъ происходить и накапляться вопреки юридическимъ нормамъ, вступая съ ними въ конфликтъ или, по крайней мѣрѣ, независимо отъ юридическихъ нормъ. Такие массовые экономические факты и являются причиной измѣненія юридическихъ нормъ. Грандіознымъ историческимъ примеромъ такой соверъженно явной "органической" эволюціи соціально-юридического строя является, на мой взглядъ, развитіе крѣпостного права въ Россіи, какъ оно выяснилось благодаря изслѣдованіямъ Ключевскаго, Дьяковова и другихъ. Замѣчательнымъ примеромъ экономическихъ явлений, выросшихъ въ факты съ огромнымъ социальнымъ вѣсомъ, вопреки праву или, по меньшей мѣрѣ, независимо отъ него, можно считать современные союзы предпринимателей (картели, тресты, синдикаты).

Въ общемъ можно сказать, что не юридическая нормы измѣняютъ или создаютъ экономические факты, а наоборотъ. Опредѣляется это не мистическимъ преватомъ экономики надъ правомъ, а тѣмъ, что могутъ быть экономические факты, лишенные юридической формы, и имѣющіе крупный социальный вѣсъ; но бѣзъ экономического содержанія, то есть, безъ соответствующихъ экономическихъ фактовъ, юридическая нормы представляютъ собой лишь пустой звукъ или лишенную социального значенія.... бумагу. "Бумажныхъ" экономическихъ фактовъ не можетъ быть, "бумажное" право встрѣчается сплошь и рядомъ. Это вытекаетъ изъ формального характера юридическихъ нормъ. Такимъ образомъ, являясь статически и еп bloc въ организованномъ обществѣ неразъединимыми сторонами единой хозяйственной жизни, право и хо-зяйство, динамически и раздѣльно, въ частичныхъ феноменахъ хо-зяйственной жизни не только способны приходить въ столкнове-ніе, но и дѣйствительно постоянно сталкиваются на разныхъ пунктахъ хозяйственной жизни, причемъ движущей силой, причи-ной измѣненія являются въ общемъ и цѣломъ экономические факты. Если по формѣ иногда юридическая нормы прокладываютъ путь эко-номическимъ фактамъ, то, по большей части, это линь кажущееся соотношеніе причинъ и слѣдствія, которое объясняется тѣмъ, что

экономическое содержание выступает наружу одновременно со своей юридической формой — въ силу чего получается явки — тельная и практически безвредная (и, пожалуй, даже полезная) или же, что норма создает факты. На самомъ дѣлѣ фактъ (экономический) былъ созданъ экономическими же фактами, предшествующими хозяйственнымъ развитіемъ, а вовсе не тою нормою, въ которую онъ облекся въ моментъ своего официального рожденія.

Все сказанное мы можемъ свести во-едино въ слѣдующіе два существенные выводы:

1) Динамически-экономические факты всегда порождаютъ соотвѣтствующія имъ юридическая нормы, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они "появляются" одновременно. Ибо юридическая норма, регулирующая или, вѣрѣ, призванная регулировать хозяйственную жизнь и отрѣшенная отъ экономического содержанія, не имѣть никакого соціального вѣса; это — норма бумажная, бездѣйствующая, тогда какъ экономический фактъ, лишенный юридической формы, можетъ имѣть огромный соціальный вѣсъ и, въ дѣйствительности такие факты своимъ накопленіемъ и массовымъ дѣйствиемъ разрушаютъ одну юридическую норму и создаютъ другія. Въ этомъ смыслѣ вполнѣ права ходячая теорія экономического материализма о соотношеніи между правомъ и экономіей, конечно, поскольку рѣчь идетъ о правопорядкѣ хозяйственной жизни. Но такое соотношеніе потому и могло быть раскрыто на опыте, что оно вытекаетъ съ безусловной необходимости изъ самого соотношенія между правомъ и экономіей, какъ "формальнымъ" и "материальнымъ" моментами хозяйственно-юридическихъ явлений. "Форма" существуетъ ради своего "содержанія", и послѣдній опредѣляется бытие первой.

2) Второй нашъ выводъ, наоборотъ, стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ходячей теоріей экономического материализма. Изъ того, что бываетъ экономический фактъ, не нашедший себѣ юридической формы, не слѣдуетъ, чтобы послѣдняя для всей хозяйственной жизни была второстепеннымъ элементомъ. Въ цѣломъ, никакая хозяйственная жизнь немыслима въ определенного правопорядка. Лишь съ нимъ вмѣстѣ она составляетъ реальное цѣлое. Мы не можемъ утверждать по отношению къ этому цѣлому, чтобы

въ немъ содержаніе, экономические факты, были существенный формы, юридическихъ нормъ. Ибо никакой соціально-экономиче скій строй не могъ бы и минуты просуществовать, будучи лишь фактомъ. Мы можемъ легко представить себѣ отдельная бездѣйствующія и, въ этомъ смыслѣ, бесодержательныя нормы и от дѣльные, юридически совершенно не существующіе, безформенные, въ этомъ смыслѣ, экономические факты, но цѣлаго правопорядка, который бездѣйствовалъ бы, и цѣлой хозяйственной жизни, кото рая не была бы регулирована, мы мыслить не можемъ. Поэтому-то статически и по отношенію къ хозяйственной жизни въ ея цѣломъ (оба эти условія должны быть налицо) предполагать, постули ровать или доказывать приматъ экономики (содержанія) надъ правомъ (формой) было бы совершенно нѣлѣно, ибо именно съ точкы зренія цѣлага это двѣ совершенно неразъединимыя и поготому вполнѣ равнозначимыя стороны. Говорить, что содержаніе существенный формы, можно лишь по стольку, поскольку можно представить себѣ или утверждать на личность безформенного содержанія или бесодержательной фор мы, и сравнивать соціальный вѣсъ первого и второго. Но имен но по отношенію къ хозяйственной жизни въ ея цѣломъ это невозможно. Неудивительно, поэтому, что Марксъ, хотя онъ и высказывалъ неоднократно идею о первенствѣ экономики надъ правомъ, — разматривая соціальный строй въ его цѣломъ, характеризовалъ его чертами столько же юридическими, сколько и экономическими.

ПРОБЛЕМА ХОЗЯЙСТВА.

До сихъ поръ, излагая Вамъ введеніе въ курсъ исторіи хозяйственного быта, я употреблялъ выраженіе хозяйство и хозяйственная жизнь, предполагая, что имѣющіяся у Васъ представленія, соответствующія этимъ понятіямъ, достаточны, чтобы понимать излагаемое. Теперь, при систематическомъ изложеніи предмета необходимы точная опредѣленія, необходима ясная формулировка тѣхъ понятій, которые должны считаться основными и для

политической экономії и для исторіи хозяйственного быта. Въ самой общей формѣ, когда въ наукѣ политической экономії говорить о хозяйствѣ *), то обычно имѣютъ въ виду дѣятельность, направленную на удовлетвореніе потребностей при посредствѣ материальныхъ или вещныхъ благъ. Однако, послѣднее ограничение не можетъ быть признано удачнымъ: провести принципіальное разграничение благъ материальныхъ и нематериальныхъ почти невозможно. Но, собственно говоря, было бы правильнѣе говорить въ данномъ смыслѣ не о хозяйствѣ, а о хозяйствованіи, которое въ данномъ определеніи очерчивается по своему содержанию.

Отъ существительного "хозяйство" образуется прилагательное "хозяйственный", служащее уже не для обозначенія содержания, а известного характера самой дѣятельности. Этотъ характеръ опредѣляется стремленіемъ къ достижению наибольшихъ результатовъ съ наименьшей затратой силъ и средствъ. Принципъ "экономіи" или "наименьшей траты силъ", получившій название хозяйственнаго или экономического принципа, опредѣляетъ хозяйство формально-психологически. Принципъ этотъ былъ выдвинутъ впервые при разсмотрѣніи хозяйства, но по существу этотъ принципъ имѣетъ универсальное значеніе, то есть, приложимъ ко всякой человѣческой дѣятельности. Такъ, въ новѣйшей философіи, стоящей подъ воздействиемъ естествознанія, особенно подчеркнуто универсальное значеніе экономического принципа. Вѣнскій ученый Махъ **) характеризуетъ физику, какъ экономно упорядоченный опытъ, равно какъ и математику — высшую и элементарную — какъ экономно упорядоченный опытъ счисленія. И въ правовѣдѣніи подчеркивается экономический принципъ; особенно настаивалъ Рудольфъ фонъ-Герингъ на "законѣ бережливости" или "идѣѣ юридической бережливости" ("Geist des römischen Rechts" IV, S. 242 и. ff.). Хозяйство, подчиняющееся хозяйственному принципу, можетъ быть иначе названо рациональнымъ. Подчиненіе хозяйство-

*) "Хозяйство есть совокупность человѣческихъ дѣйствій, направленныхъ на внешній міръ и имѣющихъ своей целью созданіе материальной обстановки, необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей". Туганъ-Барановскій.

**) Die oekonomische Natur der physikalischen Forschung въ Populaerwissenschaftliche Vorlesungen 2-te Aufl. SS. 218 _ 219 Kirchgoff, Aenarius-Philosophie als Denken der Welt.

ванія принципу наименьшій трати предполагає количественное сравнение или измѣреніе всѣхъ актovъ хозяйствованія, какъ затратъ такъ и результатовъ. Внѣ возможности подобного сравне-нія не можетъ быть рационального хозяйства. Измѣреніе и измѣримость актovъ и результатовъ хозяйствованія есть основа яв-ленія денегъ и опредѣляетъ собой ихъ существо. Наконецъ, хо-зяйствованіе должно всегда исходить отъ опредѣленного субъ-екта, который даваль бы ему смыслъ и направление. У хозяйства долженъ быть всегда хозяинъ, какъ духовный и волевой центръ. Наличность хозяина образуетъ (конституируетъ) понятіе хозяй-ство, какъ известнаго субъективнаго волевого единства, опре-дѣленного со стороны его цѣли, другими словами, какъ единства телесологического.

Соединяя воедино всѣ три момента: содержание дѣятельности, формально-психологический ея характеръ и подчиненіе единой волѣ, мы опредѣляемъ хозяйство, какъ субъективное волевое един-ство рациональной экономической дѣятельности. Разматривая съ точки зрѣнія этого опредѣленія хозяйства самая распространен-ная классификація ступеней хозяйственной жизни, мы увидимъ, что подъ это понятіе подходитъ несомнѣнно только первая сту-пень классификаціи Бюхера, "домашнее хозяйство", но совершен-но не подходитъ ни "городское хозяйство" его классификаціи, ни "народное хозяйство" въ обычномъ и специфически историче-скомъ смыслѣ слова. Объединять подъ одно родовое понятіе "хоз-яйство" всѣ три явленія логически нерационально потому, что подъ понятіе "хозяйство" строго формулированное, подходитъ од-но только домашнее хозяйство. Ни городское, ни народное хо-зяйство ни съ обычной, ни съ научной точки зрѣнія не являются хозяйствомъ: въ городскомъ и народномъ хозяйствахъ отсутству-етъ тотъ признакъ субъективнаго, сознательнаго цѣлевого един-ства, который столь несомнѣнъ у хозяйства домашняго; это - хозяйство безъ хозяйствующихъ субъектовъ, безъ хозяевъ. Особенно народное хозяйство характеризуется именно отсутствиемъ того, что характерно для хозяйства въ нашемъ смыслѣ. Его мож-но назвать "псевдохозяйствомъ", ибо оно есть лишенная волево-го единства стихійно слагающаяся система отношеній между от-дельными хозяйствами.

Конечно, для понятія "хозяйство" безразлично, кто является

или мыслится субъектомъ хозяйства. Необходимо только, чтобы всѣ категоріи и явленія относились къ единому субъекту. Но въ народномъ хозяйстве характерно именно отсутствіе подобнаго волноваго центра. На это давно уже указывалъ Карлъ Менгеръ, говоря *): "То, что экономисты обозначаютъ выражениемъ "народное хозяйство", народное хозяйство въ обыденномъ смыслѣ слова, не есть другъ подлѣ друга стоящія изолированныя индивидуальная хозяйства; напротивъ эти послѣднія связаны между собою внутренней связью обмѣна; но столь же мало оно есть народное хозяйство въ указанномъ строгомъ смыслѣ слова, тс есть, одно хозяйство; въ действительности оно есть скорѣе компликація, или, если угодно, организмъ хозяйствъ (единичныхъ и общественныхъ), но повторяемъ, не одно хозяйство. Здѣсь, употребляя популярное сравненіе, имѣется такое же соотношеніе, какъ въ цѣпи, которая представляетъ цѣлое, состоящее изъ звеньевъ, но не какъ въ механизмѣ, который, состоя изъ колесъ и пр., представляеть единое цѣлое".

Такое хозяйство можетъ представлять ту или иную соціальную организацію: всякая соціальная или иная политическая организація совмѣстима съ хозяйствомъ. Отдельные члены общества могутъ быть равноценными единицами, могутъ стоять въ отношеніяхъ подчиненія и зависимости, какъ рабы въ отношеніи къ господамъ, представлять не субъектовъ права и хозяйства, а объекты; отношенія могутъ вылиться въ такую систему, о которой говорили великие утописты Томасъ Моръ и Компанелла, гдѣ въ коллектистическомъ обществѣ существовало бы государственное рабство, какъ необходимое условіе, гдѣ люди рассматриваются какъ рабочій скотъ, какъ вещи, какъ объекты и средства хозяйствованія — всѣ эти разнородныя соціальные комбинаціи совмѣстимы на хозяйственной основѣ.

Если домашнее, городское и народное хозяйства не могутъ быть поставлены удовлетворительно въ единый рядъ, какъ вполнѣ сравнимы однородныя явленія, должна же быть какая — нибудь и мыслимая и исторически-состоятельная классификація формъ хозяйственной дѣятельности. Общество можетъ быть организовано

*) K. Menger-О методахъ пол. экономіи. СПБ. 1894, стр. 222-223.

K. Menger - Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaft und der Pol. Oekonomie insbesondere.- Leipzig 1883, SS. 232 - 233 .

по типу хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ слова, но такая организація цѣлаго общества въ исторіи почти отсутствуетъ; она является содержаніемъ проектируемаго государства, "государства будущаго", соціализма. Какія же мыслимы формы хозяйственнаго строя цѣлыхъ обществъ? Тутъ можно различать два типа хозяйственнаго строя: во первыхъ - совокупность рядомъ стоящихъ самостоятельныхъ хозяйствъ, не имѣющихъ никакого постояннаго экономического соприкосновенія и взаимодѣйствія (натуральное хозяйство, какъ исторически соответствующее этому типу); во вторыхъ - система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ, гдѣ отдѣльные хозяйства не просто стоять только рядомъ другъ съ другомъ, а находятся въ хозяйственномъ взаимодѣйствіи, создающемъ сложную ткань, связующую ихъ взаимотношенія. Таково современное отношение хозяйствъ, гдѣ каждое отдѣльное хозяйство руководится самостоятельной волей и всѣ они стоять почти въ неизбѣжно сложной комбинаціи отношеній и зависимостей.

Вюхеровской классификациіи, сопоставляющей величины несравнимыя, мы можемъ противопоставить слѣдующую классификацію хозяйственнаго строя цѣлыхъ обществъ: I - Совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ; хозяйства стоять рядомъ, но не находятся въ экономическомъ общеніи или взаимодѣйствіи. Ее то и имѣть въ виду, когда говорять о натуральномъ хозяйствѣ. II - Система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ, характеризуемая не простымъ сосуществованіемъ отдѣльныхъ хозяйствъ, а именно длительными экономическими взаимодѣйствіями. III - Общество-хозяйство: организація хозяйственной жизни цѣлаго общества по типу волевого единства; коммунизмъ первобытнаго человѣчества долженъ бы подойти подъ этотъ типъ организаціи, также какъ и первый членъ Вюхеровской классификациіи, но онъ имѣть въ виду не общество - какъ хозяйство, а отдѣльную общественную клѣточку.

Такимъ образомъ мы получаемъ три логически ясно-очерченныя формы хозяйственнаго строя цѣлаго общества. Эта классификациія, какъ и всякая классификациія, не имѣть значенія описанія фактівъ. Это не историческая классификациія, а логическая схема, помогающая намъ уяснить исторические факты, облегчающая намъ возможность анализировать и объяснять конкретныя явленія.

Я изложилъ общую схему типовъ хозяйственнаго строя. Третій членъ этой схемы - общество-хозяйство можетъ вызвать недоумѣнія; могутъ сказать, что исторически констатировать этотъ слу-

чай невозможно, что это фантастическая схема.

Однако, изучая хозяйство, следует постоянно держать въ умѣ, что вообще вся схемы, при помощи которыхъ мы выясняемъ себѣ формы и процессы образованія хозяйства, - отвлеченные понятія, абстракціи по самому существу своему. Помимо этого общаго замѣченія, я долженъ еще сказать, что всякая историческая дѣйствительность представляетъ смыденіе въ известныхъ пропорціяхъ разныхъ конструкцій, которыми мы упорядочиваемъ нашъ опытъ, теоретическое познаніе. Поэтому нельзя говорить о бесполезности такого представлениія, какъ третій членъ нашей схемы, только по тому, что въ дѣйствительности не бывало такого строя экономическихъ отношеній. Тѣмъ болѣе, что онъ выражаетъ далѣе тотъ случай, когда общество превращается въ хозяйство, когда весь организмъ по своему строенію уподобляется той клѣткѣ, изъ совокупности которыхъ онъ составленъ. Правда, въ историческомъ курсѣ необходимо подчеркнуть, что общество - организованное какъ хозяйство, въ смыслѣ вселового единства, - явленіе слабѣе представленное въ исторіи, чѣмъ другія формы мною указанія (I - совокупность стоящихъ рядомъ хозяйствъ, II - система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ). Но какъ уловить различіе между послѣдними двумя формами? Вѣдь всякая система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ есть система рядомъ стоящихъ хозяйствъ. Это удачное и правильное наблюденіе. Однако, обратнаго сказать уже нельзя: не всякая совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ образуетъ систему взаимодѣйствующихъ хозяйствъ.

Мы говоримъ, что хозяйства не приходятъ въ соприкосновеніе, что они лишены взаимодѣйствія, которое мыслится и устанавливается на почвѣ экономического общеія, на почвѣ наиболѣе типичаго явленія этого рода: на основѣ возмезднаро обиѣна благъ. Конечно, можно представить себѣ далеко идущую совокупность стоящихъ рядомъ хозяйствъ. Но совершенно естественно является мысль, что рядомъ стоящія, но не связанныя экономическимъ взаимодѣйствіемъ, могутъ соприкасаться между собой и въ известномъ смыслѣ "взаимодѣйствовать" не путемъ экономическаго общеія.

Здѣсь именно мы подходимъ къ положенію, которое сближаетъ сужденія о хозяйствѣ съ сужденіями о правѣ, гдѣ обнаруживается любопытная связь явлений и понятій хозяйства съ таковыми

же юриспруденції. Чоби представити систему взаємодійствія хо-
зяйствъ, покончуєся на системѣ взаємного обміна, ми дужні
мислити суб'єктовъ **хозяйства** цієї системи, якъ автономнихъ
суб'єктовъ права. Въ понятії автономії хо-
зяйствуючого суб'єкта ученіе о хо-
зяйствѣ соприкасається съ наукой о правѣ. Авто-
номний суб'єктъ есть общее и основное понятіе и политической
экономії и гражданского правовѣдія. Гражданское право, какъ
особая система понятій зиждется на ідеї автономії. И на ней
же покончиться ученіе о хо-
зяйствованіи, поскольку сю оиметь дѣ-
ло съ "системой хо-
зяйствѣ", то есть, съ экономическимъ обоб-
щеніемъ и взаємодійствіемъ неопредѣленного множества хо-
зяй-
ствующихъ суб'єктовъ. Отсюда ясно, что для ученія о хо-
зяйствованіи, понятіе суб'єкта хо-
зяйства такъ же необходимо, какъ для
правовѣдія понятіе суб'єкта права; это тотъ же единый субъ-
ектъ, лишь подъ разными углами зре-
нія. Это теоретически очень
интересный случай, когда понятія разныхъ научныхъ областей,
элементовъ хо-
зяйства и права, перескаются какъ бы въ одній
точкѣ.

Какія же историческія явленія под-
ходять и иллюстрируютъ на-
ши схемы? Можно сказать, что системѣ взаємодійствующихъ хо-
зяйствъ соотвѣтствуетъ современный типъ хо-
зяйства, основанный
на правовомъ равенствѣ, изъ котораго вытекаетъ хо-
зяйственная
автономія каждого суб'єкта. Но говоря "современный" типъ хо-
зяйства, мы имѣемъ въ виду самия его первоосновы, исключая
рабство и крѣпостное право, при которыхъ рядъ суб'єктовъ не
являются или не въ полной мѣрѣ являются суб'єктами хо-
зяйства, а служатъ орудіемъ или инструментальными членами нѣкоторыхъ
другихъ хо-
зяйственныхъ цѣлей. Эта схема осуществляется, когда
падаютъ всѣ ви-
дѣ экономическихъ рамокъ, связывавшихъ свободу субъ-
екта, когда люди и при всей своей экономической и соціальной
зависимости не перестаютъ быть свободными хо-
зяйствующими субъ-
ектами.

Совокупность рядомъ стоящихъ хо-
зяйствъ - первый членъ на-
шої классифікації - наиболѣе соотвѣтствуетъ тѣмъ экономиче-
скимъ явленіямъ, которые обычно объединяются подъ терминомъ
"натуральное" хо-
зяйство. Если здѣсь и возникаютъ соприоснове-
нія, то это либо предвѣщаетъ зачатки будущей связи, либо они
носятъ не экономический характеръ. Правильнѣе всего привлечь
въ качествѣ примѣра крѣпостное хо-
зяйство феодального періода.

феодальный строй *), какъ строй хозяйственный, есть несомнѣнно совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ. Поскольку между этими хозяйствами складываются и развиваются соприкосновенія и воздействія эти взаимоотношенія не могутъ быть сведены къ чисто экономическимъ отношеніямъ взаимного обмѣна, они выливаются не въ форму автономно-экономического общенія, или частно-правовой координаціи, а въ форму основанного на принужденії іерархического соподчиненія, или публично-правовой субординациі. Иначе говоря, феодальная отношенія, построенные по типу подчиненія и господства, выпадаютъ изъ области свободного гражданского общенія. Гражданское право возникаетъ уже на развалинахъ феодального строя, когда разъ навсегда установленія расшатываются, становятся свободными и текучими.

Конечно, феодализмъ связанъ съ договорнымъ началомъ, но здесь договорное начало имѣть совсѣмъ особое значеніе. Индивидуальный договоръ имѣть въ феодальномъ строѣ уточнительное значеніе, онъ создалъ прочная, практически въ значительной мѣрѣ неподвижныя отношенія, въ которыхъ автономія субъектовъ погашалась. Такимъ образомъ, хотя въ основе феодализма и лежитъ договорное начало, оно имѣть совершенно особый смыслъ. Стоящія рядомъ хозяйства связаны при феодализмѣ не на основѣ мѣновыхъ отношеній, а соприкасаются при посредствѣ совершенно иныхъ отношеній. Это отношенія - господина и подчиненнаго, но не въ томъ современномъ соціальномъ смыслѣ, согласно которому предприниматель - господинъ, а рабочій - подчиненный, а въ томъ смыслѣ, что это были нерасторжимыя отношенія, нерасторжимыя по доброй волѣ, что такъ чуждо современнымъ формамъ гражданского права. Поэтому обмѣнъ въ феодальномъ обществѣ не создавалъ системы свободного взаимодѣйствія, не окрашивалъ въ свой цвѣтъ хозяйственной жизни.

Поскольку въ какомъ-либо реальномъ феодальномъ обществѣ

*) Понятіе феодализма въ послѣднее время чрезвычайно расширило и талантливый русский историкъ, покойный Давліевъ-Сильванскій, напримѣръ, построилъ на этомъ расширенномъ понятіи феодализма всю русскую исторію. Нѣкоторые историки вводятъ это понятіе и въ исторію древнюю.

было взаимодействие хозяйствующих субъектов перед нами реально, такъ сказать, образчикъ смыснаного хозяйственного строя. Правда и соприосновеніе на основѣ отношеній господства и подчиненія можетъ быть образно названо обмѣномъ. Но не надо забывать, что подобному словоупотребленію совершение чужда необходимая научная точность.

Обычно говорятъ, что въ феодальномъ строѣ налицо "преобладаніе частно-правовыхъ принциповъ" вмѣсто "публично-правовыхъ". Логически правильнѣе было бы говорить наоборотъ. Но, что въ современномъ и, въ значительной мѣрѣ, и въ Римскомъ государствѣ было областью частного права, проникнутаго начальствомъ хозяйственной автономіи, то въ феодальномъ обществѣ было областью права публичнаго, изъятаго изъ сферы автономіи хозяйствующихъ субъектовъ. Этому не противорѣчить, какъ я уже указалъ, дѣйствіе въ феодальномъ строѣ начала индивидуального договора вмѣсто общаго закона. Такимъ образомъ феодальный строй характеризуется скорѣй преобладаніемъ публичнаго права надъ гражданскимъ. Ибо отношенія господства и подчиненія именно характеризуютъ систему публичнаго права, отношеніе власти = господина и частныхъ лицъ = подчиненныхъ – отношенія, которые никогда не могутъ быть отменены или изменены въ порядкѣ договора власти и подвластныхъ субъектовъ. Такимъ образомъ въ феодальномъ обществѣ чисто экономической соотношенія еще не развернулись, еще скрыты за покровомъ соціального отношенія господства и подчиненія. Реальной предпосылкой такой формы экономическихъ отношеній, скорѣе приближающихся къ отношеніямъ соціальнымъ власти и подчиненія, является слабость государственной власти. Государственная власть не отсутствовала, а иначе распредѣлялась между субъектами власти; въ феодальномъ строѣ отсутствовало единство государственной власти въ современномъ смыслѣ. Нынѣ власть гораздо болѣе сконцентрирована и принадлежитъ единому субъекту государственной власти. Между тѣмъ именно это единство государственной власти – и только оно – создаетъ реальную возможность какъ частно – хозяйственной автономіи, такъ и самого частного права, какъ особой системы правах цѣлыхъ огромныхъ областей освобождаются отъ той власти, которая тяготѣла надъ ними при раздробленіи соціальной власти.

Частное право, именно какъ таковое, расцвѣтаетъ подъ щитомъ грандиозной рычайской государственной власти. Въ феодальномъ есть индивидуальный договоръ, имѣвшій, какъ я уже сказалъ, реверансное значеніе и принципъ вѣрности восполняютъ отсутствующихъ въ общемъ, исходящемъ отъ единаго государства, гарантій личной и имущественной обезпеченностіи, въ рамкахъ которыхъ движется автономно-экономическое общеніе и его формальное выражение - частное право.

Частно-правовыи характеръ обычно приписываютъ феодальному образу потому, что исходить всегда изъ чисто исторически ограниченного современаго представлениія объ единой государственной власти. Однако, единство государственной власти вовсе не есть необходимый признакъ государства, какъ явленія исторического.

Я опредѣлилъ хозяйствованіе, какъ дѣятельность, направленную на удовлетвореніе потребностей при посредствѣ благъ. Я указалъ, что соединяя все три момента: 1) содержаніе хозяйственной дѣятельности 2) формально-психологический принципъ хозяйствованія и 3) подчиненіе единой волѣ, мы можемъ опредѣлить хозяйство, какъ субъективноеteleologическое единство рациональной экономической дѣятельности, или хозяйствованія.

Теперь передъ нами возникаетъ чрезвычайно серьезный вопросъ: есть ли хозяйство - категорія историческая, то есть, можемъ ли мы съ какимъ-нибудь правомъ отправляться въ разсмотреніи хозяйственной дѣятельности отъ представлениія, что хозяйства когда-нибудь не было. Это проблема сложная и интересная и, выйдя съ тѣмъ, она есть исходная точка всей нашей дисциплины. Правда, съ моей точки зренія она отпадаетъ, такъ какъ я понимаю дисциплину исторіи хозяйственного быта лишь какъ систему обработки историческихъ явлений по категоріямъ политической экономіи, сама же политическая экономія возможна лишь ностальгію, поскольку она оперируетъ понятіями хозяйства. Но это отклоненіе проблемы чисто формальное, и я не могу имъ ограничиться, тѣмъ болѣе, что въ литературѣ есть очень развитая точка зренія, что исторически хозяйству предшествовала полная противоположность тому, что мы называемъ хозяйствомъ. Поэтому отклонить проблему формально было бы менѣе убѣдительно, чѣмъ если мы опровергнемъ этотъ взглядъ логически или фактически, то есть, доказавъ что хозяйству фактически не пред-

шествовало и логически не могло предшествовать иначе противоположное.

Открывая книгу Вюхера "Происхождение народного хозяйства", Вы видите, что первые двѣ статьи: "Первобытный хозяйственный строй" и "Хозяйство первобытных народовъ" посвящены исходной точкѣ хозяйства. Относительно этихъ статей было уже давно замѣчено, что какъ заглавія, такъ и содержаніе ихъ говорить о первобытномъ хозяйствѣ, тогда какъ основная мысль, идея статей въ томъ, что самое хозяйство не существовало. Въ этомъ противорѣчіи выукло отражается несовершенство конструкціи Вюхера. Самъ онъ въ текстѣ утверждаетъ, что *) "но мѣрѣ того, какъ мы постепенно переходили къ все болѣе и болѣе низкимъ ступенямъ развитія, хозяйство въ нашихъ рукахъ исчезало и превращалось въ отсутствіе хозяйства". Рассмотримъ эту точку зрения и займемъ по отношенію къ ней опредѣленную позицію. Характеризуя на основе общей этнографической литературы состояніе первобытного хозяйства, Вюхерь приходитъ къ выводу, что первобытное состояніе - есть иначе прямо противоположное хозяйству, что на первобытныхъ стадіяхъ хозяйства вовсе не было, ибо "состояніе это, судя по всему тому, что мы о немъ знаемъ, было иррациональной противоположностью всему тому, что мы называемъ хозяйствомъ. Подъ хозяйствомъ мы всегда разумѣемъ совместную дѣятельность людей, направленную на приобрѣтеніе благъ; хозяйство предполагаетъ заботу не объ одной лишь настоящей минутѣ, но и о будущемъ, бережливое пользованіе времемъ и его цѣлесообразное распределеніе; хозяйство означаетъ трудъ, оценку вещей, упорядоченіе ихъ потребленія, передачу культурныхъ приобрѣтеній изъ рода въ родъ. И всего этого мы часто не могли найти даже у стоящихъ на сравнительно высшей ступени первобытныхъ народовъ; у низшихъ же расъ мы видѣли едва ли не слабые зачатки вышеуказанныхъ условій. Если изъ жизни бушмена и ведда устранить употребленіе огня, лука и стрѣлъ, то вся его жизнь сводится къ индивидуальному искашенію пищи. Каждый отдельный бушменъ долженъ прокармливать себя совершенно самостоятельно. Голый и безоруженный бродить онъ, подобно дичи, со своими товарищами въ тѣсныхъ предѣлахъ район-

*) Карлъ Вюхерь - Четыре очерка изъ области народного хозяйства СПБ. 1898 г. стрб. 94.

онъ пользуется для хватанія ногами съ такой же ловкостью, какъ и руками. Каждый, какъ мужчина, такъ и женщина, поѣдаетъ то, что удастся схватить руками, или вырвать изъ земли востаніи: низкихъ животныхъ, коренья, плоды. Они то собираются во незначительныя группы или большія стада, то снова разбредаются, смотря по тому, насколько мѣстность богата растительной пищею или дичью. Но такія группы не превращаются въ настоящія общества; онъ не облегчаютъ существованіе отдельному лицу^{**}).

Въ какой мѣрѣ нарисованная картина соответствуетъ действительности, правдоподобна? Вообще, когда Бюхера упрекаютъ въ томъ, что его образы и построенія не соответствуютъ действительности, онъ говоритъ, что соответствие съ действительностью не входитъ въ его задачи, что онъ не имѣлъ въ виду рисовать действительности. Онъ поступаетъ какъ дѣлали классики и, пользуясь изоляціоннымъ методомъ, строитъ схемы, логическая построенія. Однако, въ этомъ то и основной методологический грѣхъ Бюхера: этому схематическому построенію онъ придавать значение не только схемы, не только логического построения при помощи которого мы уясняемъ себѣ нѣкоторыя стороны многообразной действительности, а полной, исчерпывающей характеристики данной исторической действительности. На вопросъ о томъ, насколько это построеніе соответствуетъ действительности, мы должны сказать, что наука, которая приводить данные о бытѣ первобытныхъ народовъ, не уполномачиваетъ насть считать эту схему соответствующей действительности. Бюхерь, рисуя первобытное хозяйство, какъ нехозяйство, не следовалъ за этнографами и не подводилъ итоговъ ихъ работы, а примѣнилъ методъ, такъ называемыхъ, "пережитковъ" или "переживаній". Онъ выхватилъ отдельныя черты действительности, заранѣе призналъ въ нихъ "слѣды", "пережитки" болѣе отдаленной исторической эпохи и, изолируя эти черты, какъ основаніе первобытнаго состоянія народа, воссоздалъ на нихъ картину первобытнаго хозяйства, которая есть нехозяйство.

L.Wodon подвергнулъ серьезной проверкѣ методы "переживаній", примененные Бюхеромъ, и высказалъ по этому поводу интересныя соображенія. Бюхеру, говорить онъ, было не легко накопить достаточное количество фактовъ, которые должны были послужить доказательствомъ его тези. Если безъ критической подготовки

**) Н.Бюхерь. — Тамъ же, стр. 91.

подходить къ явлениямъ соціального даннаго, чтобы изъ ихъ среди подобрать черты соціального переживанія предшествующихъ стадій развитія, кажется, что существуетъ огромный выборъ. Но легкость выбора обусловливалась бы тѣмъ, что въ дѣйствительности существуютъ реальные, ощущимыя явленія переживаній, а не, какъ въ данномъ случаѣ, трудно-уловимыя смутныя черты переживаній порядка психологического, въ родѣ чертъ характера, привычекъ мышленія или дѣятельности. Эти черты столь лишены элементовъ устойчивости, фиксированности, столь текучи и подвижны, что попытки уложить ихъ въ устойчивыя научныя формулы или даже проще попытки ихъ классифицировать встрѣчаютъ непреодолимыя трудности. И сказанное въ особенности приложимо къ тѣмъ явленіямъ "примитивности", которая Бюхеръ находитъ у списанныхъ народовъ, и которая онъ признаетъ "характерными переживаніями" древности. Такія черты, какъ беззаботность первобытныхъ, какъ неумѣлое утилизированіе времени, какъ отсутствіе, столь характерной для современного человѣка оцѣнки явленій и вещей, которая Бюхеръ считаетъ особыми признаками первобытного человѣка, и указаніе на которая, находясь которыхъ является по его мнѣнію доказательствомъ "переживанія", разѣтъ трудно установить ихъ среди современного человѣчества и эти тѣмъ же правомъ и основаніемъ констатировать въ нашей сознаніи черты родственныя, близкія, характерныя для варварскихъ временъ? Если даже признать указанныя черты характерными для первобытныхъ людей, совершенно законно все же усумниться, можно ли реконструировать на основе ихъ то гипотетическое экономическое состояніе, которое характеризуется нехозяйственностью, что послужило первымъ началомъ эволюціи человѣческихъ обществъ. Если обратиться къ логическому методу, которымъ пользуется Бюхеръ при выведеніи своего заключительного положенія, непріемлемость его достаточно обнаружится.

Первой посылкой служить положеніе, что въ данномъ обществѣ черты, которая дисгармонируютъ, находятся въ несоответствіи съ общей системой культуры, приводятъ съ необходимости къ представлению предшествующаго данному обществу состоянію, которымъ эти черты разумно объясняются.

Второй посылкой является мысль, что среди примитивныхъ народовъ, доступныхъ нашему наблюденію, имеются некоторые черты, соответствующія общей системѣ свойственнаго имъ экономического режима, и другія, стоящія съ нимъ въ явномъ несходствѣ, въ

откуденномъ разнорасії.

Отсюда, какъ выводъ, устанавливается, что должно допустить состояніе, предшествующее экономической системѣ, состояніе, болѣе точно объясняющее эти послѣднія особенности, неэкономическая тенденція, обнаруживающаяся въ "хозяйствѣ" первобытной эпохи, въ исходномъ пунктѣ приводящемъ въ послѣдствіи къ современному хозяйству.

Идеи Вюхера, сведенныя и представленныя въ этой формули, обнаруживаютъ всю свою внутреннюю пустоту, необходимо доказывать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ одной чистой "словесностью". Вюхерь, чтобы избѣгнуть этого, необходимо долженъ былъ доказать, на основѣ этнографическихъ материаловъ, существованіе неэкономического человѣка, человѣка, основная характеристика которого давалась бы отсутствіемъ элементовъ общественной жизни. Вюхерь этого не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать: этнографы безусловно отрицаютъ существованіе и возможность существованія подобного типа первобытнаго человѣка.

Cр. L. W o d o n . - Sur quelques Erreurs de Methode dans l'etude de l'Homme Primitif. - Bruxelles, 1906 , а также Steinmetz . - Classification des types sociaux. (L'annee sociologique, 3-е annee).

Въ какой мѣрѣ законенъ подобный методъ? Въ какой мѣрѣ первобытный человѣкъ действительно обнаруживаетъ такое отсутствіе хозяйственной дѣятельности, характеризуется психическими состояніемъ, отмѣченнымъ отсутствіемъ всякой предусмотрѣтальной заботливости при отысканіи пищи, при удовлетвореніи потребностей? Имѣющіеся у этнографовъ материалы не позволяютъ признать первобытнаго человѣка хищеннымъ этихъ чертъ, и въ силу этого совершенно чуждымъ хозяйственности и хозяйственной дѣятельности. Больше того! Хозяйство въ самомъ свѣтѣ корней имѣть заботу о поддерханіи жизни. Говоря о поддерханіи жизни, о стремленіи къ самосохраненію, мы совершенно естественно вызываемъ представленіе глубоко родственное тому, по мы называемъ хозяйствомъ.

Право, хотя и банально, но все же вѣрно, что первобытный человѣкъ не похожъ на современного. Но и въ современному че-
ловѣчествѣ мы находимъ разные классы, типы, психологіи, инди-
видуальности, находимъ массу различій и противоположностей. На
этомъ основаніи мы не можемъ все же сказать, что некотория
чертъ современного общества можно характеризовать, какъ "пра-

"живанія" первобытного состоянія, и на основѣ этихъ чертъ восстановить первобытный строй. Въ обществѣ всегда были и будуть разные человѣческіе типы и индивидуальности, но забота о поддержаніи жизни всегда выражается, какъ основная. Даже въ животной средѣ мы найдемъ неиндивидуализированное, нерационализированное, инстинктивное выраженіе все той же заботы. Такимъ образомъ современная этнографія не даетъ намъ матеріала для поддержанія утвержденія, что первобытный человѣкъ не доросъ до этой инстинктивной заботы, что человѣкъ никогда находился въ нехозяйственномъ состояніи.

Переходимъ къ другой сторонѣ утвержденія Бюхера: къ утвержденію о крайнемъ индивидуализмѣ первобытного человѣка. Приведенную выше цитату Бюхеръ заканчиваетъ такъ: "Эта картина, быть можетъ не особенно понравится современному носителю культуры, однако собранный эмпирическимъ путемъ матеріалъ прямо таки принуждаетъ насъ изображать ее именно такимъ образомъ. Въ ней есть ни одной выдуманной черты. Мы устранимъ изъ жизни низшихъ племенъ лишь то, что, согласно общепринятому взгляду, является уже признакомъ культуры: употребление оружія и огня. Если намъ придется признать, что даже сравнительно у высокостоящихъ первобытныхъ народовъ встречается чрезвычайно многое, идущее въ разрѣзъ со всякой хозяйственностью, и что, во всякомъ случаѣ, сознательное примененіе хозяйственного принципа составляетъ у нихъ скорѣе исключеніе, чѣмъ правило, то тѣмъ больше намъ придется отказаться отъ употребленія термина "хозяйство" по отношенію къ такъ называемымъ "нижнимъ охотникамъ" и ихъ предшественникамъ, только что охарактеризованнымъ нами. Намъ придется констатировать у нихъ до-хозяйственную стадію, на которой еще нетъ хозяйства. А такъ какъ всякая вещь должна получить свое наименованіе, то эту стадію развитія мы назовемъ ступенью индивидуального отысканія пищи") А заканчиваетъ онъ этотъ очеркъ слѣдующими словами: "Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того, что во всѣхъ этихъ случаяхъ оказывается общность происхожденія этихъ силъ отъ одной и той же причины," а именно отъ индивидуального искаанія пищи, которое господствовало въ течениіе тысячелѣтій у всѣхъ этихъ

*) Бюхеръ. - Тамъ же, стр. 92.

зародовъ*).

Вместо многообразного хозяйственного обмена, какое мы наблюдаемъ позднѣе, первобытный человѣкъ занимался индивидуальнымъ разыскомъ пищи. Бюхеръ исходитъ при этомъ изъ того, что въ современномъ хозяйствѣ существуетъ рѣзкое раздѣленіе труда между полами, такъ, что мужчины занимаются добываніемъ пищи, въ то время какъ женщины въ этомъ процессѣ не участвуютъ, а лишь посвящаютъ себѣ задачѣ устроенія потребленія. Относительно же первобытного строя онъ отправляется отъ того наблюденія, что на известныхъ стадіяхъ этого периода существуетъ такое раздѣленіе труда между полами, при которомъ мужчины занимаются индивидуальной охотой и добываніе и потребленіе пищи мужчинъ отдалено отъ добыванія и потребленія растительной пищи женщинъ. Но отсюда не слѣдуетъ, что добываніе пищи есть актъ индивидуальный. Мы наоборотъ знаемъ, что это раздѣленіе половъ сопровождается объединеніемъ мужчинъ въ опредѣленныя организаціи, которые являются прямой противоположностью и отрицаніемъ раздробленія усилій. Ясно, во всякомъ случаѣ, что ни представлениe о поискѣ пищи въ одиночку, ни представлениe объ отсутствіи заботливой предусмотрительности и вообще всего того, что характеризуется понятіемъ "хозяйственности", действительности не соответствуютъ и являются только конструкціей. И надо отмѣтить, что, въ то время какъ среди экономистовъ построение Бюхера, конструктивно ясное и логичное, встрѣтило признаніе, въ средѣ этнографовъ къ нему отнеслись съ рѣзкой оппозиціей и рѣшительной критикой. И какъ разъ эта критика и вскрыла основной методологический недостатокъ Бюхера. Позиція Бюхера, была бы логически допустима, если бы онъ, указывая на основные свойства человѣческой природы, создалъ представлениe, что человѣкъ можетъ или долженъ быть существомъ нежизнестойкимъ. Но такое представлениe о человѣкѣ, будучи принципіально логически допустимымъ, логически мыслимымъ, фактически все таки оставалось бы чрезвычайно спорнымъ и сомнительнымъ. Этнографы бы указали, что человѣкъ - животное слабое, и поэтому люди не даромъ "боятся львовъ и медведей". Сравнивая человѣка, напримѣръ, съ обезьяной, мы убѣждаемся, что онъ безвозвратно утерялъ дѣловой рядъ поделокъ въ жизненной борьбѣ приспособленій.

*) Бюхеръ. - Тамъ же. стр. 106.

Человѣкъ могъ поэтому выживать, какъ видъ животныхъ, только опираясь на такія свойства, которые ведутъ его къ общественности, которые дѣлаютъ его способнымъ къ дѣйствіямъ, заключающимъ зерно хозяйства. Конечно, человѣкъ одолѣваетъ животныхъ на охотѣ не силой, а используя извѣстнія орудія, построивъ планъ охоты, опираясь на опредѣленную координацію дѣйствій. Отрицать подобной планомѣрности у первобытнаго человѣка нельзя. Наоборотъ, въ противоположность Бюхеру, можно настаивать на томъ, что у первобытнаго человѣка эти свойства выражены ярче, проступаютъ острѣе. Первобытный человѣкъ отличается рядомъ свойствъ противоположныхъ свойствамъ культурнаго, развитого человѣка. Свойства эти характеризуются не только тѣмъ, что они представлены въ разной пропорціи у первобытнаго и культурнаго человѣка, но они и совершенно по особому окрашиваютъ всю дѣятельность каждого изъ нихъ. Пользуясь терминологіей Н. Михайловскаго, слѣдовало бы сказать, что это однако не есть различіе типа развитія, а различіе степени развитія. Передъ Бюхеромъ стояла большая задача сложной исторической характеристики, онъ ее не разрѣшилъ: онъ просто замазалъ первобытнаго человѣка однотонной краской (можетъ быть даже бѣлой, ибо она оказалась пустымъ мѣстомъ). Это было выяснено его критиками - этнографами.

ПРОБЛЕМА ПОТРЕБЛЕНИЯ.

Въ предшествующей лекціи мы излагали критику воззрѣнія, что хозяйство, проникнутое духомъ хозяйствованія - есть категорія историческая. Но есть въ хозяйствѣ элементы, которые даже самые исторически настроенные экономисты не сумѣютъ признавать элементомъ исторіи, что остается, какъ нѣчто первичное и первопричинное. Если охарактеризовать хозяйственную дѣятельность, согласно опредѣленію, которое я беру изъ одного распространеннаго учебника политической экономіи Тугана-Барановскаго, "какъ совокупность человѣческихъ дѣйствій, направленныхъ на внѣшній миръ и имѣющихъ своей цѣлью создание материальней обстановки,

необходимой для удовлетворения наших потребностей", то, во всяком случае, потребление есть психическая и в то же время органическая функция, которой трудно приписывать исторический характер. Потребление - как функция органическая - и потребность - как органическая сила, как явление, уже не возбуждающие вопроса об историчности, естественно взять, как исходную точку хозяйственной эволюции. Но, конечно, можно разсуждать так: потребление и потребности действительно существуют, какъ нечто изначальное, органическое, но прогрессивная сторона въ потребностяхъ, ихъ непрерывный ростъ есть ли это нечто органическое? Не есть ли тенденция къ росту потребностей явление историческое, слагающееся въ процессѣ развитія культуры и потому не могущее быть принятимъ, какъ нечто данное? Или иначе: присуда ли человѣку "естественная", вѣисторическая, не привытая культурой тенденция къ росту потребностей? Важерь, какъ разъ думаетъ, что потребности и потребление имѣютъ тенденцию къ безграничному росту; что, по существу, ограниченными возможностями природы, конечными силами и средствами приобрѣтенія человѣка, противостоять безгранична область потребностей и эта область имѣть бесконечную тенденцію къ расширению и является тѣмъ рычагомъ, который движетъ хозяйство впередъ. "Человѣческія потребности способны безгранично умножаться они никогда не находятся въ состояніи покоя; они повышаются интенсивно и экстенсивно съ теченіемъ культурного развитія. Пригодная же для человѣческихъ цѣлей матерія ограничена, такъ же, какъ и человѣческая рабочая сила, придающая этой матеріи качество благъ и увеличивающая ихъ фондъ. Съ ростомъ числа населенія становится все неблагопріятнѣе соотношеніе потребностей къ количеству хозяйственното-пригодной матеріи, предлагаемой природой. Такимъ образомъ создается двойное основаніе необходимости роста трудовыхъ усилий для производства и удовлетворенія общихъ потребностей: должно создать больше благъ и при томъ благъ лучшаго качества, и они должны производиться при все менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Все это приуждаетъ возможно болѣе хозяйственное направленіе рабочихъ усилий" *)

*) K. Buecher. - Die Entstehung der Volkswirtschaft, S. 294-
- 295.

Но вопросъ не такъ простъ и общее разсужденіе не разрѣшаетъ проблемъ: какимъ образомъ возникаютъ, зарождаются и дифференцируются потребности и потребленіе? Признавая ихъ двигательной силой хозяйственной деятельности — и цѣль, и рычагъ хозяйства — мы подчеркиваемъ лишь важность вопроса: какъ этотъ рычагъ, который, какъ таковой, линеъ элементовъ прогрессивнаго развитія, и характеризуется постоянно воспроизведеніемъ прошлой работы, превращается въ двигатель, видоизменяющій старые и создающій новые факторы и тѣмъ самымъ преобразующій самое хозяйство? Этотъ вопросъ, кажущійся очень простымъ съ первого взгляда, на самомъ дѣлѣ представляеть большія трудности, потому что, какъ разъ въ потребленіи можно различить консервативную и прогрессивную линіи человѣческой психики, изъ которыхъ только прогрессивная можетъ двигать впередъ хозяйство. Стало быть вопросъ можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: есть ли въ самомъ потребленіи мотивы, могущіе его двигать въ прогрессивномъ направленіи?

Давно уже сдѣлано наблюденіе, что самое развитіе потребленія не могло предшествовать открытию средствъ его удовлетворенія, что только открытие средствъ удовлетворенія потребностей являлось, и до сихъ поръ является, созданіемъ самихъ потребностей, то есть, самое потребленіе создаетъ потребность, какъ массовое явленіе. Такъ, напримѣръ, выказывается I. Fauscheg: "При этомъ средства удовлетворенія питанія слѣдуетъ, однако, обратить вниманіе на некоторое явленіе (объясненіе котораго подлежитъ хімії и фізіології и даже до некоторой степени послѣднимъ удалось), которымъ мы займемся лишь, какъ фактъ известнымъ каждому изъ его личного опыта. Мы здѣсь имеемъ дѣло со средствами питанія, при которыхъ не потребность вызываетъ удовлетвореніе, а, наоборотъ, удовлетвореніе создаетъ самое потребленіе, самую потребность. Почти всюду существуетъ некоторое взаимодѣйствіе потребностей и ихъ удовлетворенія; на этой то основѣ создается обычная потребность.

..... Мы знаемъ достаточно хорошо, такъ продолжаетъ Fauscheg, что процессъ открытия средствъ потребности питанія имѣетъ свое историческое, какъ и доисторическое прошлое, какъ еще и историческую будущность, и прежде всего знаемъ, что онъ имѣетъ свой великий, никогда не пребывающій въ покой, хотя, чѣмъ далѣе, тѣмъ все сложнѣй обнаруживающійся, законъ. Мы думаемъ,

что существует пропасть между способом введенія средствъ-массового питанія и способами индивидуального удовлетворенія потребностей, пропасть достаточно глубокая, чтобы оправдать совершенную ихъ противоположность, находящую свое выражение въ томъ, что въ противоположность индивидуумамъ, у націи потребность слѣдуєтъ видимо за удовлетвореніемъ".

Это особенно ясно обнаруживается относительно предметовъ роскоши, или даже не роскоши, но и не необходимости, а предметовъ обычнаго употребленія, объединенныхъ подъ понятіемъ "массовой роскоши". Гардъ указываетъ*) "совершенно ясно, что потребность куренія, потребность въ чай и кофе и т.д. не могли появиться до открытия кофе, чаю, табаку". Самое же открытие ихъ, являясь результатомъ сложнаго сцепленія экономическихъ явлений, послужило толчкомъ къ возникновенію и развитію самихъ потребностей. Возьмемъ характерный случай, когда гимнастъ начинаетъ курить; здесь нельзя говорить о потребности куренія, здесь выдвигаются мотивы подражанія. Но на основѣ, можетъ быть, случайно открытаго продукта потребленія развивается уже потребность. Гардъ обобщилъ это наблюденіе относительно всей области потребленія *) ... "Никакая социальная потребность не могла предшествовать тому изобрѣтенію, которое позволило уловить пригодный для удовлетворенія этой потребности"... Налицо должны быть известные предметы потребленія, прежде чѣмъ разовьется потребность въ нихъ; возможность удовлетворенія потребности рождаетъ самую потребность.

Впослѣдствіи наблюденіе это обобщается и распространяется на болѣе тонкія явленія человѣческой культуры, на болѣе тонкія психическія состоянія. Такъ поставимъ вопросъ о возникновеніи одежды, о возникновеніи потребности въ прикрытии своей наготы. Конечно, здесь можно бы указать на чисто органическую потребность въ теплѣ, въ согрѣваній, но, мы знаемъ также, что животная обходится безъ одежды и развили другія приспособленія. Говорятъ, что стыдъ явился психическимъ импульсомъ потребности закрывать наготу, послужилъ исходнымъ пунктомъ возникновенія и развитія одежды. Но возможно, что стыдъ развидѣлся изъ самого факта одѣванія, а не потребность въ одѣваніи изъ

*) G. Farde - Les lois de l'imitation. Paris 1895, chap. IV, p. 101 - 103.

стыда. Тардъ прямо и говорить, что стыдъ обнаруживается, какъ слѣдствіе одѣванія."Одежда нѣ слѣдуетъ за стыдомъ - говорить чрезвычайно ясно M.Wiener (le Perou) - но, наоборотъ стыдъ обнаруживается вслѣдствіе одѣванія, то есть, одежда, прикрывая тѣ или иные части человѣческаго тѣла, обнаруживаетъ непри-стойность наготы той части, которую привыкли видѣть покры-той"*) . И это, конечно, вѣрное указаніе, поскольку не расши-рять его до размѣровъ абсолютнаго. Изъ этого ясно, въ какой мѣрѣ безсодержательно указаніе на безграничность роста по-требностей, поскольку самая потребность, какъ мы видимъ, воз-никаетъ въ результатѣ извѣтныхъ экономическихъ фактовъ. Въ чёмъ же слѣдуетъ видѣть, если приведенное выше объясненіе отпадаетъ, если возможно даже самая элементарная потребности объяснить изъ другихъ фактovъ, въ чёмъ же слѣдуетъ видѣть воз-никновеніе потребностей?

Возможно и иное объясненіе: указываютъ, что потребность мо-жетъ вызываться на основѣ стремленія къ дѣятельности, присуща-го не только человѣку, но и всякому живому существу, стремле-ніе къ творчеству. Это отрицается многими, говорящими, что фактъ этотъ лежитъ въ области экономики и родственъ эстетической сто-ронѣ дѣятельности. Можно думать, что первобытный человѣкъ осу-ществлялъ свои потребности, не задаваясь хозяйственной цѣлью, и создавая свои потребности въ области экономики, а въ сферѣ эстетической дѣятельности, свободно действуя въ трудѣ, какъ въ игрѣ. Игра - элементъ сейчасъ очень чуждый труду и съ ути-литарной точки зренія - нечто безполезное - и трудъ на пер-выхъ ступеняхъ хозяйственной исторіи, несомнѣнно, неразличимы. Опираясь на неразличимость этихъ элементовъ, Бюхеръ разви-лъ свое ученіе о раздѣленіи труда и создалъ свою конструкцію о ритмѣ. "Игра старше труда, искусство древній производства. Да-же у стоящихъ значительно высоко первобытныхъ народовъ, гдѣ оба элемента начинаютъ отдѣляться одинъ отъ другого, танцы еще предшествуютъ или завершаютъ всякую болѣе или менѣе важную работу (военное, охотничий танцы, танцы при сборѣ урожая), а пѣсня сопровождается трудомъ" **).

*) Тардъ. - Тамъ же.

**) Bücher - Тамъ же, стр. 34.

Это наблюдение имѣть тотъ смыслъ, что эстетическая дѣятельность, игра, можетъ имѣть экономическое, хозяйственное значеніе. Возможно, что первобытный человѣкъ, "играючи", отдаваясь безкорыстному творческому побужденію, не задаваясь утилитарными соображеніями, создавалъ орудія, блага. Это не исключаетъ того, что къ этимъ эстетическимъ завоеваніямъ могла присоединиться и экономическая потребность, могъ привзойти и утилитарный мотивъ. И если въ началѣ человѣкъ создавалъ блага полезныя и предметы бесполезные съ тѣмъ же творческимъ порывомъ воодушевленія, то впослѣдствіи и тѣ и другіе приобрѣтаютъ экономическое значеніе, то есть, и бесполезныя вещи вызываютъ потребность. Тѣмъ не менѣе нельзя объяснить все въ развитіи потребностей игрой эстетическихъ силъ. Схема: игра, на почвѣ ея искусство, а на этой почвѣ уже экономическая дѣятельность – произвольна. Не слѣдуетъ забывать, что только игра – есть дѣятельность ради самаго процесса дѣятельности, что искусство уже есть преодолѣніе косности, что искусство есть дѣятельность не ради самой дѣятельности, а ради эффекта, что искусство есть психологической базисъ производства. Разница игры и искусства можетъ быть рѣзче подчеркнута аналогіей образовательного путешествія и прогулки безъ цѣли. Несмотря на видимое сходство оба эти явленія психологически – явленія отличныя: въ одномъ случаѣ самое выполненіе прогулки есть достиженіе цѣли, въ другомъ – цѣль имѣется совершенно иная, не только достиженіе наслажденія путешествія, но и полученіе опредѣленаго эффекта: приобрѣтеніе знаній, познаніе, какъ результатъ путешествія.

Развитіе потребностей не могло происходить также на основѣ раздѣленія труда. Вюхерь, какъ разъ, отрицає эту мысль и настаиваетъ на справедливости обратнаго. Я уже приводилъ Вамъ цитату, гдѣ онъ устанавливаетъ безграничность роста человѣческихъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ, совершается при все большей затратѣ человѣческихъ усилий, какъ благодаря тому, что должно произвести больше благъ и притомъ лучшаго качества, такъ и потому, что производство совершается при ухудшающихся условіяхъ. "Между тѣмъ, – такъ продолжаетъ Вюхерь далѣе, – простое наблюденіе учитъ, что не всякий человѣкъ равно пригоденъ, по самой природѣ, ко всякаго рода труду. Различная тѣлесная и духовная качества индивидовъ обуславливаютъ значительная различія эффекта труда, различія, приобрѣтающія все большее зна-

ченія съ ростомъ общественнаго развитія или, что то же, съ по-
вышающейся многосторонностью задачь труда.

Сюда же приводить еще слѣдующее. Каждая новая задача труда встречаетъ, по своему внутреннему существу, сопротивление, которое значительно уменьшается и въ конечномъ итогѣ почти совсѣмъ исчезаетъ при продолжительной привычкѣ.

Все это обнаруживается въ задачѣ хозяйствованія: возможно болѣе концентрировать задачи труда, индивидуализируя ихъ, однако, насколько возможно такъ, чтобы оставалась возможность использовать всякий видъ индивидуальной одаренности*).

Такимъ образомъ проблема поставлена ясно и рѣзко. Но вопросъ не такъ простъ, какъ представлено въ этой схемѣ. Точка зрењія Бюхера вызвала справедливую критику и желаніе снова пересмотрѣть основы возникновенія потребностей, поскольку онъ не выясняются мотивами активности и творчества. Такъ вѣрио указалъ одинъ русскій изслѣдователь (писавшій на немецкомъ языкѣ) Гуревичъ, въ статьѣ "Die Entwicklung der menschlichen Bedürfnisse und die soziale Gliederung der Gesellschaft" **), всякое общественное раздѣленіе труда предполагаетъ развитие потребностей, это же послѣднее, въ свою очередь, имѣть необходимой предпосылкой раздѣленіе труда. Поэтому, какъ развитие потребностей, такъ и соціальная дифференцировка труда, не стоять въ столь простыхъ соотношеніяхъ и вопросъ объ ихъ соотношениіи нельзѧ разрѣшить упрощенно, схематически. Это обнаруживается особенно рельефно при изслѣдованіи единичныхъ приобрѣтеній человѣческой хозяйственной культуры. Психологія перво- бытного человѣка во многомъ отличается отъ психологіи культурнаго человѣка, которая расширяется Бюхеромъ на всякаго человѣка. Совершенно справедливо, что фактъ безграничной способности къ расширению потребностей лишь съ большими оговорками можетъ быть положенъ въ основу теоріи потребностей. Различие психологій, различіе міровоззрѣній, какъ совершенно чуждые другъ другу міры, отражаются въ любопытномъ діалогѣ европейца съ индійцемъ, приводимъ однимъ этнографомъ. Индіецъ удивля-

*) Бюхеръ - Тамъ же стр. 294-295.

**) Помѣщена въ Staats- und sozialwissenschaftliche Forschungen. Herausgegeben von Gustav Schmoller. Neunzehnter Band: 1901. См. 37.

ется деятельности европейцевъ, сооружающихъ такие громадные и прочные дома. "Вѣдь человѣческая жизнь такъ коротка!" Такъ заканчиваетъ свою аргументацію индѣецъ. Эта мысль совершенно не возникаетъ у насъ, когда мы бродимъ по улицамъ большихъ городовъ. Это потому, что современный человѣкъ совершенно не способенъ въ своей экономической дѣятельности руководиться интересами только данного момента: въ экономической дѣятельности современного человѣка огромную роль играетъ забота о будущемъ.

Нельзя представлять себѣ, что во всякой стадіи исторического развитія потребности обладаютъ способностью безграничнаго расширенія. Если смотрѣть ретроспективно, назадъ въ глубь исторического прошлаго, то каждый шагъ впередъ по пути расширія и дифференціаціи потребленія долженъ быть объясняемъ не общими мѣстами, а указаніемъ на конкретные психологические основанія и факты. И трудность здѣсь такъ велика, что одинъ авторъ (V.Gurewitsch), полемизируя съ Бюхеромъ, указываетъ, что его объясненія совершенно безнадежно запутываютъ вопросъ: что раздѣленіе труда объясняется расширеніемъ потребностей, а расширеніе потребностей - раздѣленіемъ труда. Въ настоящее время нельзя еще, конечно, дать окончательного разрѣшенія поставленныхъ проблемъ; быть можетъ, некоторые изъ этихъ вопросъ навсегда останутся въ полутиракѣ, пребывая неразрѣшенными, такъ какъ они касаются явлений слишкомъ отдаленного прошлаго. Тѣмъ не менѣе въ настоящее время собранъ и подвергнутъ серьезному анализу очень любопытный матеріалъ по сравнительному народовѣдѣнію, языкознанію и чисто историческому матеріалу, на основѣ котораго высказываются очень интересные взгляды и точки зренія. Разсмотримъ нѣсколько конкретныхъ случаевъ историческихъ хозяйственно-культурныхъ приобрѣтеній. Какъ, напримеръ, возникло приручение животныхъ? Мы всѣ, европейцы, считаемъ, что человѣку "естественно" потреблять молоко и шерсть животныхъ. Молоко есть "естественная" пища человѣка, для какой цѣли онъ и приручилъ животныхъ. На самомъ дѣлѣ это обстоитъ далеко не такъ. Есть обширная области, где самобытнаго потребленія молока даже не существуетъ. Между тѣмъ потребление молока есть основной двигатель прирученія животныхъ: мясо животнаго можно было бы получить просто убивъ животное, не приручая его, (конечно, такъ было нѣкогда); теперь мясо есть продуктъ производства, то есть, систематического зараживания,

культуры скота); молоко же нельзя было никакъ иначе получить, какъ воспитавъ, привязавъ, "одомашнивъ" животное. Совершенно правильно, поэтому, указываютъ этнографы, что какъ потребитель мяса, человѣкъ долженъ быть врагомъ животныхъ, долженъ быть убивать ихъ; какъ потребитель молока, шерсти и другихъ продуктовъ, онъ становился воспитателемъ, другомъ, превращался въ покровителя животныхъ. Такъ этнографъ Р.Р.Бос сокращенно формулируетъ проблему: "Охотникъ - врагъ животныхъ, которыхъ онъ ловить, убиваетъ и съѣдаетъ. Скотоводъ долженъ быть другомъ животныхъ, которыхъ онъ охраняетъ и о которыхъ заботится. Охотникъ и скотоводъ являются крайніе типы отношеній къ животнымъ и потому не столь просто представить переходъ отъ охотника къ пастуху" *). На какой же почвѣ произошелъ этотъ процессъ перехода? Новѣйшія изслѣдованія открываютъ широкія перспективы. Современные этнографы указываютъ, что весь процессъ этого развитія нельзѧ замкнуть въ сравнительно узкую сферу одной лишь экономической области. Теперь приходиться къ заключенію, что потребленіе молока - какъ и иныхъ культурныхъ продуктовъ животноводства - есть конечный пунктъ долгаго и сложнаго процесса. Извѣстный изслѣдователь Ed.Hahn справедливо замѣчаетъ: "Мнѣ кажется невозможнымъ предполагать у дикаря-охотника терпѣніе и хозяйственную устойчивость, необходимыя для выжиданія въ теченіе поколіній продуктовъ животноводства разводимыхъ имъ стадъ; кроме шкуръ и мяса, обезпечиваемыхъ ему и охотой, пастухъ пользовался молокомъ и шерстью своихъ стадъ, но послѣднія не существовали еще съ самаго начала; ни коза, "молочность" которой вообще гораздо больше, ни овца не давали молока человѣку въ тѣ древнія времена, когда онъ только вошли въ кругъ воспитываемыхъ человѣкомъ животныхъ; вначалѣ молока єдва хватало для дѣтейней" **). Такимъ образомъ, молоко есть продуктъ воспитанія, потребленіе его не могло поэтому имѣть значенія причинъ прирученія и вос-

*) P.R.Bos - Jagd, Viehzucht und Ackerbau als Kulturstufen, in "Internationales Archiv für Ethnographie", 1879, S.189.

**) Ed. Hahn - Die Haustiere. Ср. также die Entstehung der Pflukultur.

питанія домашніх животнихъ. Видно, что процессъ прирученія молочныхъ животныхъ возникъ на почвѣ не-экономической. Исходные пункты этого процесса восходятъ скорѣе къ религіозно-образованнымъ начальамъ: они связаны съ культомъ, въ которомъ существенную роль, вслѣдствіи позабытую, наимъ и вовсе не переданную, игралъ рогатый скотъ. Главный творецъ этой гипотезы утверждаетъ, что культь рогатаго скота находился въ какихъ-то соотношеніяхъ съ культомъ луны. Культь привелъ къ прирученію рогатаго скота и лишь постепенно развилось использование его, какъ 1) молочнаго животнаго, поставщика высококачественныхъ продуктовъ питанія, 2) скота рабочаго или упряженого для земледѣльческихъ работъ и перевозокъ. Начальное прирученіе произошло въ цѣляхъ культа религіознаго и молоко до его утилитарного использования было идоложертвенной жидкостью, исполнявшей, вѣроятно, функции, вслѣдствіи перешедшія къ вину. Засимъ и прирученіе рогатаго скота въ качествѣ упряженого, рабочаго скота имѣло исходной точкой не упряжку при земледѣльческихъ операціяхъ, а упряжку въ повозки и экипажи, имѣвшихъ значеніе, какъ инструментъ культа, обрядовое или церемоніальное значеніе. Постепенно люди забывали первоначальные мотивы и — какъ нерѣдко наблюдается въ исторіи человѣческихъ мотивовъ — подставили иные мотивы на мѣсто первыхъ.

Точно такъ же и проблема земледѣлія, если рассматривать ее въ связи съ историческимъ развитіемъ потребленія, сопровождается громадными трудностями. Обычно говорятъ "нужда всему учить", но это указаніе не можетъ имѣть рѣшительного значенія: нужда времененная является сильнымъ стимуломъ; рѣшительно подгоняющимъ, движущимъ мотивомъ, но нужда — какъ явленіе хроническое, — "бѣчная нужда" скорѣе притупляетъ човѣка, погашаетъ "душу живу", убиваетъ всякое стремленіе къ совершенству. Возможно времененная нужда была тѣмъ первымъ импульсомъ, на основе которого началось цѣльнейшее движеніе и развитіе, возможно, что нужда привела къ ряду техническихъ изобрѣтений.

Сущность проблемы земледѣлія въ томъ, что, кажущаяся очень простой и примитивной, — и этой кажущейся простотой и прimitivностью сбивающая многихъ исследователей съ правильнаго пути и приводящая ихъ къ неправильнымъ, несоответствующимъ исторической реальности, конструкціямъ — дѣятельность культурной

обробки землі є явленіє значително високої духовної культури, явленіє, історическе виясненіє происхожденія кого-раго визиваєть серйозна затрудненія.

Землеробство, якъ об'єктивна дѣятельность, предполагаетъ существованіе знакомства съ питательными качествами хлѣбныхъ растеній, примененіе животныхъ и орудій землеробческой обработки. Субъективно, какъ опредѣленное психическое состояніе, необходимо и безусловно сопровождающее трудъ этого рода, работа землероба предполагаетъ едва-ли меншія трудности: лишь чрезвычайная обстоятельства могли принудить бродячаго кочевника - будь то охотникъ, будь то скотоводъ-номадъ - отказаться отъ обычного строя жизни и психики и привязать его къ ограниченной - относительно - земельной площади. Насколько здесь существуютъ жестокія психическихъ ощущенія видно изъ разсказовъ этнографовъ о современныхъ кочевникахъ, вынужденныхъ по какимъ-либо условіямъ прочно осесть, оставить кочевки. Они считаютъ это величайшимъ мученіемъ, наказаніемъ Господнимъ и ни съ чѣмъ не сравнимой тягостью. Какія же обстоятельства и причины могли вызвать и укрѣпить землеробство - какъ видъ постоянного занятія?

Когда мы говоримъ о землеробії на этихъ зачинающихся, еле бреажущихъ стадіяхъ осѣдло-землеробческой культуры, слѣдуетъ помнить, что воздѣлываемые продукты - это корнеплоды, а система воздѣлыванія - самая несовершенная, самая примитивная - это раскаливаніе и разрыхленіе земли мотыкой, такъ называемая мотычная культура. Но какъ, почему перешелъ первобытный, чехотвѣкъ отъ собиранія дико-растущихъ, само собой выросшихъ корнеплодовъ, къ мотычной культурѣ, то есть, совершилъ тотъ значительный шагъ впередъ, когда корнеплоды сажаются въ землю въ надеждѣ на будущіе всходы, когда, до некоторой степени, ввѣряютъ свои продукты, теперь, уже реально и въ потребляемомъ видѣ существующіе, неопределенному и весьма коварно-гадательному будущему? Пытаются выйти изъ этого затрудненія, какъ разъ, указаниемъ на нужду. Но при нуждѣ тѣмъ менѣе оснований рисковать тѣми малыми крохами, которыя, такъ или иначѣ, уже имѣются, рисковать, помѣщая ихъ въ землю. Не отрицая значенія, до некоторой и даже, можетъ быть большой степени, момента нужды, какъ временнаго стимулянта, движеніе и успѣхъ землеробческой куль-

туры одной нужды не объяснить. Нѣкогда Мальтусъ спроведливо замѣтилъ по вопросу о нуждѣ, какъ о ричагѣ земледѣлія: "Если бы одна нужда была достаточнымъ импульсомъ перехода къ паханью, то мыѣ непонятно, какъ еще могли бы остаться отдаленія охотничіи и рыболовныи племена въ Америкѣ, но вѣдь ясно, что кроме этой толкающей роли нужды необходима была еще цѣль особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы охотникъ превратилъся въ земледѣльца".*)

Еще болѣе рѣшительно и глубже по существу высказывается Waitz о невозможности сведенія всего прогресса земледѣльческой культуры исключительно къ фатальному дѣйствію нужды и недостатка. "Неплодородная земля - говорить онъ - представляется еще гораздо больше препятствій для этого прогресса потому, что какъ ни эффективна нужда, какъ мѣра воспитательная для человѣка, все же она не является таковой при всѣхъ обстоятельствахъ. Существуетъ немало некультурныхъ народовъ, которые, испытывая ежегодно голодъ и находясь въ обладаніи полезныхъ растеній, не занимаются обработкой земель.") Конечно нужда побуждаетъ и подталкиваетъ ихъ къ оживленной духовной дѣятельности, но это импульсъ моментальный, прекращающійся немедленно съ устраненіемъ нужды. Если однако нужда не устранена, или если нужда устраняется не посредствомъ самостоятельной дѣятельности, а благодаря счастливой случайности, нужда вообще становится безплоднымъ средствомъ человѣческаго развитія и только приводить либо - въ одномъ случаѣ - благодаря напрасному исчерпанію силъ къ совершенной спячкѣ туного отчаянія, либо - въ другомъ случаѣ - къ легкомысленной беззаботности въ отношеніи къ будущему".**)

Такимъ образомъ обработка земли - какъ хозяйственная дѣятельность предполагаетъ такое множество затраченныхъ усилий и сопряжена съ такими духовными трудностями и испытаніями, что эту дѣятельность нельзя рассматривать какъ варіантъ игры силъ, какъ разновидность эстетического творчества.

Если ни - инстинктивное или осознанное - стремленіе къ самосохраненію, ни эстетическое стремленіе къ дѣятельности ради

*) R.Malthus - Versuch über die Bedingungen und die Folgen der Volksvermehrung. Teil I, S. 57.

**) Th.Waitz - Anthropologie. T. 2, S. 498.

самой деятельности не могутъ давать достаточнаго, исчерпывающаго объясненія процесса развитія потребностей, то мы должны для пониманія этого хозяйственнаго процесса вспомнить, что въ соціальномъ строѣ и въ человѣческой психологіи, на которой зиждется соціальный строй, можетъ быть заложенъ иной рычагъ развитія потребностей.

Вѣдь несомнѣнно, что рядомъ со стремленіемъ къ подражанію ("la societe c'est l'imitation", на каковомъ мотивѣ Тардъ пытался построить всю соціологію), къ уравненію, къ инсталлировкѣ, къ общенію, къ отождествлѣнію, въ лѣдяхъ заложено стремленіе къ отдѣленію, къ отдаленію, превосходству, превознесенію, то о чёмъ Ницше съ такой силой говорилъ на своемъ языке философіи-поэзіи, какъ "о пафосѣ разстоянія". Извѣстно чисто психо-физіологическое опредѣленіе человѣка, какъ "разностнаго существа", то есть, какъ существа познающаго все черезъ разность въ опыта, черезъ непрекращающееся сравненіе, противопоставленіе себя всему прочему внѣшнему миру. Это индивидуалистическое стремленіе къ видѣленію имѣетъ, однако, огромное соціальное значение. На это указывалъ еще Лотце: "Не удовлетворяются простымъ сосуществованіемъ съ иѣкимъ "другимъ", стремятся наблюдать его въ его отношеніяхъ къ третьему и себя самого познать въ наблюденіи своихъ отношеній къ нему черезъ отношенія къ третьему; стремятся къ тому, наконецъ, чтобы самостоятельное личное воздействиѣ наблюдалось и признавалось въ его взаимномъ отношеніи къ одушевленной средѣ и наслаждаться совершенно непознаннымъ почти равносильно отсутствію наслажденія. Эта потребность насквозь проникаетъ всю нашу жизнь; и даже скромнѣйшая любовь въ конечномъ счетѣ стремится обнаружить свое счастье; другъ желаетъ имѣть возможность и передъ чужимъ взоромъ гордиться своимъ другомъ; хвала, расточаемая намъ человѣкомъ, удовлетворяетъ насъ не въ такой мѣрѣ, какъ сознаніе возможности обнаружитьувѣнчанность славы передъ всякимъ человѣкомъ; всякое стремленіе художника ищетъ признанія, а всякая отказывающаяся, удаляющаяся отъ вицѣнаго мира научная мысль, въ себѣ самое погруженная, считается въ тиши съ невидимымъ міромъ и учитываетъ его пониманіе"*)

*) Lotze - Mikrokosmus Bd. 2. 4. Aufl. S. 437.

Такъ индивидуалистическое стремлѣніе къ выдѣленію превращает-
ся въ соціальное стремлѣніе. Съ другой стороны и чисто соці-
альное коллективистическое стремлѣніе къ "стадности", къ под-
ражанію есть тоже не только стремлѣніе къ подчиненію. И оно
можетъ служить цѣлямъ выдѣленія людей. Поскольку имѣется диф-
ференціація соціального цѣлаго, многоступенчатая лѣтвичная
соціальная структура, стремлѣніе къ подражанію есть одновре-
менно и стремлѣніе къ подъему на высшую ступень, есть, такимъ
образомъ, и стремлѣніе къ выдѣленію. Правильно отмѣтилъ это
Спенсеръ, говоря: "Подражаніе можетъ возникать изъ двухъ вза-
имно исключающихъ одно другое двигательныхъ побужденій. Оно
можетъ быть поощряемо почтеніемъ къ тому, кому подражаютъ, ли-
бо стремлѣніемъ возможно опредѣленій подчеркнуть свою физическую
однозначность, равенство". *) При объясненіи этихъ мотивовъ
нельзя ограничиться хозяйственно-утилитарными или экономиче-
ски-раціональными соображеніями, которая не только не покры-
ваютъ адекватно этикъ стремлѣній, но послѣднія нерѣдко даже
противорѣчать имъ.

Такъ у известныхъ народовъ на опредѣленномъ культурномъ
уровнѣ, экономически-цѣлесообразная бережливость и скучность
считаются несовѣтствующими съ линіей поведенія господствующихъ
слоевъ. Господствуетъ тотъ, кто широко, не считая и не соображая,
щедро одаряетъ и разбрасываетъ направо и налево. Съ другой
стороны, суть дѣла въ томъ, что безкорыстное въ
указанномъ смыслѣ стремлѣніе къ выдѣленію, къ соціальному пре-
восходству или могуществу можетъ получить важное экономиче-
ское значеніе и исторически получаетъ таковое. Стремлѣніе къ
выдѣленію должно признать основой утонченія и умноженія по-
требностей. Въ подтвержденіе этого положенія можно сослаться
на массу этнографического материала, касающагося, какъ перво-
бытныхъ народовъ, такъ и достигшихъ вершинъ культурного раз-
витія, современныхъ наимъ народовъ. Этнографы единогласно кон-
статируютъ странное соотношеніе предметовъ необходимости и
роскоши у первобытныхъ народовъ, что даетъ даже основаніе нѣ-
которымъ изъ нихъ (напр. Ратцелю) приходить къ заключенію о
легкомыслии и беззаботности нашихъ древнихъ предковъ. Дикари

*) Herbert Spenser - Principe der Sociologie B. III.

предпочитаютъ украшеніе, отличающее ихъ отъ имъ подобныхъ, ожаждѣй, необходимой часто по условіямъ географіи мѣста. Насколько сильна эта страсть къ выдѣленію, къ отличію видно, хотя бы, изъ тѣхъ муки, которая первобытныя люди испытываютъ при цѣломъ рядѣ, ведущихъ къ цѣли отличія, операций татуированія и раскрашиванія. То, что европейцы въ торговлѣ съ первобытными народами, преимущественно сбывали безполезныя бездѣлушки, а не полезные продукты, объясняется, конечно, не безчестными мотивами купцовъ — какъ поверхностно представляли себѣ многіе, — а совершенно правильно понятными мотивами потребленія покупающихъ первобытныхъ людей, предпочитающихъ отказаться отъ предметовъ полезныхъ и необходимыхъ во имя благъ, которая удовлетворяютъ ихъ настоящими потребностями выдѣленія, отличія, дифференціаціи.

Но тѣ же мотивы действовали и въ недалекомъ прошломъ, у людей близкихъ намъ культуръ, и даже въ современномъ человѣчествѣ. Извѣстныя явленія изъ жизни французскихъ эмигрантовъ эпохи Великой Французской Революціи, когда высшее дворянство, люди, привыкшіе къ роскоши и пышности, поддерживали "достойный икъ сословія образъ жизни", хотя они были поставлены въ такія условія, когда затрачиваемыя ими на внешнія отличія въ одеждахъ, въ подаркахъ, подачкахъ, суммы вызывали въ нихъ же самихъ заѣсть: они принуждены были отказываться отъ необходимыхъ предметовъ, нерѣдко отъ приличного обѣда.

Если изслѣдовывать это стремленіе къ особности, индивидуалистическое стремленіе къ выдѣленію, на отдельныхъ конкретныхъ предметахъ потребленія, роль и значеніе его будуть еще болѣе подчеркнуты. Такъ въ отношеніи одежды, все изслѣдователи согласны въ томъ, что люди начальныхъ periodовъ исторіи пользовались одеждой только какъ средствомъ, инструментомъ зажиточнаго быта. Совершенно ясно, съ этой точки зренія, что лишь вожди, лишь господствующіе въ тѣхъ или иныхъ областяхъ жизни, лишь "знатные", въ самомъ общемъ и широкомъ смыслѣ слова, одѣвались, то есть, сама одежда служила украшеніемъ, служила способомъ отличія. Лишь постепенно, въ длительномъ и трудномъ процессѣ, познавались о. . .ективно-полезная свойства одежды, какъ средства согрѣванія, и тогда лишь одежда могла широко распространиться. Но если, отъ этихъ, по дальности разстоянія во времени, едва различаемыхъ

людей древности, обратимся къ современности, та же психологическая картина представится почти съ тѣми же деталями. И сей-часъ существуетъ дифференціація человѣчества по одѣждѣ и "по платью не только встрѣчаютъ", а опредѣляютъ и мѣсто человѣка въ общественной іерархіи, и положеніе его въ соціальномъ цѣломъ.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ шелкъ являлся предметомъ роскоши. Тѣмъ не менѣе уже за 4000 лѣтъ до Р.Х. китайцы знали и употребляли этотъ продуктъ. Конечно, насколько этотъ продуктъ демократизировался въ потребленіи видно изъ сравненія яицъ его потреблявшихъ тогда и въ наше время. Потребителями шелка были въ тѣ времена исключительно китайскія королевы, изъ которыхъ одна даже оставила по себѣ память, какъ исключительная покровительница этого продукта. Прошло много тысячелѣтій; шелкъ и теперь продуктъ роскоши (относительной, "массовой роскоши") и если потребляется, то именно, какъ таковой, а не какъ предметъ полезнаго потребленія. Психологія потребленія этого продукта, по существу, не измѣнилась: действуютъ все тѣ же мотивы, мотивы эстетическихъ, стремленіе къ выдѣленію.

То же въ общихъ чертахъ слѣдуетъ признать и относительно потребленія хлопчатой бумаги. Продуктъ этотъ былъ извѣстенъ давно въ Индіи, какъ предметъ потребленія знатныхъ слоевъ, какъ средство виція отграничения, отличія высшихъ, господствующихъ элементовъ. Эволюція продѣлала съ потребленіемъ хлопчатой бумаги то же, что и съ потребленіемъ одѣжды вообще: превратила его изъ ограниченного предмета роскоши въ продуктъ массового, повседневнаго потребленія. Основой этого явились, конечно, познанія полезныя качества продукта.

Можно съ достаточнымъ правомъ сказать, что развитіе современного сложнаго явленія, моды, что чрезвычайное развитіе общей конфекціонной промышленности со всѣми ея разнообразными и многочисленными варіантами, имѣютъ въ основѣ своей то же стремленіе къ соціальной дифференціації, къ общественному отличію, выдѣленію, особности.

Тому же принципу подлѣжать и средства питания. Мы уже указали, что молоко входитъ въ кругъ извѣстныхъ человѣку продуктовъ прежде всего, какъ идоложертвенная жидкость. Между этимъ первымъ его появленіемъ и той стадіей въ развитіи потребленія

этого продукта, когда оно становится предметомъ массового по-вседневнаго потребленія лежитъ громадный періодъ времени. Первими потребителями молока явились лица особо знатныя, первыя въ рангѣ могущественныхъ, ближе всѣхъ къ Божеству стоящія: жрецы, брахманы. Изъ этого узкаго, тѣсно ограниченного круга молоко постепенно распространяется во все большіе круги, тѣмъ большиe, чѣмъ дальше отъ первого они отстоятъ по степени знатности, важности, вѣса въ общей жизни народа. Цѣлый рядъ фактъ свидѣтельствуетъ въ пользу того, что большинство теперь всенародныхъ продуктовъ питанія, не исключая и хлѣбныхъ продуктовъ, первоначально выступаютъ въ роли предметовъ роскоши съ функцией преимущественно, войдя въ кругъ потребленія знатныхъ, выдѣлить и подчеркнуть значеніе этого слова. Исследователь древняго Египта G.Klemm устанавливаетъ, что "питаніе древнихъ египтянъ было различно, соответственно различію сословій, на которыхъ они подраздѣлялись. Золотные растенія, какъ и у древнихъ макоиканцевъ, были преимущественно средствомъ питанія бѣднейшихъ классовъ, которые кроме того питались еще чеснокомъ, лукомъ, тыквенными плодами, динами и огурцами, а также Durrab (особый злакъ) и финиками. Конечно, общераспространенной пищей была еще и рыба.

Напротивъ предметы потребленія высшихъ слоевъ не только были богаче и питательнѣй, но и искуснѣе и вкуснѣе приготовлены. Любимое блюдо, мясо рогатаго скота и гусей, преимущественно предназначались жрецамъ. Хлѣбъ знатныхъ выпекался изъ пшеницы"*)".

Интересно, что и зерновые хлѣба служили не предметомъ широкаго питанія, а скорѣе удовлетворяли потребностямъ роскоши и честолюбія, употребляясь, какъ материалъ, изъ котораго приготавлялись напитки богатыхъ.

Совершенно такъ же обстоитъ и съ обработкой металловъ и примѣненiemъ оружія, полезныя качества которыхъ были признаны и намли потому широкое общее примѣненіе лишь послѣ длительнаго періода, въ теченіе котораго они удовлетворяли инымъ потребностямъ: служили внешнимъ средствомъ отличія и господства отдельныхъ лицъ и группъ надъ всеми остальными.

*)Klemm - Allgemeine Kulturgesch. der Menschheit B.III.
S.231_232.

Итакъ, нужно думатьъ, что для возникновенія потребностей этотъ мотивъ еще действительный, чѣмъ для дальнѣйшаго ихъ развитія. Тѣмъ не менѣе было бы ошибочно думать, что исключительно на одномъ этомъ аристократическомъ моментѣ можно построить всю исторію возникновенія и развитія потребностей: не малое значеніе должно отвести и второму, живущему въ душѣ человѣка, противоположному мотиву: принципу подражанія, принципу особо демократического характера. Только комбинація, взаимодѣйствіе обоихъ этихъ принциповъ создаетъ возможную основу развитія потребностей. На основѣ аристократического стремленія къ выѣленію возникаютъ потребности у отдѣльныхъ лицъ, на основѣ же органически-демократического принципа подражанія онѣ распространяются, захватывая все большій кругъ лицъ. Этотъ моментъ комбинаціи, взаимодѣйствія ясно обнаруживается въ исторіи потребленія табака въ Россіи. Исторія потребленія табака въ Россіи движется между двумя крайними пунктами, каждый изъ которыхъ удачно умѣщается въ соответствующую формулу: вначалѣ, это было "проклятое зелье", теперь курять даже въ самыхъ глухихъ, "медвѣжьихъ" угахъ Россіи. Первоначально это былъ привозный продуктъ, противъ потребленія котораго возмутилось консервативное сознаніе, противъ котораго съ особой силой, какъ вообще противъ всего иностранного, "заморскаго", возставало религіозное сознаніе. Съ другой стороны, потомъ, впослѣдствіи, когда это "заморское проклятое зелье" вошло въ употребленіе, укрѣпилось, когда нижніе слои, курая табакъ, чувствуютъ себя ближе, въ чѣмъ-то сравнившимися со слоями высшими (и этотъ моментъ важенъ до чрезвычайности!), господствовать другая крайняя формула, выражавшаяся въ очень распространенной просьбѣ газетъ "на цигарку". Тоже и съ одеждой: въ Россіи, напримѣръ, а особенно на Западѣ мы видимъ дѣйствіе обоихъ началь, иногда координированное, иногда вступающее въ конфликтъ: существуетъ огромная нивелировка людей въ одеждахъ, на ряду съ чѣмъ существуетъ, однако, понятіе "рабочій костюмъ". На Западѣ, въ Гамбургѣ въ частности, это нашло даже некоторое вѣнчанее выраженіе: на Гамбургскую биржу пускаютъ всѣхъ, кроме лицъ въ костюмѣ рабочихъ. Здѣсь и моментъ этой всеохватывающей нивелировки въ одеждѣ и пережитокъ рѣзкой дифференціаціи, выѣденія по одеждѣ.

но и комбинація обоихъ факторовъ, какъ и двиствие каждого въ отдельности для исчерпывающаго познанія возникновенія и роста потребностей оказывается недостаточными. Здѣсь играли роль другіе факторы, тоже соціальные, но совсѣмъ иного, особаго по рядка. Надо всегда помнить, что соціологія и исторія хо-
стивенного быта должны исходить отъ представліенія о множествен-
ности разнородныхъ соціальныхъ группъ, вступающихъ въ періо-
дическія соприкосновенія. Процессы соприкосновенія этихъ раз-
нородныхъ соціальныхъ группъ имѣютъ огромное значеніе для об-
щественного развитія въ особенности. Война и торговля суть
две главныя сюжеты этого соприкосновенія. Оставляя детальную
характеристику этихъ явлений, какъ предметъ нашего дальнѣйшаго
разсмотрѣнія, укажемъ теперь же, что война играла несравненно
большее культурное значеніе въ древности, нежели теперь.

Теперь Вамъ видно, какъ сложны и примитивными схемами не разрѣшимъ процессъ возникновенія и исторія развитія потребно-
стей.

Какъ я уже говорилъ, соприкосновеніе разнородныхъ общест-
венныхъ группъ проявляется въ формахъ войны и торговли. О тор-
говлѣ придется подробно говорить, когда коснемся вопроса объ
обмѣнѣ. Тѣль же, прежде всего, необходимо отмѣтить чрезвы-
чайно важное влияніе войны въ вопросахъ экономического развитія,
подчеркнуть значеніе ея, какъ стимулатора потребленія,
какъ источникъ возникновенія новыхъ потребностей, какъ факторъ
ознакомленія съ новыми предметами потребленія.

Человѣкъ - животное эмпирическое и жестокое, у него слабо развито сознаніе вида и соответствующая ему видовая симпатія: въ узкихъ предѣлахъ первоначальныхъ соціальныхъ группъ человѣкъ всегда боролся съ человѣкомъ. На борьбѣ съ другими соціальными группами возникала и упрѣгнялась симпатія внутри данной своей группы; на основе враждебного соприкосновенія съ другими группами создавалась общественная солидарность: росли и крѣпли сплоченность и альтруизмъ среди своихъ - зерна будущаго патріотизма - ; выковывалась дисциплина. Это то, что можно назвать диадектикой морального развитія, вытекающей изъ дуализма этическаго сознанія*). Такимъ образомъ, война - школа

*) Ср. Steinmetz. - Philosophie des Krieges.

Его же. - Der Krieg, als soziologische Erscheinung.

Беджоль. - Естествознаніе и политика.

общественного морального воспитания, она же одновременно — рячагъ роста потребленій: она знакомить съ новыми благами, значитъ является источникомъ самого возникновенія новыхъ потребностей, и прокладываетъ пути нормального удовлетворенія этихъ вновь возникшихъ потребностей, пути и способы получения новыхъ благъ, ибо за войной слѣдуетъ нормальное соприкосновеніе, мирное сожительство. Въ прошломъ это культурно-экономическое значеніе войны было несравненно больше, чѣмъ значение современныхъ войнъ. Вопросъ "о вѣчномъ мириѣ", какъ проблема, затрагивающая большое множество, не подлежащихъ ни учету, ни констатированію, трудныхъ явленій, процессовъ и комбинацій, лежитъ въ компетенціи науки. Но несомнѣнно культурное значеніе войны теперь уменьшилось до крайности и, пожалуй, война теперь есть даже отрицательное, разрушительное явленіе.

Война развиваетъ явленія, впослѣдствіи приобрѣтающія громадное экономическое значеніе: пути сообщенія прокладываются вооруженной рукой, война рождаетъ рабство*), имѣющее величайшее вліяніе на послѣдующую экономическую эволюцію. Появляется эксплоатация человѣка человѣкомъ: часть труда можетъ быть свалена на чужія плечи. Извѣстная часть человѣчества получаетъ больший досугъ и можетъ для удовлетворенія своихъ возрастающихъ потребностей обращаться къ чужому труду. Этотъ важный факторъ — эксплоатация чужого труда — служить намъ переходомъ отъ потребностей и потребленія къ производству, къ труду.

ПРОБЛЕМА ТРУДА И РАЗДѢЛЕНІЯ ТРУДА.

Трудъ — какъ категорія естественная — есть такая же совокупность физіологическихъ процессовъ, какъ и всѣ вообще жизненные процессы живого организма. Извѣстный русскій физіологъ И. М. Сѣченовъ въ интересномъ трактатѣ о труде съ точки зренія анатоміи и физіологии, говоритъ: "Во всякой машинѣ, устроенной руками человѣка, всегда можно различать части, составляющія

*) Конечно, война не есть единственный источникъ рабства.

собственно рабочий механизмъ, и прилатки, которыми управляетъ ся ходъ машины. Такъ, въ вѣтряной мельницѣ рабочій механизмъ состоитъ изъ крыльевъ съ передаточными звеньями отъ нихъ къ стояку съ жерновами, а регуляторомъ служать тѣ прилатки, при посредствѣ которыхъ мельникъ пускаетъ машину въ ходъ или останавливаетъ ее, умѣряетъ или ускоряетъ ея работу. Такъ и въ животномъ тѣлѣ система мышцъ, прикрепленныхъ къ подвижнымъ частямъ костнаго скелета, составляетъ тотъ механизмъ, при посредствѣ котораго человѣкъ и животные производятъ виѣшнія механическія работы; а регуляторами служатъ нервные прилатки, которыми двигательная машина пускается въ ходъ или останавливается, ускоряется или умѣряется въ ея дѣйствіи" *). Такимъ образомъ, съ естественной точки зрѣнія трудъ есть трата, есть расходъ вещества и энергіи, а "организмъ человѣка, насколько онъ представляетъ собой аппаратъ для производства механической работы, говорить Бухъ, можно сравнить съ термодинамическими машинами на томъ основаніи, что и тутъ и тамъ работа является результатомъ превращенія теплоты въ механическое движеніе" **). Разсуждая совершенно абстрактно-натуралистически, трудъ есть только трата или расходъ, потребленіе - только приобрѣтеніе или доходъ. Трудъ разрушаетъ вещество, потребленіе его создаетъ или возсоздаетъ. Экономически сопоставленіе труда и потребленія совершенно обратное: съ хозяйственной точки зрѣнія трудъ создаетъ цѣнности, потребленіе же ихъ разрушаетъ, уничтожаетъ. Потребленіе и работа суть для человѣка физиологически и экономически - полярныя категории. И психологически эти явленія глубоко различны: трудъ есть функция активно-творческая, потребленіе - пассивная и разрушительная.

На первыхъ ступеняхъ человѣческой культуры потребленіе доминируетъ надъ трудомъ, человѣкъ больше потребляетъ, чѣмъ творить, ибо человѣкъ на первыхъ шагахъ своего существованія - сенъ и пассивенъ. Отсюда не слѣдуетъ, однако, заключать, что

*.) И.И. Сѣченовъ. - Очеркъ рабочихъ движений человѣка.

М. 1906. Стр. 1 и далѣе.

**) Левъ Бухъ. - Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. СЛВ. 1896. Стр. 23. Ср. D-r Fernand Langrage. - Physiologie des exercices du corps.

первоитный человѣкъ совсѣмъ не трудится, ничего не создаетъ, что онъ только потребляетъ и потребляетъ только то, что привыкъ потреблять. По существу таково утвержденіе Бюхера. Тамъ, гдѣ онъ ставить вопросъ о труде, какъ проблему историческую; "о томъ, какимъ образомъ наѣ индивидуального исkanія циши развились хозяйство, мы не можемъ въ настоящее время составить себѣ никакого понятія. Довольно естественно было бы предположить, что этотъ переворотъ начинается тогда, когда на мѣсто простого присвоенія даровъ природы для немедленного потребленія ихъ, становится производство, направленное на болѣе отдаленную цѣль, и мѣсто инстинктивной деятельности органовъ занимаетъ трудъ, какъ примененіе физической силы съ сознательной цѣлью. Но установить такое чисто теоретическое положеніе, мы выиграли бы еще не много. Трудъ, какимъ онъ является у первоитныхъ народовъ, представляетъ изъ себя явленіе довольно туманное. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ тому пункту, отъ которого начинается его развитіе, тѣмъ болѣе онъ приближается и по формѣ и по содержанію къ игрѣ"*)".

Но стоящіе на низкомъ уровнѣ культурнаго развитія, сдѣлавшіеся въ глазахъ европейцевъ мариломъ некультурности, бушмены уже ведутъ систематическую охоту, упражняютъ ее, какъ занятіе, какъ промыселъ, какъ хозяйство, и при этомъ въ извѣстномъ смыслѣ трудятся и даже весьма упорно. Они выполняютъ и функции самого охотника и функции его собаки, то есть затрачиваютъ въ охотѣ большую массу трудовыхъ усилий. Бюхерь не отрицаѣтъ факта затраты большихъ усилий первоитнымъ человѣкомъ, но указываетъ на необходимость поставить вопросъ о границахъ между работой и другими видами дѣятельности на различныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, вопросъ о томъ, развивается ли въ процессѣ исторіи самое существо труда или работы. Онъ находитъ, что работа не есть качественно неподвижная, одинаковая во всѣ времена, категорія, лишь количественно, интенсивность отличающаяся въ разные пункты исторіи. Обычно, садумываясь надъ вопросами исторіи труда, исследователи единодушно исходили изъ представлений о томъ, что для первоитнаго всякій трудъ, всякая дѣятельность — это крайне непріятное, нѣчто тѣгостное,

*) К. Бюхерь. - Четыре очерка. Стр. 92 - 93.

что "прирожденная льность" первобытныхъ, черта существенно характеризующая психику дикаря, что "paresse et sauvagerie sont synonymes" — что льность и дикость — синонимы.

Вюхерь считаетъ, "что на самомъ дѣлѣ, это — ни что иное, какъ признаваемая всѣми выдумка, fable convenie, которая, согласно объясненію болѣе внимательныхъ наблюдателей жизни первобытныхъ народовъ, является совершенно немотивированнымъ примененіемъ къ ней соціально-этическихъ представлений нашего культурнаго міра" *). Онъ доказываетъ, что въ действительности, наоборотъ, первобытные люди выполняютъ достаточное количество работы, но только характеръ работы, какъ и самыи импульсы и мотивы совершенно иные, чымъ у культурныхъ людей. Работа эта совершается для удовлетворенія потребностей, а не для прибытка, результатомъ ея является не только приобрѣтеніе, но и наслажденіе. Съ технической стороны Вюхерь указываетъ на три характерныи особенности этой работы: 1) несовершенство техническихъ вспомогательныхъ средствъ, 2) сложность процесса работы и 3) художественный характеръ продуктовъ.

"Медленность, съ которой дикари подвигаютъ свою работу, такъ велика, что одинъ наблюдатель сравнилъ движение ихъ производствъ съ ростомъ растеній. Это также приписывали имъ лѣнности, не соображая, какъ неблагопріятны условия, при которыхъ производится ихъ работа. Вездѣ приходится работать плохо или даже вовсе невооруженной рукой, что требуетъ въ высшей степени того свойства, котораго болѣе всего не достаетъ дикому человѣку, именно: терпѣнія.

Странное противорѣчіе этимъ наблюденіямъ представляеть не-преложный фактъ, что дикие народы исполняютъ чрезвычайно много, по нашимъ понятіямъ, совершенно ненужной работы. Едва ли мы скажемъ лишнее, утверждая, что ни одна жизненная потребность не вызываетъ у нихъ такой массы утомительного труда, какъ потребность украшенія: прическа волосъ, раскрашиваніе тѣла, татуировка, изготавленіе безчисленнаго множества мелочей, которыми они убираютъ члены своего тѣла. Ту же склонность къ затѣйливымъ украшеніямъ проявляютъ они при изготавленіи почти всѣхъ предметовъ обычнаго потребленія. Орнаменты орудій первобытныхъ народовъ удивительно богаты содержаніемъ, хотя въ

*) Вюхерь. — Работа и ритмъ. СПБ. 1899. Стр. 3.

то же время необыкновенно трудны, что, однако, не мешает имъ находить самое обширное примѣненіе.

Загадочность этого явленія объясняется довольно просто. Такъ же, какъ украшеніе тѣла для первобытного человѣка служить единственнымъ средствомъ, которымъ онъ выдѣляется изъ массы подобныхъ себѣ, вырисовывается въ прямомъ смыслѣ этого слова, каждое издѣліе его руки становится принадлежностью его личности. Такъ какъ обыкновенно каждый предназначаетъ свой продуктъ для собственного употребленія, то удовольствіе и честь обладанія имъ сообщается душѣ работающаго и тѣмъ болѣе ободряетъ его переносить всю тягость труда, чѣмъ ближе онъ подходитъ къ концу. Этотъ продуктъ и самъ неситъ явно выраженную печать индивидуальности, смотря по свойству, происхожденію и познанію; какъ воплощеніе индивидуальной работы и какъ приспособленіе для жизни, предметъ этотъ становится принадлежностью лица, создавшаго его. У некоторыхъ народовъ погребается съ покойникомъ все его движимое имущество; собиратели предметовъ для этнографическихъ музеевъ вначалѣ повсюду наталкиваются на непреодолимое нежеланіе отчуждать предметы ежедневнаго употребленія — нежеланіе, проявляющееся даже до отношенію къ такимъ вещамъ, которая легко воспроизводятся безъ большой затраты труда.

Въ этой постоянной общности производителя и продукта заключается, безъ сомнѣнія, моментъ, способствующій развитию культуры и облегчающій тяжесть труда. То, что испытываетъ теперь живописецъ, скульпторъ, поэтъ, учѣный, благодаря произведенію, приносящему имъ славу, первоначально доставлялось каждымъ удачнымъ произведеніемъ человѣческой руки. Радость творчества, которую культурный человѣкъ настоящимъ образомъ испытываетъ теперь лишь при духовной работе, первобытного человѣка вроду же вляла постоянно, когда онъ принимался за производство утвари или предметовъ украшенія, орудій и оружія^{*)}.

Отсюда Бюхеръ приходитъ къ интересному и смѣлому обобщенію: что въ основѣ самого грубаго труда первобытного человѣка и самой уточненной духовной дѣятельности современной интеллигентіи лежитъ психологически-единая радость творчества. Совре-

^{*)} Бюхеръ. Тамъ же, стр. 8 - 9.

менный трудъ въ своихъ механически-исполнительныхъ проявленияхъ лишь правда характера творчества, но даже при самой повседневной работе всетаки можно уловить остатки известного творческаго начала. Высокая трудность, съ которыми сопряжена для первобытнаго человѣка методическая, основанная на терпѣбіи, работа, Бюхеръ обобщилъ свои наблюденія въ интересномъ изслѣдованіи о соотношении труда и ритма. "Физическая, работа сводится вообще къ произведенію простыхъ мускульныхъ движений*). Непрерывное употребленіе одного и того же мускула вызываетъ утомленіе, тѣмъ большее, чѣмъ продолжительный напрягается мускулъ и чѣмъ неравнѣе приложеніе силы, которое требуется отдѣльными движениями.

Для усиѣха каждой работы необходимо предположеніе, что работающій въ каждомъ частномъ случаѣ правильно опредѣляетъ необходимое мышечное движеніе и достаточно оцѣниваетъ требуемое приложеніе силы. Чѣмъ болѣе осуществляются эти условія, тѣмъ болѣе проникаютъ другъ друга физической и психической элементы работы, тѣмъ успѣшнѣе она подвигается впередъ**).

Такимъ образомъ Бюхеръ устанавливаетъ ритмъ, какъ характерный моментъ самого труда и указываетъ значеніе ритмического характера труда въ дѣлѣ воспитанія человѣка въ работѣ. Этимъ проливается свѣтъ на связь труда съ другими сферами человѣческой активности, далеко отстоящими отъ хозяйственной дѣятельности. Здѣсь же обнаруживается, что хозяйство органически связано съ такими процессами, которые позволяютъ думать, что никогда трудъ и хозяйство были какъ-бы погружены въ остальную человѣческую дѣятельность и были отъ нея неразличимы. "Въ этомъ соединительномъ пункѣ мы видѣли трудъ еще не выдѣленный изъ искусства и игры. Существуетъ лишь одинъ родъ человѣческой дѣятельности, соединяющей въ себѣ работу, игру и искусство. Въ этомъ первоначальномъ единотвѣтствии духовно-тѣлесной дѣятельности человѣка мы распознаемъ уже зачатки позднейшей

*) Cf. Gossen. - Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs. S 35 f.

**) Бюхеръ. - Тамъ же. Стр. 12 - 17.

хозяйственно-технической работы и всѣхъ искусствъ, какъ подвижныхъ, такъ и неподвижныхъ. Примѣняя наши понятія къ этому состоянію, мы должны были бы сказать: подвижные искусства — музыка, пляска, поэзія — выступаютъ при самомъ выполненіи работы, а неподвижные искусства — ваяніе, живопись — воплощаются въ результатахъ труда, хотя сперва лишь въ видѣ орнаментики".

"Связью, соединяющей элементы, кажущіеся столь различными нашему чувству, служить ритмъ — упорядоченное расчлененіе движений въ ихъ прохожденіи во времени. Ритмъ исходить изъ органическаго существа человѣка. Повидимому, въ качествѣ регулирующаго элемента наиболѣе бережливаго израсходованія силъ, онъ управляетъ всѣми естественными процессами животнаго тѣла. Вѣтущая рысь лошадь и навѣченный всеблюдъ движутся такъ же ритмически, какъ гребущій лодочникъ и куюдій кузнецъ. Ритмъ разбуждаетъ пріятное чувство; поэтому онъ служитъ не только для облегченія работы но и однимъ изъ источниковъ эстетического удовольствія и тѣмъ элементомъ искусства, чувство котораго врождено всѣмъ людямъ, на какой бы ступени образованности они ни находились. Въ ритмѣ какъ бы сказался въ самомъ простомъ лай въ юную пору человѣческаго рода экономической принципъ, строгий (по Шеффле) повѣлѣваетъ намъ стремиться къ возможно большей полнотѣ жизни и жизненныхъ наслажденій съ возможно меньшимъ пожертвованіемъ жизненной силы и жизнерадостности" *).

Бюхеръ прослѣживаетъ фактическое соотношеніе между трудомъ и поэзіей, и музыкой на основѣ конкретнаго исторического материала и указываетъ, какъ ритмичность труда, связанная съ плясками и пѣснями, пріучала человѣка къ постоянному и однообразному труду. "Конечно, нельзя обобщать подобныя единичныя наблюденія; но, съ другой стороны, мы имѣемъ еще менѣе оснований вторить современной политической экономіи, которая видитъ въ каждой однообразной работе "убивающій духъ" и особенно "изнурительный" трудъ. Именно, однообразіе работы бываетъ благодѣтельнымъ для человѣка, насколько онъ самъ опредѣляетъ гемиъ своихъ тѣлодвиженій и можетъ прекращать ихъ по желанію. И лишь такое однобразіе устанавливаетъ ритмически-автоматический строй работы, дающій самъ по себѣ удовлетвореніе, такъ

*) Вѣль.бр. — Тамъ же. Стр. 37 — 38.

какъ оставляетъ духъ свободнымъ и предоставляетъ просторъ воображенію. И ритмическая работа является сама по себѣ не бездумной, а въ высшей степени воодушевленной; необходимая для этого психическая дѣйствія относится, правда, къ самому началу процесса, но дальнѣйшія повторенія ихъ дѣйствуютъ, какъ масло на ходъ машины. Изнурительными становятся только такія однообразныя работы, которые не могутъ принять ритмического характера и требуютъ, при каждой новой операциіи, новаго, хотя и однороднаго, дѣйствія нашего вниманія и воображенія, какъ, напримѣръ, при сложеніи рядовъ чиселъ, переписыванія фразъ и т. п.**).

Наибольшее значеніе ритмической характеръ труда долженъ былъ пріобрѣсти въ работахъ рабовъ. "Рабы лѣнятся, если нѣть надзора надъ ними; они должны быть заняты группами, такъ какъ иначе и надзоръ за ними обходился бы слишкомъ дорого. Исполненіе работы въ тактъ, гдѣ только оно было возможно, было здѣсь тѣмъ болѣе умѣстно, что при этомъ никто не морѣ отставать. У древнихъ при массовыхъ работахъ во многихъ случаяхъ тактъ давался флейтой; когда мы слышимъ, что въ домѣ богатаго Гриимальхія всѣ работы исполнялись рабами подъ пѣніе, такъ что можно было бы принять ихъ за хоръ мимистовъ то въ этомъ несомнѣнно заключается громадное преувеличеніе; но все-таки безъ фактическаго основанія не могло бы быть и подобнаго преувеличенія. О рабочихъ пѣсняхъ сельскихъ рабовъ мы не знаемъ ничего достовѣрнаго; ихъ такъ же могло не быть, какъ и у негровъ амѣриканскихъ колоній. Но древніе находили естественнымъ пѣть при каждой тяжелой работе, происходившей на открытомъ воздухѣ.

Мы должны, такимъ образомъ, видѣть въ рабочемъ ритмѣ и пѣніи важное вспомогательное средство для возникновенія и перваго развитія работы, въ современномъ народно-хозяйственномъ смыслѣ, и можемъ признать за ними известное значеніе для первыхъ опытovъ объединяющей организаціи работы"**).

Отсюда проливается свѣтъ и на такія явленія, какъ поэзія, музыка и пѣніе. Вюхеръ приходитъ къ такому решенію вопроса объ ихъ соотношеніи... что работа, музыка и поэзія на перво-

*) Вюхеръ. - Тамъ же. Стр. 93.

**) Вюхеръ. - Тамъ же. Стр. 97 - 98.

начальной ступени ихъ развитія должны были быть слиты въ одно дѣло, но что основной элементъ этой тройственности составляла работа, тогда какъ два другихъ имѣли только дополнительное значеніе. Общий связующій признакъ ихъ — ритмъ, который и въ древней музыкѣ, и въ древней поэзіи является существеннымъ, а въ работѣ выступаетъ только въ определенныхъ условіяхъ, несомнѣнно широко распространенныхъ въ первобытныхъ "хозяйствахъ" *). Не имѣя возможности останавливаться на томъ, какъ Бюхеръ въ детальномъ анализѣ прослѣживаетъ эту мысль, я долженъ сказать, что какъ ни смѣла по замыслу эта конструкція, авторъ ея стоитъ на правильномъ пути, вскрывая психологическія основы того процесса, въ которомъ создался трудъ какъ самостоятельное явленіе, создался путемъ дифференціаціи болѣе широкаго, но родственнаго ему психического процесса. Отъ этого явленія-труда, какъ психологического явленія — естественно перейти къ идѣи раздѣленія труда.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА РАЗДѢЛЕНІЯ ТРУДА.

Трудъ, какъ-экономическая категорія, сразу же рождаетъ мысль о воздействиіи людей въ трудѣ. Въ этихъ размышленіяхъ возникаетъ и идея раздѣленія труда. Нужно ясно представить себѣ, что раздѣленіе труда имѣетъ три аспекта въ зависимости отъ трехъ "единствъ" или "цѣлыхъ", "раздѣленіе" которыхъ мы имеемъ. Необходимо ясно спрашивать всегда, что дѣлится или внутри чѣго происходитъ дѣленіе? Во-первыхъ мы имѣемъ внутри-хозяйственное раздѣленіе труда, то есть, раздѣленіе труда проходитъ внутри тѣго субъективно-волевого единства экономической деятельности, которое мы называемъ хозяйствомъ; во-вторыхъ мы имѣемъ внутри-общественное раздѣленіе труда: раздѣленіе труда проходитъ внутри всего общества, то есть, внутри

*) Бюхеръ, — Ранѣе. Ср. 67 — 68.

системы рядомъ стоящихъ или взаимодѣйствующихъ хозяйствъ. Говоря о раздѣленіи труда, наконецъ, мы можемъ имѣть въ виду въ качествѣ того, что "дѣлится" не отдельное хозяйство или систему хозяйствъ, а известного рода цѣлесообразно - извѣзъеній экономической процессъ, въ одно и тоже время составляющей часть всей жизни данного хозяйства или даже общества и представляющей чѣкоторое единство. Процессъ такой бываетъ часто пріуроченъ къ определенному мѣсту, прикрепленъ къ известной обстановкѣ. Это то, что я предлагаю называть "производственными цѣлями". Фабрика, мастерская, наконецъ отдельная часть производственного процесса, поскольку она мыслятся, какъ чѣкоторое единство, даетъ намъ раздѣленіе труда внутри производственного цѣлага.

Вниманіе экономистовъ обычно привлекалъ посѣдній аспектъ раздѣленія труда, который занималъ экономическую мысль, еще начиная съ А. Смита, при чёмъ этотъ случай раздѣленія труда нерѣдко смѣшивали съ совершенно самоостоятельными явленіями внутри-хозяйственного и внутри-общественного раздѣленія труда (I-ый и II-ой члены нашей классификації).

Если мы обратимся къ исторіи раздѣленія труда внутри хозяйства, то, поскольку можно на первобытныхъ ступеняхъ констатировать единое хозяйство, въ смыслѣ домохозяйства, раздѣленіе труда на первыхъ шагахъ совпадаетъ съ первыми и основными дѣленіемъ общества, возникающимъ на основе раздѣленія между полами. Какъ бы ни смягчать отношеніе между полами, но необходимо признать здѣсь далеко идущія отношенія господства и подчиненія: мужчина - господинъ, женщина - рабъ. Въ настоящее время нельзя поддерживать идеи о безпорядочномъ половомъ общеніи, какъ первобытномъ строѣ отношеній между мужчиной и женщиной. Эта точка зренія въ настоящее время оставлена, говорить Гроссе. Обособленная семья существуетъ везде у всѣхъ первобытныхъ народовъ; и всѣхъ она существуетъ въ одинъ и той же формѣ; ея составные элементы - мужъ, жена и дети - везде находятся приблизительно въ одномъ отношеніи другъ къ другу. Громадное большинство низшихъ скотниковъ живетъ въ моногам- почѣ бракѣ; однѣко отлучаясь отъ многоженства не изъ какихъ-

-либо религиозныхъ или нравственныхъ побужденій, но исключи-
тельно по необходимости.... "Австралійскій мужъ, говоритъ Curr,
есть неограниченный собственникъ своей жены или своихъ женъ"**).
Его право владѣнія явствуетъ уже изъ самаго способа заключенія
брака. "Австраліецъ, почти какъ правило, приобрѣтаетъ свою
жену или въ видѣ наслѣдія отъ женатаго брата, или въ обмѣнѣ
за своихъ сестеръ, или, въ позднѣйшемъ періодѣ жизни, за сво-
ихъ дочерей"***). Предметомъ владѣнія, правомърно приобрѣтае-
мы такимъ образомъ, само собой разумѣется, можно распоря-
жаться какъ угодно, подобно всякому другому предмету. Жена -
"не родственница, а собственность мужа". Этотъ послѣдній мо-
жетъ обращаться съ ней, какъ ему вздумается. Онъ можетъ обмѣ-
нять ее на другую, можетъ прогнать ее или подарить..... Однимъ
словомъ, австраліецъ смотрѣть на свою жену, какъ на домашнее
животное, и обращается со своей подругой не лучше, чѣмъ съ по-
слѣднимъ. У эта мы находимъ женъ въ положеніи такого же раб-
ства. "Жена считается немногимъ больше простой вещи, - гово-
ритъ Schadenberg. На ней лежать домашнія заботы, пока мужъ
охотится"****). У бушменовъ "жена - вычное животное", - пи-
шетъ Theophilus Hahn. "При томъ она еще часто должна терпѣть
такое обращеніе, которое нерѣдко ведетъ къ смерти". Незавидна
также и участъ обитательницъ Огненной Земли: жены добываютъ
большую часть пищи, но сами получаютъ изъ нея менѣе мужей.
Низшіе охотники Калифорніи смотрятъ на своихъ женъ съ глубо-
кимъ презрѣніемъ и заставляютъ ихъ исполнять всѣ непріятныя
работы; имъ никогда не позволяютъ сидѣть около одного очага
или за однимъ обѣдомъ съ ихъ повелителями. Эскимосы, какъ пра-
вило, обращаются со своими женами хорошо, такъ какъ они во-
обще не имѣютъ большой наклонности къ насилию. Но что мужчина,
тѣмъ не менѣе, признается господиномъ жены, это слѣдуетъ уже
изъ того, что онъ имѣеть право наказывать свою супругу удара-
ми по физіономіи и при томъ настолько сильно, что у послѣдней
остаются слѣды. Точно также по смерти мужа жена не получаетъ

*) Curr. - The Australian Race. I, стр. 109.

**) Тамъ же. Стр. 107.

***) Schadenberg. - Zeitschr. f. Ethn. XII, стр. 137.

ничего, а все наследство переходитъ къ старшему сыну"). Выводы эти нѣсколько смягчаются у другихъ, напримѣръ, Westermarck. - Ursprung und Entwicklung der Moralbegriffe. Гл. I - Hörigkeit der Gattinnen.

Рядомъ съ этимъ соціальнымъ раздѣленіемъ стоитъ раздѣление труда между полами: женщина добываетъ растительную, мужчина - животную пищу. Это - общее явленіе на первобытныхъ стадіяхъ. У Бюхера это первоначальное раздѣление труда по поламъ очень характерно выражено: "Потребность въ пищѣ является наиболѣе настоятельной, а первоначально единственной потребностью, которая побуждаетъ человѣка къ дѣятельности, заставляетъ его безостановочно рыскать до тѣхъ поръ, пока онъ не удовлетворить эту потребность. У наиболѣе низко стоящихъ племенъ рассматриваемой нами части земного шара это происходитъ такимъ образомъ, что мужчины, вооруженные лукомъ и стрѣлами, занимаются охотой, женщины же лазаютъ на деревья за плодами, собираютъ ягоды, или, въ поискахъ за корнями, разрываютъ землю заостреннымъ кускомъ дерева. Такимъ образомъ уже при этомъ примитивномъ добываніи пищи устанавливается раздѣление труда между полами, которое доходитъ до того, что женщина добываетъ растительную пищу, а мужчина - животную. И такъ какъ добытая пища обыкновенно тутъ же и пожирается, и одинъ индивидъ не считается съ другимъ, пока онъ самъ голоденъ, то получается различие въ питаніи обоихъ половъ, - различіе, которое, быть можетъ, существеннымъ образомъ повлияло на дифференціацію въ физическомъ ихъ развитіи"). Раздѣление труда по поламъ въ намѣченномъ направлениі идетъ и далѣе такъ, что разграниченная разъ навсегда сферы приложенія труда и дѣятельности становятся какъ бы вторичными половыми признаками. Изъ первоначального собиранія ягодъ, плодовъ, корней и т.д. развивается въ дальнѣйшемъ первоначальная примитивная формы земледѣлія. Конечно, земледѣліе на этихъ стадіяхъ безконечно далеко отъ того, что мы теперь привыкли понимать подъ этимъ понятіемъ. Первоначальная формы обработки земли и земледѣлія - это кир -

*) Эрнстъ Гроссе. - Формы семьи и формы хозяйства. Стр. 63-5.

**) Бюхерь. - Возникновеніе народнаго хозяйства. СПБ. 1907.

ковакіе. "Киркованіе и въ настоящее время представляетъ одну изъ наиболѣе распространенныхъ системъ сельскаго хозяйства. Мы находимъ ее во всей центральной Африкѣ (отъ 18°с.ш. до 22° ю.ш.), въ Южной и Средней Америкѣ, на Австралійскихъ островахъ, въ значительной части Индо-Китая и Индійскаго архипелага. Первоначально оно, повидимому, производилось женщинами и какъ-таковое оно представляеть существенный факторъ въ развитіи культуры. Женщина, съ древнѣйшихъ временъ занимавшаяся разрываніемъ корней, отсюда, очевидно, и перешла къ обработкѣ земли. Вотъ почему главнымъ предметомъ ея послѣдовательности являются мучнистые клубни и корни. На этомъ пути она пріобрѣла техническій опытъ, котораго не было у мужчинъ; вскорѣ ея трудомъ стали удовлетворяться важнѣйшія жизненные потребности, и такимъ образомъ создалось основаніе для прочной семейной организации, въ которой мужчинѣ предоставлены были функции защиты и добываніе мясной пищи. И лишь тамъ, где мало охотничьей пищи, мужчина также принимаетъ участіе въ обработкѣ земли, какъ напримѣръ у малайцевъ"**). Такимъ образомъ, "каждому не только отведена определенная область въ сферѣ добыванія пищи, но каждый полъ кроме того производить всю состоящія въ связи съ этимъ техническія работы: женщина производить все, что связано съ растительнымъ міромъ, мужчина выдѣлываетъ оружіе, орудія для охоты, рыболовства и скотоводства, производить предметы изъ костей и шкуръ животныхъ и строить лодки. ... Но въ общемъ раздѣленіе областей труда проведено довольно строго, мало того, это раздѣленіе между полами простирается даже на потребленіе"**). Въ зависимости отъ огромной роли женщины въ развитіи земледѣлія, какъ наслѣдіе этой роли, является ея роль въ устроеніи потребленія, въ домоводствѣ, въ домохозяйствѣ. Женщинѣ исторически принадлежитъ огромная культурная заслуга; это культурное значеніе женщины, эта безусловная и неизбѣжная связь земледѣлія - трудовой дѣятельности, давшей самый прочный базисъ дальнѣйшему культурному шествію и по существу связанный съ осѣдлостью - съ трудомъ женщины не можетъ быть отрицаема даже самими убѣжденными противниками женского равноправія и серьезными недоброжелателями феминизма вообще,

**) Вюхеръ. - Тамъ же. Стр. 44, 50.

поскольку они объективно признаютъ факты исторического прошлого, поскольку они не желаютъ отказаться отъ истории, какъ таковой.

Скотоводство у всѣхъ пастушескихъ народовъ есть занятіе мужчинъ. "Мужчины (у генттентотовъ), кроме охоты заботятся только объ уходѣ и пользованіи своими стадами; женщины собираютъ дикие коренья и луковицы, приготовляютъ пищу, строятъ шалаші и, кроме того, должны нести на себѣ всѣ трудныя и непріятныя домашнія работы. Тотъ же самый принципъ съ незначительными отклоненіями господствуетъ во всей областиnomadской культуры. Кафрокія племена считаютъ скотоводство, какъ и каждое занятіе, связанное съ нимъ, не столько обязанностью, сколько правомъ мужского пола, которое недоступно презираемымъ женщинамъ. Женщинѣ подъ страхомъ тяжкаго наказанія запрещено даже входить въ краль для скота. Напротивъ, пригото-вленіе и воздѣлываніе полевыхъ плодовъ, которое недостойно мужчины, цѣликомъ предоставлено слабому полу. Въ странѣ Бечуана только съ введеніемъ плуга, приводившагося въ движение рогатымъ скотомъ, мужчины стали принимать участіе въ земледѣліи и, именно, только потому, что женщины не могутъ прикасаться къ скоту. Галла и сомаль точно также не считаютъ воздѣлываніе растеній ни пріятнымъ, ни почтеннымъ занятіемъ. Именно, у галла, только бѣдный или обѣднѣвшій обрабатываетъ поле, про-чие предоставляютъ эту работу рабамъ. У сомаль и женатые мужчины помогаютъ въ работѣ, но только въ немногихъ случаяхъ. Настоящее призваніе мужчины - скотоводство, между тѣмъ какъ женщина предназначена для домашнихъ работъ. Напротивъ, номадизированіе арабы въ некоторыхъ мѣстностяхъ взвалили на себя пріятнѣйшія обязанности скотоводства на плечи женщинъ. У сканайскихъ арабовъ и арабовъ египетскаго шейха есть обычай, по которому девушки выгоняютъ скотъ на пастбища. Мальчикъ счита-ть бы себя обиженнѣмъ, если бы ему кто-нибудь сказалъ: "иди и гони овецъ своего отца на пастбище". Эти слова значили для него: "ты не лучше девочки". Тѣмъ не менѣе, и арабы, въ общемъ, смотрятъ на скотоводство, какъ на исключительное привилегіе мужчинъ. У всѣхъ пастушескихъ народовъ Центральной Азіи женщины-дѣлщи, исполнить псы работы внутри палатки. Рѣши-давленіемъ нужды, а не по собственному желанію, занимаются нѣ-

много земледѣльцемъ, тамъ взваливаютъ это презираемое занятіе на женщины. Мужчина оставилъ себѣ заботу о своихъ стадахъ и охоту. Только киргизы посылаютъ иногда своихъ женъ и дочерей, въ видѣ наказанія стеречь овецъ"). Но и у скотоводовъ женщина находится въ полномъ рабствѣ. "Поэтому весьма понятно, что большинство скотоводовъ отчасти по необходимости, отчасти добровольно довольствуются одной женой. Впрочемъ, и, такъ называемую, полигамію во многихъ случаяхъ можно съ некоторымъ правомъ считать моногаміей. Именно, очень часто только одна изъ женъ считается настоящей законной супругой, между тѣмъ какъ другія занимаютъ не столько положеніе супруги, какъ наложницы. Такъ у монголовъ только дѣти первой законной жены считаются законными и имѣющими право на наслѣдство. У среднеазіатскихъ тюркскихъ народовъ вторая, третья и четвертая жены представляютъ, въ сущности, ни что иное, какъ рабыни, которая "безъ позволенія никогда не смѣютъ показываться въ палатку домовладыки". ... Если старшая жена пользуется некоторыми преимуществами передъ побочными женами, то изъ этого ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ заключать, что она занимаетъ болѣе самостоятельное положеніе къ нему (къ мужу). Въ моногаміи, такъ же какъ и въ полигаміи, въ качествѣ ли старшей или въ качествѣ побочной жены, всегда женщина является рабыней мужа, который заплатилъ за нее. И здѣсь также плата за невѣсту представляеть тѣ оковы, которые обращаютъ жену въ рабыню своего мужа. И здѣсь также форма хозяйства, скотоводство, и выростающая изъ него алчность къ скоту является причиной того, что отецъ не отказывается требовать плату за невѣсту. Человѣкъ, достоинство котораго измѣряется его стадами, всѣ чувства и стремленія котораго направлены на увеличеніе его любимаго имущества, видѣтъ въ своихъ дочеряхъ только средство для умноженія своего стада. ... Вообще, нигдѣ женщина не угнетена сильнѣе и суровѣе, чѣмъ уnomadovъ, такъ какъ никакая другая хозяйственная форма не даетъ мужчинѣ такого громаднаго перевѣса.... Номадъ смотритъ на женщину съ нескрываемымъ презрѣніемъ. "Если у якута рождается мальчикъ, онъ устраиваетъ пиръ, появленіе же на свѣтѣ девочки не является поводомъ къ ликованію". Арабъ, несомнѣнно,

*) Гроссе. - Тамъ же. Ст. 128 - 130.

радовался бы также и рождению дочери, но только потому, что она дает ему надежду на хороший доход от продажи, когда она будет невестой; но, "если вы не можете найти для своей дочери равного по происхождению жениха, - говорит Cais ibn Lohair, - то могила для нея лучшее замужество". У кафровъ расположение, нѣжность, супружеская любовь чрезвычайно рѣдкія явленія; "жены короля должны двигаться въ домѣ своего супруга не иначе, какъ на колѣнахъ". Существуютъ и такие народы, у которыхъ даже сынъ считаетъ своей обязанностью относиться съ презрѣніемъ къ своей матери. "Внѣшняя холодность и презрѣніе, съ которымъ сынъ встрѣчаетъ свою мать вызываетъ омерзеніе и отвращеніе", говоритъ Vambery въ своемъ описаніи средне-азіатскихъ тюркскихъ народовъ. Какимъ бы страннымъ такое положеніе ни показалось, оно вполнѣ объясняется, какъ указано, особенностямиnomadskago хозяйствства"). Нельзя достаточно рѣзко не подчеркнуть, что здѣсь трудъ огромный факторъ культуры, полу- чающій впослѣствіи такое значеніе, находится въ рукахъ жен- щинъ, соціальное положеніе которой не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ упражняемыми ею хозяйственными функциями. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ рѣзкаго расхожденія соціальной и экономической функцій. Общество имѣетъ такую схему: господа = = мужчины || подчиненные (рабы) = женщины. Чертата соціального раздѣленія соотвѣтствуетъ чертѣ раздѣленія между полами. Огромный переворотъ происходитъ тогда, когда эта черта соціаль- наго раздѣленія получаетъ самостоятельное значеніе и движение, когда она эманципируется отъ линіи полового раздѣленія, стано- вясь подъ прямымъ угломъ къ чертѣ раздѣленія половъ. Этотъ переворотъ стоитъ въ исторической связи съ развитиемъ соѣд- лаго земледѣлія на основѣ рабства. Когда рядомъ съ работой - женщиной появляется, какъ нѣчто постоянное и характерное, рабъ - мужчина, происходитъ огромный сдвигъ въ экономической эволю- ціи. Но возникаетъ вопросъ: можно ли объединять однимъ поня- тіемъ и подчиненное положеніе женщины и рабство въ обычномъ смыслѣ? Есть ли подчиненіе женщины рабство? Этотъ вопросъ за-нималъ и занимаетъ науку и соприкасается съ проблемой соб- ственности и даже проблемой денегъ. Такимъ образомъ проблема

*) Russie. - Тамъ же. Стр. 152 - 155. Ср. и далѣе.

первоначального раздѣленія труда между ислами приводить насъ къ проблемѣ рабства. Это и неудивительно. Авторъ одного изъ самыхъ обстоятельныхъ изслѣдованій о рабствѣ, голландецъ Нибуръ, указываетъ, что главной функціей рабства является ни что иное какъ раздѣленіе труда - раздѣленіе труда, понимаемое не только въ качественномъ смыслѣ когда одинъ человѣкъ дѣлаетъ одинъ родъ работы, а другой - другой, но и въ количественномъ, когда потребности одного человѣка удовлетворяются не только собственнымъ трудомъ, но и трудомъ другого лица. "Общество безъ всякаго раздѣленія труда было бы такое общество, въ которомъ каждый работалъ бы ради собственныхъ нуждъ и никто не работалъ бы для другого; во всякомъ другомъ обществѣ уже существуетъ раздѣленіе труда въ настоящемъ широкомъ смыслѣ этого слова. Такое раздѣленіе труда можетъ быть осуществляемо двумя способами. "Есть два пути - говоритъ Пухта, - посредствомъ которыхъ мы можемъ воспользоваться нужной намъ силой другихъ людей. Одинъ путь - путь свободнаго соглашенія, не нарушающій свободы лица, служащаго намъ, такъ какъ заключается контрактъ, посредствомъ котораго мы вымѣниваемъ силу или знаніе кого-либо или ихъ продукты въ обменъ на какую-нибудь уступку съ нашей стороны: жалованіе, покупка товаровъ. Другой путь состоить въ подчиненіи такого лица, дающемъ намъ право располагать его силой въ нашу пользу, но въ то же время уничтожающемъ личность подчиненнаго. Это подчиненіе можно представить ограниченнымъ только определенными задачами, напримѣръ, обработкой земли, какъ у земледѣльческихъ работъ; результатомъ этого будетъ то, что подчиненіе, въ силу самой своей опредѣленности и ограниченности, не вполнѣ уничтожаетъ свободу подчиненнаго. Но подчиненіе можетъ быть также и неограниченнымъ, когда подчиненный во всей своей внешней жизни трактуется, какъ простое орудіе цѣлей господина; личность подчиненнаго въ этомъ случаѣ всецѣло поглащается. Такимъ учрежденіемъ и является рабство"). Ссылаясь на это разсужденіе Пухты, Нибуръ характеризуетъ рабство такъ. Функціей рабства является система принудительного труда, а само рабство представляетъ полное

*) G.Puchta.- Cursus der Institutionen. Neunte Auflage.
1881. II Band. S 82.- 83.

(юридическое П.С.) поглощениe всей личности вынужденного работника. Такъ какъ это поглощениe вполнѣ выражается словомъ "собственность", или "владѣніе", то мы можемъ опредѣлить раба, какъ *человѣка, составляющаго собственность или владѣніе другого и обязаннаго работать для послѣдняго**).

РАБСТВО.

Что же получается, если рассматривать съ этой точки зре-
нія подчиненность ("приниженное положеніе") женщинъ у перво-
бытныхъ народовъ? Остановимся нѣсколько подробный на положе-
ніи женщины, жены. Прежде всего мужъ приобрѣаетъ жену, не
спрашивая ея согласія. Очень распространенъ обычай приобрѣ-
тать женъ, просматривая ихъ въ дѣтствѣ, задолго до наступленія
зрѣлости; въ большинствѣ случаевъ дѣвочки сейчасъ же послѣ
рожденія обручаются мужчинамъ всякаго возраста. До брака они
составляютъ собственность отца или брата; сдѣлавшись взрослы-
ми, они должны следовать за назначенными имъ мужьями, все рав-
но хотятъ ли они этого, или нѣтъ. Въ Западной Австраліи, у ту-
земцевъ пролива Короля Георга дѣвушку часто обручаютъ мужчинѣ
за нѣсколько лѣтъ до рожденія. Во-вторыхъ, жена вполнѣ нахо-
дится во власти мужа и терпитъ соотвѣтственное обращеніе. Мужъ
обращается съ женой, какъ съ вещью; третираетъ ее, какъ жи-
вотное: въ Центральной Австраліи мужчины юдятъ отдельно и бро-
саютъ женщинамъ, чего не могутъ сами сѣсть; въ Новомъ Южномъ
Уэльсѣ, когда мужъ идетъ, жена слѣдуетъ за нимъ на почтитель-
номъ разстояніи, когда они садятся за обѣдъ, она держится по-
зади терпѣливо ждеть, пока мужъ не бросить ей безъ церемо-
ніи ея долю. Мужъ иногда можетъ бить и даже убить жену: неу-
дачная охота, малѣйшая оплошность, ничтожная сшибка, все слу-

*) Г. И. Нидуръ. - Рабство, какъ система хозяйства. №. 1907.

Стр. 16 - 17.

житъ достаточнымъ поводомъ жестокаго избієнія, которому подвергается женщина даже наканунѣ ея разрѣшенія отъ бремени. Въ округѣ рѣки Мура большинство женщинъ умираетъ насильственной смертью, еще не достигнувъ престарѣлого возраста. Мужья оби-ниваются женами или ссужаютъ ихъ; женщина за нѣсколько лѣтъ перебываетъ у цѣлаго ряда мужей. Доблестнаго, вождя, гостя, друга снабжаютъ женами въ знакъ уваженія и дружбы. Отправляясь вдалы, австраліецъ отдаетъ кому-нибудь свою жену на время; то же дѣлаетъ онъ съ женой, которая ему надѣла, получая въ обмѣнъ другую жену. Кстати сказать, въ этомъ фактѣ одинъ изъ древнѣйшихъ корней и видовъ проституціи, проституції принудительной. Этотъ видъ проституціи отнюдь не можетъ быть поставленъ на счетъ цивилизаціи, а наоборотъ есть явленіе характерное для якобы "невинныхъ" первобытныхъ нравовъ. Впрочемъ, вообще, мнѣніе, что проститупія по существу есть порожденіе новѣйшей цивилизаціи, продуктъ капитализма, это мнѣніе есть просто плодъ невѣжества. Въ-третьихъ, мужъ заставляетъ жену работать на него. Выйдя замужъ въ раннемъ возрастѣ, она не только должна рожать и кормить дѣтей, но и дѣлать всю тяжелую работу въ семье, да и не только въ семье: собираетъ пищу, скро-ваетъ хижину, заготовляетъ топливо и воду, переносить тяжести, дѣлаетъ почти всю работу. Это является одной изъ экономическихъ причинъ многоженства: тамъ гдѣ чужой трудъ можно эксплуатировать только въ формѣ труда женщинъ, многоженство есть не только роскошь, но и известный методъ обогащенія. Такъ, у нѣ-которыхъ дикихъ племенъ полигамія особенно распространена среди стариковъ, которые дорожатъ ею потому, что жены охотятся для нихъ и переносятъ вещи при перемѣнѣ стоянки.

Охарактеризованному рабскому положенію женщины можно прѣти-вопоставить, однако, рядъ вскихъ фактическихъ указаній, смягчающихъ до нельзя мрачную картину. Нибуръ это и дѣлаетъ въ своемъ изслѣдованіи, подробно перечисляя ихъ и детально останавливаясь на каждомъ. 1) До известной степени желанія девушки принимаются во вниманіе, поскольку рѣчь идетъ о выбо-рѣ ей мужа. Девушка нерѣдко убѣгаetъ съ любимымъ человѣкомъ, иногда даже убѣгаetъ отъ нелюбимаго мужа. Конечно, это вызы-ваетъ естественную реакцію у окружающихъ, которая принимаетъ часто даже формы побоевъ нарушителей законовъ и обычаевъ, ког-

да они возвращаются черезъ мѣсяцъ — другой-въ родную деревню. Тѣмъ не менѣе, подобный способъ выраженія своихъ желаній въ бракѣ завоевываетъ извѣстное мѣсто и укрѣпляется даже настолько, что реакція гнѣва — брань и побои общества — теряетъ свой характеръ естественности, превращается просто въ форму: законы и обычай обязываютъ. 2) Иногда этнографы говорятъ о большей привязанности между мужемъ и женой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Западной Викторіи, на рѣкѣ Гербертѣ, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ привязанность эта настолько велика, что этнографы говорятъ о подлинной любви и даже семейномъ счастьѣ, скрытыхъ подъ внешне-грубымъ обращеніемъ, несмотря на суровость жизни и жестокій почти непосильный трудъ этихъ племенъ.

3) Мужъ не всегда пользуется безусловной свободой дѣйствій по отношенію къ женѣ. Это проявляется особенно въ отношеніи наказаній жены, которая обставлена нѣкоторыми условіями и совершается при посредствѣ старѣйшинъ племени. За прелюбодѣяніе мужъ можетъ развестись съ женой и даже предать ее смерти, но обвиненіе ея совершается публично, въ присутствіи вождей племени мужа и племени жены. Въ послѣднемъ можно видѣть пережитки тѣхъ временъ, когда существовало покровительство замужней женщинѣ со стороны ея родственниковъ. 4) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ жена даже налагаетъ ограниченія на мужа, особенно въ словомъ отношеніи. 5) Обменъ женами, какъ и отдача ихъ во временное пользованіе, не всегда происходитъ противъ воли самихъ женъ. Такимъ образомъ можно сказать, что первобытная проституція замужнихъ женщинъ не всегда есть проституція принудительная. Иногда здѣсь наблюдаются даже проявленія высокаго этическаго момента: когда мужъ, зная о любви жены къ другому, дружелюбно передаетъ ее возлюбленному. Обычно же, особенно въ случаяхъ передачи жены бѣлому, мужъ вступаетъ въ сдѣлку, при желаніи жены: въ Центральной Австраліи бракъ не налагаетъ обязанностей цѣломудрія. 6) Левиратъ, то-есть вступленіе въ бракъ съ вдовой брата ея покойнаго мужа, составляетъ не право, а скорѣе обязанность его. Это "убѣжище" для вдовы: обязанность деверя взять подъ свое покровительство вдову и воспитать дѣтей брата. Наконецъ, 7) мужъ долженъ охотиться для содержанія жены и дѣтей и сражаться для ихъ защиты.

Нѣкоторые изслѣдователи въ характеристику жестокой экспло-

атаций женщины мужчиной на этой ступени вносятъ дальнѣйшія исправки, смыслъ которыхъ сводится къ тому, что очерченное нами раздѣленіе труда между полами имѣть свои объективная основанія въ условіяхъ существованія первобытнаго и вообще отсталаго человѣка. Горь дѣлаетъ такое замѣчаніе: "Много говорилось о несправедливомъ раздѣленіи труда при такихъ условіяхъ, но если принять во вниманіе, что дикарь почти ничего не находить готовымъ, а долженъ самъ рубить деревья и срѣзать траву для постройки дома, изготавливать копья и кухонную посуду, несеть свою долю племенныхъ обязанностей и часто вынужденъ отправляться, въ поискахъ за пищей, въ долгія и трудныя охотничыя экспедиціи, — тогда будетъ видно, что и онъ часто выполняетъ солидную долю работы" *). Изслѣдователь индѣйцевъ Панамы, Пинартъ говоритъ: "И действительно, поверхностному наблюдателю можетъ показаться страннымъ видѣть женщину обремененной тяжелой ношней, тогда какъ мужчина идетъ впереди нея и не несетъ ничего, кроме оружія. Но стоитъ наблюдателю немного подумать, и онъ пойметъ, что если мужчина несетъ только оружіе, такъ вѣдь на немъ лежитъ отвѣтственность за безопасность жены и дѣтей. Жизнь индѣйца окружена опасностями; при переходѣ черезъ степь или лѣсъ каждую минуту можетъ появиться враждебный индѣецъ, на путешественниковъ могутъ наброситься тигръ или змѣя, и т.д. Слѣдовательно, мужчина долженъ быть наготовѣ, а руки и движенія у него должны быть свободны, чтобы онъ немедленно былъ въ состояніи взяться за оружіе и защищать тѣхъ, кто ему дороги. Сколько разъ я видѣлъ, какъ при переправѣ черезъ рѣку индѣецъ останавливаетъ свою семью, входитъ въ воду и смотрѣть, не слишкомъ ли глубока рѣка, не слишкомъ ли быстро теченіе; потомъ изолѣдуетъ противоположный берегъ, чтобы посмотретьъ, все ли тамъ въ порядкѣ, снова переправляется черезъ рѣку, помогаетъ женѣ и дѣтямъ перейти черезъ нее, часто даже несетъ тяжести, а иногда по несколько разъ пересѣкаетъ рѣку вдоль и поперекъ, чтобы перенести на спинѣ жену и дѣтей" **). Обозрѣвъ эти факты, Нибуръ приходитъ въ концѣ кон-

*) Hoge.— On the twelve tribes of Tanneneyika 1883, p.11.

**) Pinart.— Les indiens de l'etat de Panama. Pr. 44-45.

довъ, къ выводу, что остается только признать, что на самой первобытной ступени жена является собственностью мужа. Но знать ли это, что она является его рабыней? Нѣтъ, говорить онъ: "Рабство есть органъ соціального тѣла, выполняющій особымъ образомъ функцию раздѣленія труда. Какъ предметъ собственности австралійскія жены до известной степени носятъ характеръ такого органа, но все же они отличны отъ него, такъ какъ они не только обязательны работницы, но и жены. Отсюда слѣдуетъ, что ихъ отношения къ мужчинамъ вполнѣ связаны съ половой и семейной жизнью, и они прежде всего женщины, а потомъ уже работницы"). Это утвержденіе вѣрно лишь въ томъ отношеніи, что свой специфический характеръ правовой институтъ рабства получаетъ отъ того хозяйственного содержанія, которое съ нимъ сопрягается на известной ступени развитія. Съ этой точки зренія, однако, не всѣ виды рабства могутъ быть поставлены въ одинъ рядъ. Рабство только на известной ступени экономического развитія становится тѣмъ рѣзко очерченнымъ институтомъ, "выполняющимъ особенную функцию раздѣленія труда", о которомъ идетъ рѣчь у Нибура. Съ этой точки зренія не только подчиненное положеніе женщины и дѣтей можетъ быть противопоставлено подчиненному или рабскому положенію лицъ чуждыхъ семьѣ, но и въ самомъ рабстве слѣдуетъ различать различные виды. И тогда рабство семейное или домашнее можно, въ известномъ смыслѣ, поставить въ одинъ рядъ съ рабствомъ подчиненности жены и дѣтей главѣ семейства.

У рабства, вообще, есть нѣсколько аспектовъ: 1) Рабство означаетъ вещное обладаніе человѣкомъ - "*Servi sunt res*". 2) Рабство выражается и въ томъ, что рабъ рассматривается, какъ существо, принадлежащее къ низшей породѣ людей; рабство, какъ аспектъ господства, утверждаемаго на почвѣ антропологической идеи, на противоположеніи людей высшей и низшей породы. 3) Рабство есть эксплуатация чужого труда въ формахъ, исключавшихъ самоопределение и автономію эксплуатируемаго, какъ хозяйствующаго субъекта. Только послѣдній аспектъ существенъ

*) Нибуръ. - Тамъ же, стр. 32.

для экономической науки.

Общий экономический смысл рабства заключается в томъ, что оно есть одна изъ формъ принужденія къ труду. Принужденіе къ труду, въ общемъ, слѣдуетъ считать экономической необходимостью для человѣка. Разница между рабствомъ и свободнымъ трудомъ заключается лишь въ томъ, что, тогда какъ въ системѣ свободного труда, принужденіе осуществляется косвеннымъ путемъ, какъ соціальная необходимость, и выступаетъ въ формѣ принудительно-дѣйствующихъ мотивовъ собственной воли, при несвободномъ труде оно осуществляется непосредственно въ формѣ волѣнія одного лица другому, или - что то же - въ формѣ непосредственного господства одного лица надъ другимъ. Есть мнѣніе, что при соціологической организации общества будетъ необходимо принужденіе къ труду, осуществляющее даже болѣе непосредственно, чѣмъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ. Отсюда - столь часто дѣлаемое съ полемическими цѣлями - указаніе на сходство соціалистического строя съ основанномъ на рабстве ("Придущее рабство" героя Спенсера) режимомъ, указаннымъ, узьлительность которого мнѣ. Но эта различная условій осуществленія соціалистического строя, не имѣть никакой возможности оцѣнить. Какъ бы то ни было, специфическое отличие рабства или несвободного труда отъ другихъ видовъ труда заключается въ формѣ принужденія, которая при рабствѣ является непосредственной.

Непосредственное принужденіе одного лица другимъ къ труду чомегъ, въ свою очередь, облекаться въ различнія юридическихъ формъ (рабство въ тѣсномъ смыслѣ и крѣпостное состояніе въ его различныхъ выраженіяхъ), различія которыхъ между собой интересуютъ насъ здѣсь лишь постольку, поскольку они имѣтъ экономическое значеніе.

За формальнымъ характеромъ рабского или несвободного труда скрывается, однако, еще болѣе существенное экономическое содержаніе. Рабство, какъ экономической институтъ, всегда направлено на производство "прибавочного продукта", наличность котораго давала бы возможность одной части общества всецѣло или отчасти существовать на счетъ физического труда другой. Такимъ образомъ эксплуатация рабского или несвободного труда есть одна изъ формъ созданія и присвоенія прибавочного продук-

та. Эта чисто экономическая функция рабства висячется тогда, когда рабство домашнее отделяется от рабства производственного. Въ натуральномъ хозяйствѣ эти двѣ функции рабского труда являются большей частью еще нераздѣленными, хотя уже въ болѣе высокихъ формахъ натурально-хозяйственного режима ихъ дифференціація начинаетъ рѣзко обозначаться. Само производственное рабство можетъ быть раздѣлено на двѣ крупныя группы: рабство натурально-хозяйственное и рабство капиталистическое. Экономической основой несвободнаго труда является невозможность безъ прямого принужденія: 1) производства прибавочного продукта и 2) присвоенія его господствующимъ классомъ. Обыкновенно, поскольку рабство еще не отмираетъ, эти два отрицательнія условія совпадаютъ, другими словами: рабство, поскольку оно крѣпко держится, является не только наиболѣе выгодной для господствующихъ классовъ, но и наиболѣе экономически производительной организацией труда. Это связано съ экономическими качествами трудящагося человѣка въ известную эпоху исторического развитія. Въ непосредственномъ принужденіи къ труду нуждается тотъ, кто безъ такого принужденія будетъ производить ровно столько, сколько нужно для голаго существованія его собственной особы. Такимъ образомъ при очень низкомъ уровнѣ потребностей массы населенія, прямое принужденіе оказываетъ такое же дѣйствіе, какое некоторые старые англійские экономисты приписывали низкой заработной платѣ. Прямое принужденіе труда является, поэтому, на сцену тамъ, гдѣ безъ него не только не было бы произведено прибавочного продукта, но и производство послѣдняго не могло бы быть вынуждено никакимъ инымъ путемъ. Такія условія всего ярче обозначаются въ той отрасли производства, въ которой трудящійся создаетъ средства существованія и гдѣ поэтому больше всего держится натуральное хозяйство, то есть, въ земледѣліи и въ сельскомъ хозяйстве вообще. Отсюда та, красной нитью проходящая черезъ всю экономическую исторію, тѣсная связь, которая существуетъ между натуральнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ и несвободнымъ или рабскимъ трудомъ. Эта связь не исчезаетъ, но, наоборотъ, получаетъ еще большее значеніе, когда по своему назначенію прибавочный продуктъ перестаетъ быть натуральнымъ и вовлекается въ обмѣнъ. Если для капиталистического производства

считать существенными признаки производства прибавочного продукта при помощи эксплуатации чужого труда, реализуемого на рынке въ прибавочную ценность, то экономическая история, несомненно, знает не один пример капиталистического рабства, и именно въ земледѣліи. Здесь прикрепленный къ землѣ и къ хозяйству натурально-оплачиваемый работникъ долгое время представляетъ наиболѣе дешевую силу для крупного хозяйства. А послѣднее - не говоря уже о томъ, что оно иногда развивается на почвѣ крупного землевладѣнія - обладаетъ при известныхъ условіяхъ существенными экономическими преимуществами передъ мелкимъ; къ нимъ относится широкое проведение кооперации, дисциплинированіе труда надзоромъ, болѣе выгодное положеніе на рынкѣ сбыта. Въ общемъ, основанное на несвободномъ труде или рабствѣ капиталистическое хозяйство оціряется не на простое принужденіе, а на опредѣленные условія производства и сбыта. Такъ мы знаемъ примѣръ, когда капиталистическое хозяйство, основанное на несвободномъ труде, а именно капиталистическое производство зерна, основанное на рабскомъ труде и вытѣснившее мелкое крестьянское хозяйство въ Италіи, исчезаетъ, когда коньюнктура измѣняется; расширение, ростъ и могущество римского государства были, главнымъ образомъ, погорваны вѣшней конкуренцией Африки и Египта. Позже, наоборотъ, капиталистическое скотоводство и капиталоинтенсивная капиталистическая культура (масличное производство, винодѣліе) Рима пали жертвой натурально-хозяйственной реакціи, возстановившей мелкое крестьянское арендаторское хозяйство, но уже какъ хозяйство, тяготѣющее къ натуральному хозяйству помѣщичьяго двора и подготавливающее феодальный режимъ среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ между самостоятельнымъ крестьянствомъ первого периода римской истории и крѣпостнымъ строемъ времена упадка стоитъ основанный на рабскомъ труде аграрный капитализмъ.

Веря примѣръ изъ новѣйшей исторіи, а именно колоніальное рабство Нового Свѣта, слѣдуетъ сказать, что капиталистическое земледѣльческое хозяйство въ американскихъ колоніяхъ объективно требовало, въ эпоху своего возникновенія, примѣненія рабскаго труда. Климатическая условія Южныхъ штатовъ С. Америки не благопріятствовали сельскохозяйственному труду бѣлыхъ; техническія условія производства такихъ продуктовъ, какъ хлопокъ,

сахаръ, рисъ, индиго, требовали такихъ массъ рабочихъ, которыхъ не могъ ни въ коемъ случаѣ дать рычокъ вольнаго труда. Рабство негровъ явилось прямымъ порожденіемъ новѣйшаго капиталистического режима: негры ввозились (а потомъ возвращались), какъ рабочая сила для капиталистического хозяйства, они составляли важный предметъ капиталистической торговли Англіи и, наконецъ, самое развитіе въ Америкѣ капиталистически организованного земледѣлія было для англійской меркантилистической политики цѣлью, которая сознательно преслѣдовалась въ интересахъ развитія въ метрополіи капитализма.

Другіе примѣры несвободнаго труда, эксплуатируемаго въ интересахъ товарно-капиталистического производства, представляеть исторія крѣпостнаго хозяйства въ Германіи и въ Россіи. Въ Восточной Германіи феодаль, становящійся сельско-хозяйственнымъ предпринимателемъ, эксплуатируетъ несвободный крестьянскій трудъ въ интересахъ получения наибольшаго денежнаго дохода. На этой почвѣ происходитъ и процессъ обезземеленія крестьянъ.

Въ Россіи въ XIX вѣкѣ мы видимъ тотъ же процессъ, не достигающій еще конечнаго пункта — баршина въ земледѣльческой Россіи вытѣсняетъ оброкъ, потому что баршина представляетъ болѣе прибыльную систему извлечения дохода*).

Этотъ процессъ происходитъ подъ вліяніемъ расширенія внутренняго и вицѣнаго для сельскаго хозяйства рынка. До самаго освобожденія крестьянъ вольнонаемный трудъ не занималъ, за исключениемъ вновь заселяемыхъ мѣстностей, серьезнаго мѣста въ аграрной экономіи Россіи и не могъ серьезно конкурировать съ несвободными, хотя помѣщицкое хозяйство несомнѣнно руководилось стремленіемъ къ наивысшему доходу и въ этомъ смыслѣ было характерно товарно-капиталистическимъ хозяйствомъ. Съ другой стороны несвободный трудъ въ русской промышленности къ этому времени (въ промышленности, впрочемъ, несвободный трудъ, вообще, имѣлъ и имѣть менѣе примѣненія, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствахъ) уже совлекъ съ себя принудительная форма, и этотъ процессъ тоже совершился подъ вліяніемъ расширенія рынка. Но

*) См. исследование Л. В. Струве "Крѣпостное хозяйство".

следнее, таким образомъ, оказаю на организацію труда въ земледѣліи вліяніе, діаметрально-противоположное вліянію его на организацію труда въ промышленности. Вообще, въ промышленности несвободный трудъ пользовался относительно-широкимъ распространениемъ лишь въ классической древности, индустріальная форма и индустріальное развитие которой, отнюдь, не можетъ быть безъ оговорокъ сравниваемо съ новѣйшимъ. Извъ сказаннаго явствуетъ, что общепринятое положеніе о большей производительности свободнаго труда сравнительно съ рабскимъ и вообще несвободнымъ требуетъ значительныхъ историческихъ оговорокъ. Лишь при известномъ уровнѣ потребностей трудящихся массъ и при известной степени развитія денежнаго хозяйства, свободный трудъ обнаруживаетъ экономическое превосходство надъ рабскимъ или несвободнымъ. Грандіозныи эмпирическыи опроверженіемъ шаблоннаго мнѣнія объ экономическомъ превосходствѣ всякаго свободнаго труда надъ несвободнымъ явилась исторія свободнаго труда негровъ въ Вестъ-Индіи и Сѣверной Америкѣ послѣ ихъ эманципаціи, которая привела почти всюду къ хозяйственному кризису, выражавшемуся въ упадкѣ производства и экспорта. Далѣе, до сихъ поръ, далеко не всюду освобожденіе негровъ достигли такого культурного уровня, при которомъ свободный трудъ производительнѣй рабскаго... Отсюда ясно, что освобожденіе негровъ произошло во все не въ силу внутренняго экономическаго развитія колоніальныхъ странъ, а было имъ навязано извнѣ. Другой совершенно характеръ имѣла ликвидациѣ несвободнаго труда въ земледѣліи Западной Европы и въ русской промышленности, гдѣ онъ действитель но-экономически пережилъ себя и отмиралъ, постепенно превращаясь въ свободный. Несвободный трудъ въ русской земледѣліи былъ отмыченъ въ эпоху своего наивысшаго расцвѣта въ силу государственной необходимости, но одновременно съ этимъ въ экономической жизни Россіи намѣтились съ полной неизбѣжностью такія радикальныи измѣненія въ русской экономикѣ (подъемъ промышленности, проведеніе желѣзныхъ дорогъ), которая сдѣлала дальнѣйшее существованіе несвободнаго труда невозможнымъ. Такимъ образомъ, упраздненіе несвободнаго земледѣльческаго труда въ Россіи вовсе не было подготовлено внутреннимъ развитіемъ соціальныхъ отношеній въ самомъ земледѣліи. Оно было вынуждено всѣмъ ходомъ народной и государственной жизни въ ея цѣломъ.

Этот крайне рѣзкій переходъ русскаго земледѣлія отъ несвободнаго труда къ свободному объясняетъ, почему при новыхъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ парламентский аграрный строй Россіи всситъ на себѣ столь явственное сидѣи крестьянскихъ отношеній (ведение помѣщичьаго хозяйства при помощи крестьянскаго инвентаря, аренда за отработки и пр.).

Положеніе несвободнаго рабочаго въ сѣльскомъ секторѣ существенно ухудшается по мѣрѣ того, какъ хозяйство, опиравшееся на его трудъ, начинаетъ производить на рынокъ. До тѣхъ поръ, пока прибавочный продуктъ служитъ для непосредственнаго потребления, увеличеніе его имѣеть смыслъ лишь до извѣстныхъ предѣловъ. При производствѣ на рынокъ является тенденція къ безмѣрному производству прибавочнаго продукта и къ чрезвычайно экстенсивному и интенсивному напряженію рабочей силы. Поэтому степень эксплуатации рабочаго труда при товарномъ хозяйства гораздо выше, чѣмъ при натуральномъ. Даже изъ этого небольшого исторического обзора Вы можете убѣдиться, какъ сложна эволюція экономического явленія рабства, какъ оно исходитъ изъ полового рабства и кульминируетъ въ колоніальномъ работѣ, ликвидированномъ лишь второй половиной XIX вѣка.

Я подчеркнулъ специфическую историческую связь земледѣлія съ рабствомъ. Эта связь обнаруживается не только при взгляде историческомъ впередъ, не только въ формахъ относительно довольно высокой культуры (въ Россіи и особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ демократический строй на основѣ народнаго суверенитета уживался съ рабствомъ), эта связь обнаруживается и при ретроспективномъ взгляде вглубь исторического прошлаго. Конечно, въ настоящее время нельзя уже поддерживать схему: охотничій, пастушескій, земледѣльческій бытъ, какъ схему послѣдовательной смысли способовъ существованія человѣчества. Но тѣмъ не менѣе, развитое земледѣліе есть, понятно, нечто позднѣйшее сравнительно съ охотничимъ бытомъ. Между тѣмъ охотничіи племена почти совсѣмъ не знаютъ рабства. Нибуръ превосходно выясняетъ причины этого. Если бы у охотничихъ племенъ были рабы, имъ пришлось бы выполнять либо ту же работу, какую выполняютъ свободные мужчины, либо ту работу, какую выполняютъ свободныя женщины. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ двоякой проблемѣ: 1) почему у охотничихъ племенъ неѣть рабовъ,

выполняющихъ мужскую работу? и 2) почему у нихъ быть рабовъ, выполняющихъ женскую работу? Мужская работа состоить въ охотѣ, если отвлечься отъ войны, которая въ сущности есть своеобразный вариантъ охоты: охота на людей. Но охота никогда не представляется черной работой, а наоборотъ, всегда есть благородное и приятное занятие. Какъ бы ци относиться къ охотѣ (по соображеніямъ нравственнымъ), она представляеть такое занятіе, которое захватываетъ всю душу человѣка, заполняетъ всю психику, не оставляетъ места для посторонней мысли. Эта возвышенность, полнота душевныхъ переживаний обнаруживается въ органическомъ родствѣ охоты съ поэзіей и эстетикой (вспомнимъ Тургенева, Некрасова). Охота ставить человѣку опредѣленную цѣль, которой можно достигнуть только напрягая всю силу и ловкость; въ то же время она включаетъ моментъ риска: результаты ея неизвѣстны, подобно исходу битвы, и она сулить славу победы надъ живымъ существомъ; однимъ словомъ, она захватываетъ и въ извѣстномъ смыслѣ подымаетъ всю личность человѣка. Рабство, подчиненіе, доходящее до формы вещнаго обладанія, совершенно противорѣчитъ тому душевному строю, который психологически необходимъ для охоты: крайнее напряженіе всѣхъ силъ и ловкости совершенно несовмѣстимо съ системой принужденія и надзора. Но если рабовъ нельзя упражнять въ охотѣ *), почему ихъ не употреблять, опредѣлять на женскія работы? При томъ состояніи, когда земледѣліе является специфическимъ занятіемъ женщины, кочевая жизнь и условія работы очень сильно облегчили бы возможность побѣга раба, кроме того, мужчина въ эту эпоху вовсе и не заботится объ облегченіи труда женщины. Кроме того, какъ помощникъ женщины, рабъ въ условіяхъ такого быта возбуждалъ бы основательную ревность господина. Надо также принять во вниманіе, что эти маленькия племена очень сильно дорожатъ силами каждого мужчины на охотѣ и еще больше на войнѣ, а потому психологически скорѣе вѣроятна возможность, что ловкаго пѣннаго мальчика (или даже взрослаго) стали бы воспитывать къ

*) Впрочемъ, въ современныхъ условіяхъ, гдѣ возможенъ широко-продуманный планъ охоты, гдѣ можно выполнить подсобные техническія, служебныя функции, ихъ можно было бы, конечно, поручить и рабамъ.

роли охотника или воина, чѣмъ отдали бы, какъ служебную рабочую силу женщинамъ. Поэтому мужчинъ (свободныхъ и рабовъ), выполняющихъ женскія работы, мы встрѣчаемъ только у племенъ, живущихъ въ мирной обстановкѣ. Такъ Кранцъ разсказываетъ про молодого гренландца, который былъ неспособенъ къ мореходству; его употребляли другие гренландцы на всякия женскія работы, до которыхъ онъ былъ мастеръ, въ качествѣ служанки *). Ганнеръ говоритъ про одного однибвея, который вель себя совершенно, какъ женщина, и отличался на женскихъ работахъ, которыми занимался всю жизнь. У эскимосовъ только неспособные къ охотѣ мужчины дѣлаютъ одинаковую работу съ женщинами; мужчину,годного къ охотѣ, никогда не заставляютъ дѣлать женскую работу. Эти примѣры показываютъ, какъ глубоко совпадаетъ раздѣленіе труда съ половыми дѣленіемъ **). Это интересно подчеркивается въ любопытныхъ отношеніяхъ, существующихъ у африканскихъ племенъ банака. Эти племена занимаются охотой и земледѣліемъ; послѣднимъ занимаются женщины. Они не превращаютъ себѣ военно-плѣнныхъ въ качествѣ рабовъ, а возвращаютъ послѣднихъ ихъ племенамъ; женщины же, взятыхъ въ плѣнъ, выдаютъ замужъ за мужчинъ того племени, которое ихъ захватило на войнѣ. Но это не значитъ, что у нихъ совсѣмъ нѣтъ рабовъ; рабовъ — ихъ немного. — они покупаютъ. Любопытно, что соответственно всему этому рабство это носитъ семейный характеръ: господа обращаются съ рабами, какъ съ дѣтьми. Таково, впрочемъ, вообще рабство у самыхъ первобытныхъ народовъ. Итакъ, анализъ условій рабства у, такъ называемыхъ, первобытныхъ народовъ приводитъ къ выводу, что рабство стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ переходомъ къ осѣдлому земледѣлію. Съ другой стороны можно сказать, что переходъ къ осѣдлому земледѣлію, при некоторыхъ условіяхъ, необходимо связанъ съ обращеніемъ къ системѣ рабскаго труда. Это значитъ, что рабство въ земледѣльческомъ труде связано съ опредѣленной исторической стадіей: рабство — необходимая форма эксплуатаціи труда въ земледѣліи, при наличности свободнаго земельнаго

*) D.Crantz.— Historie van Groenland. 1767. I., p. 185.

Цит. по Нибуру.

**) Ср. сказанное съ указанной работой Нибура, стр. 176—204.

фонда, при наличии запаса свободныхъ, не амортизированыхъ земель. Такова остроумная теорія рабства, которую выдвинула итальянскій экономистъ Лоріа вслѣдъ за англійскимъ экономистомъ Уэнс菲尔домъ. Смысль этой теоріи въ томъ, что безъ прямого принужденія къ труду никто не станетъ трудиться добровольно на чужой землѣ, изъ-подъ чужой указки, при наличии свободныхъ земель. Теорія эта заслуживаетъ вниманія: въ качествѣ общаго указанія она попадаетъ прямо въ точку, болѣе того, въ нѣкоторыхъ частяхъ прямо неопровергима; но она слишкомъ обща, слишкомъ схематизируетъ историческую эволюцію. Закабаленіе свободнаго населенія происходитъ не только въ силу экономической необходимости въ рабскомъ труде для господствующихъ классовъ при наличии свободныхъ земель, но и въ силу того, что въ рукахъ этихъ классовъ находится капиталъ, безъ котораго беспомощенъ непосредственный производитель, и та политическая и, въ концѣ концовъ, физическая сила, которая можетъ обеспечить "слабому" личную безопасность и неприкосновенность и тѣмъ самимъ возможность трудиться. Допустимъ, что свободной земли много и ее можетъ обрабатывать каждый желающій, но для земледѣльческаго хозяйства недостаточно однѣхъ лишь рабочихъ рукъ и желанія трудиться, необходимъ капиталъ; приходится обращаться къ ссудамъ, какъ производительнымъ: на земледѣльческія орудія, на скотъ, на обсѣщеніе и т. д., такъ и потребительнымъ: необходимъ хоть нѣкоторый потребительный фондъ, на который можно бы существовать, пока получаются первые результаты производства. На этой почвѣ развивается крѣпостное право и феодальная отношенія. Развитіе крѣпостного права не можетъ быть объяснено одной только наличностью свободныхъ земель. Подъ эту схему оно не подходитъ ни въ отношеніяхъ античнаго міра — колоніатъ въ Римѣ, — ни въ отношеніяхъ историческихъ болѣе близкихъ — въ Германіи. Развитіе крѣпостного права въ Германіи, вообще не движется по прямой линіи. XII и XIII в.в., когда въ Германіи именно было еще много свободныхъ земель, были эпохой расцвѣта крестьянской свободы и благосостоянія. Тутъ рядомъ съ наличностью свободныхъ земель, на которыхъ уходили свободные колонисты, действовала и наличность городовъ, "воздухъ" которыхъ "освобождается", по известной макомъ средневѣкового городского права. Въ XV в. наступаетъ пере-

ломъ: не только ухудшается экономическое положение крестьянъ, но крестьяне закрѣщаются отчасти на почвѣ долговой зависимости, отчасти прямыми мѣрами государственного воздействія. И это происходит тогда, когда — вопреки теоріи Лоріа — свободные земли исчерпаны, когда образовался новый сельскій пролетариатъ, который часто избавлялъ себя отъ заботы о дневномъ пропитаніи, самъ ставя себя въ крѣпостную зависимость, предпочитая несвободное, но, хоть до некоторой степени, обеспеченное существованіе, свободѣ голодной смерти. Такимъ образомъ, теорія Лоріа есть мѣткое наблюденіе и цѣнное обобщеніе, улавливающее важный факторъ, обуславливавшій собой явленіе рабства, но это не единственный факторъ. Такъ, и образование крѣпостного права въ Россіи не есть просто насильственное прикрѣпленіе земледѣльческаго населения, уходившаго на свободную землю. Земледѣліе въ Киевской и Московской Руси требовало обзаведенія, требовало капиталовъ, и это обрекало земледѣльца на ту зависимость — фактическую и юридическую — отъ экономически сильнаго, сильнаго капитала, человѣка, которая выражалась въ томъ, что заемщикъ, получавшій ссуду, попадалъ въ экономическую зависимость отъ заимодавца, при возможности реальной и юридической ухода. Крѣпостное право въ Россіи — какъ это съ полной ясностью и убѣдительностью установлено трудами русскихъ историковъ и прежде всего Ключевского, — вырасло на почвѣ долговой зависимости. Отсюда видно, какую огромную роль играетъ въ этихъ отношеніяхъ капиталъ. Любопытно, что въ наше время привычка ворочать (хотя бы въ уме) огромными суммами дѣлаетъ цифры, въ какихъ выражался капиталъ того времени, ничтожными въ нашихъ глазахъ. Тѣмъ не менѣе, какую роль онъ сыгралъ въ вопросѣ закрѣщенія сельскаго населения!

Такимъ образомъ, проблема рабства, къ которой намъ еще придется вернуться въ интересномъ современномъ варіантѣ колоніального рабства, выступаетъ съ двухъ сторонъ: какъ раздѣленіе труда внутри хозяйства — отъ рабства женщинъ къ рабству людей (безотносительно къ полу), специально приобрѣтаемыхъ ради эксплуатации ихъ труда, — и какъ раздѣленіе труда внутри общества, связанное съ распределеніемъ соціального могущества.

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВЪ.

Отъ рабства я перейду къ проблемѣ классового расчлененія общества, проблемѣ, представляющей большія трудности и огромный интересъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить своеобразную роль и судьбу понятія "классъ". Будучи по своему происхожденію и назначенію понятіемъ объективно-классификаціоннымъ оно превратилось въ понятіе психологически-агитационное. Между обѣими сторонами устанавливается любопытная связь: то, что въ классѣ можно назвать психологически-агитационнымъ моментомъ, не есть просто нѣчто "словесное", этотъ моментъ самъ становится факторомъ въ процессѣ образованія понятія класса. Это соотношеніе объективно-классификаціонного и психологически-агитационнаго значенія понятія класса весьма усложняетъ самую проблему.

"Классовое сознаніе" не опредѣляется просто объективнымъ, отъ него независимымъ существованіемъ тѣхъ или иныхъ классовъ, оно само создаетъ въ извѣстномъ смыслѣ эти классы, какъ соціальный явленія и соціально-психическая сила въ эволюціи общества. Классъ есть въ значительной мѣрѣ то, что себя ощущаетъ и сознаетъ классомъ. Къ этому классическому понятію марксизма примѣнна обратная или "обращенная" формула исторической философіи Маркса: тутъ не бытіе класса опредѣляетъ его сознаніе, а сознаніе класса опредѣляетъ его бытіе.

Существуютъ двѣ распространенные точки зренія на процессѣ образованія классовъ: 1) соціальное раздѣленіе на классы есть исходная точка для процесса раздѣленія труда, и наоборотъ, 2) процессъ внутри-общественного раздѣленія труда, профессіональное раздѣленіе труда составляютъ исходную точку образованія класса.

Въ сущности говоря, это есть разногласіе между теми, кто указываетъ, что внутри-общественное раздѣленіе труда на профессіональной основе имѣеть тенденцію создавать индивидуальныя и на ихъ почвѣ и классовыя различія. Эта точка зренія

оперирует понятием наследственности: она указывает на то, что если человекъ упражняет определенную деятельность вследствие индивидуальной одаренности или наследственной передачи, то возникает раздѣленіе труда, которое имѣть тенденцію укрепляться и увѣковѣчиваться въ силу передачи известной ловкости, навыковъ и т. д., словомъ всего того, что объединяется въ понятіи наследственной приспособленности.

Другая точка зренія ставить удареніе на распределеніи общества на группы сообразно социальному могуществу, связываемому съ обладаніемъ имущества. Можно свести эти точки зренія къ такимъ двумъ формуламъ: происходятъ ли социальные классы отъ различій въ занятіяхъ, въ результатахъ профессіональныхъ различій, или они имѣютъ въ основѣ различія богатства или имущества. Эти двѣ точки зренія представлены въ новѣйшемъ течении экономической мысли двумя выдающимися учеными немецкой науки, Вюхеромъ и Шмидлеромъ.

Прежде чѣмъ обратиться непосредственно къ темѣ этого разнопласія, я хотѣлъ бы еще вернуться къ вопросу раздѣленія труда между полами, которое есть одновременно и раздѣленіе труда внутри хозяйства и внутри общества. Здѣсь, въ этомъ явлениіи раздѣленія труда, обнаруживается чрезвычайно ясно связь между тѣмъ, что мы называемъ явленіями экономическими и явленіями порядка религіознаго. Раздѣленіе труда между полами имѣть въ своей основѣ мотивы, не могущіе быть удовлетворительно объяснены рационально-экономически. Оно требуетъ привлеченія религіознаго, — ирраціональнаго, съ экономической точки зренія, фактора. Въ его основѣ лежитъ разъединеніе между элементами хозяйства, какъ семьи, которое не оправдывается экономіей и восходить къ самимъ истокамъ культуры, къ зачаткамъ религіи и культа. Оно стоитъ въ связи съ міровоззрѣніемъ первобытнаго человѣка, которое не исчерпывается мотивами цѣлесообразности. Оно возникаетъ изъ взаимоотношеній между человѣкомъ и тѣми таинственными силами, которыхъ онъ полагаетъ находящимися за видимыми силами и явленіями природы. Первобытный человѣкъ мыслить себѣ природу, какъ бы населенной этими силами, представлять себѣ міръ, какъ бы насквозь пропитаннымъ этими духами, и преодолѣніе, приспособленіе этихъ силъ къ себѣ и себя къ этимъ силамъ — важнейшая задача первобытнаго человѣка, на ко-

торую направляется его интеллектъ. Эти силы не однородны и не-одинаково пріурочены ко всѣмъ лицамъ, предметамъ, явленіямъ. Извѣстныя силы мыслятся пріуроченными къ одному полу, другія — къ другому. Такимъ образомъ, въ основѣ полового раздѣленія труда лежитъ факторъ религіозный: различное положеніе мужчины и женщины по отношенію къ действующимъ въ мірѣ сверхприрод-нимъ силамъ.

Если мы обратимся къ другой области раздѣленія труда, мы увидимъ, что раздѣленіе труда внутри общества, общественное раздѣленіе труда, также въ значительной мѣрѣ имѣть основу свою въ религіозномъ началѣ. Первоначальное раздѣленіе труда, первоначальная профессіональная дифференціація, образуется на основѣ міровоззрѣнія, по которому отношенія людей къ предметамъ мыслятся, какъ отношенія людей къ силамъ, стоящимъ за этими предметами. Это рѣзче всего сказывается въ томъ, что раздѣленіе труда начинается съ выдѣленія занятій, имѣющихъ религіозно-обрядовый характеръ. Едва ли не первымъ выдѣляется занятіе жреца, колдуна, вѣрбѣ амальгама профессій священника и колдуна, знахаря. Можно сказать, что эти занятія не имѣютъ непосредственно-экономического значенія, и это вѣрно не только примѣнительно къ современности, но и въ отношеніи къ первобытному обществу. Но не слѣдуетъ забывать, что на первоначальныхъ стадіяхъ развитія вся жизнь, а тѣмъ самымъ вся хозяйственная жизнь, погружена въ религію, и религіозные функ-ціи получаютъ экономическое значеніе въ силу того, что вся жизнь подчиняется не рациональнымъ мотивамъ, а тѣмъ ирраціональнымъ мотивамъ, которые мы въ современной характеристицѣ называемъ суевѣремъ. Это первоначальное происхожденіе профессій изъ религіозныхъ мотивовъ можетъ быть прослѣжено на рядѣ явленій изъ жизни первобытнаго человѣка и иллюстрировано на загадочномъ кругѣ явленій, которая издавна привлекали вниманіе изслѣдователей и которая объединяются подъ терминомъ тотемизма. Когда говорятъ о классахъ, ихъ часто смѣшиваютъ съ сословіями, а эти послѣднія — съ каостами. Но эти понятія и соответствующія имъ явленія относятся къ совершенно различ-нымъ общественнымъ формациямъ. Касты представляютъ основной интересъ и имѣютъ особое значеніе для соціальной науки потому, что въ нихъ предъ нами, какъ бы въ окаменѣломъ видѣ, явленія

тѣхъ временъ, когда раздѣленіе труда опредѣлялось не экономи-
ческими или политическими мотивами и силами, а прежде всего
религіознымъ міровоззрѣніемъ.

Какъ известно кастовый строй въ чистомъ его видѣ есть спе-
цифическая особенность общественного быта Индіи. Въ широкой
публиکѣ распространено представление, что индійское общество
распадается на четыре классическихъ касты: брахманиковъ или брах-
мановъ, которымъ принадлежитъ монополія — молиться и прино-
сить жертвы; кшатріевъ, прирожденныхъ воиновъ; вайшіевъ, куп-
цовъ; шудровъ, предназначенныхъ служить другимъ классамъ. Если
бы это было такъ — кастовый режимъ Индіи былъ бы лишь рѣзко
выраженнымъ, окаменѣлымъ сословнымъ строемъ. Въ действитель-
ности дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. Сущность режима кастъ,
три основные момента, опредѣляющіе кастовое устройство, — это:
1) наслѣдственная спеціализація занятій или, общіѣ, профес-
сій; 2) іерархія этихъ профессій; 3) сепаратизмъ, взаимная от-
чужденность, отталкиваніе наслѣдственныхъ професіональныхъ
группъ. Отталкиваніе, іерархія, наслѣдственная спеціализація,
— кастовый строй соединяютъ эти три тенденціи. Нужно запом-
нить все эти три тенденціи, если мы желаемъ притти къ исчер-
пывающему опредѣленію режима кастъ. Мы скажемъ, что общество
полчинено этому режиму, если оно раздѣлено на значительное
число группъ, наслѣдственно спеціализированныхъ, іерархически
расположенныхъ одна надъ другой и взаимно противополагающихся,
если это общество въ принципѣ не терпитъ ни выскочекъ, ни ме-
тисовъ, ни перебѣжчиковъ изъ одной профессіи въ другую, то
есть, если это общество противится одновременно и смѣшенію
крови, и подъему на высшія соціальная ступени, и перемѣнѣ за-
нятій. Это совершенно справедливо, но и іерархическое постро-
еніе соціальныхъ группъ и наслѣдственная къ нимъ принадлеж-
ность недостаточны для опредѣленія режима кастъ, такъ какъ
эти моменты характерны: первый для всякаго строго сословного
общества, второй, напримѣръ, для многихъ "случаевъ" цехового
строя. Поэтому въ принципіальномъ сепаратизмѣ общественныхъ
дѣленій, въ ихъ отталкиваніи другъ отъ друга слѣдуетъ видѣть
differentia specifica кастового рѣжима.

Въ чёмъ же выражается этотъ "сепаратизмъ" группъ? Прежде
всего въ томъ, что разныя касты не имѣютъ между собой брачна-
го общенія: они допускаютъ въ принципѣ только эндогамію, то

есть, брачные узы лишь внутри касты; эндогамия нарушается не-рѣдко "гипергаміей", то есть, многія семьи стремятся выдавать своихъ дочерей за членовъ высшихъ кастъ; вотъ почему нѣ-которые раджи высокаго ранга представляютъ большую цѣнность въ качествѣ жениховъ и дѣлаютъ изъ женитьбы выгодную профессію - они заводятъ специальные списки и въ нихъ заносятъ женщины, которыхъ они удостоили брачнаго союза съ собой.

Другимъ полемъ приложенія начала сепаратизма является общеніе въ области *потребленія*. Въ принципѣ только члены одной и той же касты могутъ быть другъ для друга "сопрапезниками". Уже одно прикосновеніе лица, принадлежащаго къ низшей кастѣ, ощущается, какъ нѣчто тѣгостное. Прикосновеніе къ "паріямъ" внушаетъ настоящій ужасъ. На Малабарскомъ берегу есть люди, которыхъ заставляютъ ходить почти голыми, изъ страха прикосновенія къ ихъ развѣвающимся одеждамъ. Индуистъ вседѣло во власти этого чувства страха передъ нечистымъ прикосновеніемъ. "Джатаки" (индійскія новеллы) полны рассказами о томъ, какое отвращеніе вызывали прикосновенія къ нечистымъ расамъ или даже одинъ только видъ. Брахманъ (браминъ) замѣчаетъ, что попутчикомъ его является чандалъ, и онъ велитъ "зловѣщей ити-цѣ" скрыться съ его глазъ. Дѣвушки видятъ чандаловъ и спасаются отъ нихъ бѣгствомъ, для своего очищенія прибѣгая къ промывкѣ глазъ.

Но въ особенности невыносимо сотрапезничество съ нечистыми. Достаточно, чтобы парія заглянуль въ кухню, чтобы вся оскверненная утварь была обречена на уничтоженіе. Даже внутри одной касты дѣйствуетъ это отталкиваніе. Отсюда пословица: "для двѣнадцати раджпутовъ необходимо тринацдцать поваровъ". Но и низшія касты боятся оскверненія общеніемъ съ высшими: въ голодные годы, лица, принадлежащія къ кастѣ санталовъ, охотнѣе морили себя голодомъ, чѣмъ прикасались къ пищѣ, приготовленной браминами. Въ Калькутѣ устройство водопровода наткнулось на трудность: какимъ образомъ члены разныхъ кастъ могли бы пользоваться однимъ и тѣмъ же краномъ? Послѣ возвращенія съ последней парижской всемирной выставки нѣсколько индусовъ были обвинены въ томъ, что они ёли за табльдотомъ съ нечистыми европейцами. Обвиненные всячески хотѣли доказать, что они приѣздили во Францію своей родной рисъ и тамъ питались имъ,

Но свидѣтельскія показанія европейцевъ, бывшихъ ихъ сопранезниками, погубили ихъ - и они были извергнуты изъ касты. Такимъ образомъ, касты суть прежде всего эндогамическая группа, и индійская перепись (цензъ) 1901 года зарегістрировала такихъ группъ, между которыми не допускается брачнаго общенія, не четыре, а болѣе 2300. Но и эта цифра отнюдь не выражаетъ всей дробности кастоваго дѣленія индійскаго общества.

Откуда же произошелъ и чѣмъ держится режимъ касты?

Первое объясненіе, которое можетъ представляться, это объясненіе ихъ расовыми различіями. "Пришельцы побѣдители считаютъ себя за высшую расу и тщательно охраняютъ себя отъ смѣшанія съ низшей, покоренной. Такимъ образомъ, въ основѣ касты лежитъ этнографическое различіе, которое арійцы-завоеватели старались сохранить и поддержать, установивъ принципъ полной своей обособленности". Однако расовое различіе, если и можетъ считаться принципомъ генезиса касты, отнюдь не можетъ считаться принципомъ ихъ существованія и сохраненія. Правда некоторые исследователи полагали, что Индія есть страна, въ которой господствуетъ благотворное начало поддержанія чистыхъ, несмѣшанныхъ расъ и что это начало и выражается именно въ кастовомъ строѣ, осуществляющемъ здравый расовый отборъ. Такъ Джонстонъ полагалъ, что достаточно классифицировать индусовъ по цвету кожи для того, чтобы убѣдиться, что съ различіями въ цветѣ совпадаютъ различія въ соціальномъ положеніи. Этому и соответствуетъ древнее санскритское обозначеніе касты varna, первоначальный смыслъ котораго - цветъ. "Индусское общество многоцвѣтно (*est essentiellement polichromé*), и соціальный различія въ немъ отмѣчены соответствующими окрасками кожи. Легенда въ Магабаратѣ раздѣляетъ людей на бѣлыхъ и красныхъ, желтыхъ и черныхъ, сообразно ихъ свойствамъ и занятіямъ".

Пусть окраска кожи признакъ недостаточно точный, но есть развѣ другихъ совершенно точныхъ антропометрическихъ "показателей"? Ризли (Risley) полагаетъ, что онъ нашелъ такой показатель въ ширинѣ носа ("носовой указатель"). На основаніи 5505 измѣреній, произведенныхъ въ Бенгалѣ, онъ устанавливаетъ два основныхъ типа. Это какъ разъ тѣ два типа, о которыхъ го-

ворять и литературные памятники: раса арійскихъ завоевателей, бѣлокожихъ и узконосыхъ, и раса покоренныхъ дравидійскихъ аборигеновъ, чернокожихъ и широконосыхъ. Въ краткой формулѣ изслѣдователь такъ резюмируетъ свой выводъ: можно сказать, что въ Восточной Индіи высота соціального ранга, занимаемаго че-ловѣкомъ, обратно пропорціональна ширинѣ его носа.

Къ счастью, проверка выводовъ Ризли оказалась возможной. Его методы нашли послѣдователей и продолжателей. Среда, надъ которой оперировалъ со своими измѣреніями Ризли, представляеть ту особенность, что въ Бенгалѣ никогда не было значитель-наго вселенія арійскихъ элементовъ. Крукъ, который произвелъ антропометрическія изслѣдованія 4906 жителей Сѣверо-Западной Провинціи и Ауда, обнаружилъ, что тамъ нѣтъ ни малѣйшаго со-отвѣтствія между черепнымъ и носовымъ указателями и соціаль-нымъ положеніемъ. Сила отталкиванія первоначальныхъ расъ, оче-видно, не могла навѣки опредѣлить собой раздѣленіе индійского общества. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, побѣдители и по-бѣжденные въ концѣ концовъ смѣшились. Антропосоціологія тщет-но ищетъ такой страны, въ которой бы былъ бы осуществленъ ея идеаль. Пусть духъ, прямо-противоположный духу равенства, гос-подствуетъ надъ всей цивилизацией, пусть самые священные за-преты отгораживаютъ расы одну отъ другой, пусть забота о чи-стотѣ доминируетъ надъ всеми прочими помыслами и перегоражи-ваетъ по своему произволу все общество, - все напрасно. Рано или поздно самые высокіе барьеры будутъ преодолѣны, элементы самые разнородные смѣшаются, и Вы не сможете констатировать точныхъ соотношеній между различіями физическими и различіями соціальными.

Каково же отношеніе между этимъ строемъ и экономической спеціализаціей и ея носительницами - цеховыми организаціями?

Индійскій эпосъ раскрываетъ передъ нами картину широко развитого цехового строя. Цэхи или гильдіи вѣдаютъ рыночную полицію, организуютъ караваны, основываютъ благотворительныя учрежденія. Нужно обратиться къ германскому средневѣковью для того, чтобы увидѣть подобный же расцвѣтъ цеховъ и гильдій. Элементы цехового движечія и цехового строя ни въ Греціи, ни даже въ Римѣ не достигали такой силы, какъ въ Индіи. Обществен-ные перегородки умножаются подъ вліяніемъ цехового строя. От-

ческому началу, лежащему въ основѣ цехового строя. Это теорія іезуита Дальмана *), которая, впрочемъ совпадаетъ со взглядами англійскаго изслѣдователя Несфильда **).

Несфильдъ указываетъ, что если распределить различные касты въ порядкѣ ихъ соціального ранга, то придется констатировать, что онѣ поднимаются выше или ниже по соціальной лестнице соответственно тому мѣсту, какое онѣ занимаютъ на лестнице промышленной. Самыя низкія касты это тѣ, которые предаются занятіямъ, которыхъ только и известны человѣку въ примитивныхъ фазахъ человѣческой исторіи: касты рыбаковъ и касты охотниковъ. Касты земледѣльцевъ уже болѣе знатныя и еще знатнѣе касты ремесленниковъ. Тѣ среди нихъ, которые упражняютъ болѣе простыя ремесла, известны человѣчеству еще раньше, чѣмъ оно научилось обработкѣ металловъ, занимаютъ низшее мѣсто; тѣ, которые обрабатываютъ металлы, стоять выше. Повидимому, достоинство касты измѣряется какъ полезностью, такъ и трудностью ремесла, которымъ она занимается. Отсюда тезисъ, что ступени іерархіи индійского общества соответствуютъ въ общемъ и цѣломъ фазамъ промышленной эволюціи. Несфильдъ выражаетъ это такъ: естественная исторія промышленности даетъ ключъ и къ лестнице, и къ процессу образованія самихъ кастъ.

Каста есть окаменѣвшій цехъ — такъ резюмируетъ Бугле теорію Дальмана ***).

Если бы дѣло обстоало именно такъ, то, повидимому, соціальная эволюція давала бы неожиданное подтвержденіе "материали-

*) Joseph Dahlmann. S. J. "Das Altindische Volkstum und seine Bedeutung für die Gesellschaftskunde. Kölن 1899. (Verlag von Bachem). pp. 134.

**) Nesfield. Brief view of the Caste System of the North-Western Provinces and Oudh. Allahabad 1885.

***) Самъ Дальманъ выражается такъ: "Die Kaste bildet bloss die erstarrte Oberflache eines Gesellschaftskörpers; in dessen unteren Schichten sich reiche Formen organischen Lebens erhalten haben.... Von der modernen Kaste führt der Weg zur körperschaftlichen Gliederung des alten Zudien zurück" (Dahlmann, l.c.s.24).

стическому" объяснению истории. Если бы удалось представить касту, какъ чисто "мирское" учреждение, естественно вырастающее изъ промышленной корпорации, изъ цеха, то тѣмъ самымъ удалось бы показать, что въ корпорации, всего полнѣе пропитанной религиознымъ началомъ, именно промышленность, то есть экономика, опредѣляетъ основную соціальную форму.

Такъ ли это?

Прежде всего такой теорія противопоставляется некоторые факты. Члены одной касты часто упражняютъ весьма различная профессіи, хотя, съ другой стороны, создание нового занятія приводить часто къ созданію новой касты. Но часто касты образуются изъ сектъ; часто они носятъ мѣстный характеръ, представляя собой, мы бы сказали, (пользуясь русскимъ выражениемъ) землячества.

Но существенны не эти частные замѣчанія, существенно даже не то, что понятіе касты гораздо шире понятія цеха, и ея предписанія гораздо глубже проникаютъ въ жизнь. Важнѣе другое. Мы знаемъ интимную связь и римскихъ корпораций, и средневѣковыхъ цеховъ и, наконецъ, нашихъ южно-русскихъ и западно-русскихъ корпораций - братства съ религиозной потребностью, съ церковной жизнью ихъ членовъ. Цехи генетически суть въ значительной мѣрѣ организаціи, связанныя съ религиозной жизнью. А если цехъ, какъ соціальная форма, не можетъ быть объясненъ одними экономическими моментами, то во столько же разъ это вѣрнѣе по отношенію къ кастѣ. Всего легче еще объяснить обычную наследственность занятій экономическими соображеніями. Но абсолютная прикрѣплennость лицъ къ тому или иному занятію объясняется гораздо проще мотивами религиозными, чѣмъ экономическими. Быть можетъ въ основе ея лежитъ идея "табу". Она можетъ объяснить съ одной стороны запретность, съ другой - обязательность известныхъ занятій для известныхъ группъ. Далѣе: какъ можетъ "естественная история промышленности" объяснить вершину кастового строя - брахмановъ? Бугла остроумно замѣчаетъ по этому поводу: нельзя сказать, чтобы ремесло брахмана являлось въ глазахъ индуловъ непроизводительнымъ, напротивъ, оно въ высшей степени производительно. Брахманъ - говоритъ Бугла, употребляя известное французское выражение - *fait la pluie et le beau temps*. Нѣть болѣе полезнаго въ глазахъ индуса метода

дѣйствій, чѣмъ толькѡ, который примѣняютъ брахманы: молитвы и жертвоприношенія. Но — иронически спрашиваетъ далѣе нашъ авторъ — развѣ открытие этихъ методовъ соотвѣтствуєтъ болѣе высокой стадіи промышленного прогресса, какъ слѣдовало бы по теоріи Несфильда? Иль какомъ отношеніи эти методы связаны съ появлениемъ обработки металловъ, кото́гда, согласно тому же Несфильду, означаетъ поворотъ въ цивилизациѣ?

Различіе въ соціальной рангѣ кастъ по предмету, обрабатываемому ими, легко объясняется именно религіозной идеей. Такъ, въ основѣ того, что люди, обрабатывающіе золото и серебро, выше людей, обрабатывающихъ жезло, лежитъ религіозное представлѣніе: благородные металлы считаются образованными комбинаціей двухъ самыхъ "чистыхъ" элементовъ — воды и огня. Жезло есть металлъ черный, а черный цветъ — неблагородный, несчастливый, презрѣнныи для индуза. Рыболовы выше охотниковъ, потому что вода есть стихія священная. Цырульники, которые суть въ то же время хирурги (такъ было на Западѣ и у насъ!) презираются, потому что они должны проливать кровь и прикасаться къ волосамъ. Такъ же низко оцѣниваются и кожевники. Такимъ образомъ, оцѣнка, которую индузы придаютъ той или другой кастѣ, опредѣляется ихъ представлѣніями о томъ, что толькѡ или другой предметъ священенъ, дозволенъ или запретенъ, заслуживаетъ почитанія или, наоборотъ, внушаетъ страхъ или отвращеніе.

Еще яснѣе несостоятельность экономического объясненія кастового строя выступитъ, если сопоставить это объясненіе съ сепаратизмомъ кастъ. Можно ли экономически объяснить то отталкиваніе, которое уединяетъ одну группу отъ другихъ и которое запрещаетъ брачное обженіе, запрещаетъ супрапатричество и даже иногда устраняетъ возможность простого соприкосновенія?

Теорію происхожденія кастъ изъ родовыхъ организацій выдвинулъ знаменитый французскій индіанистъ Сенаръ. Согласно этой теоріи каста — порожденіе арійской семьи или рода. Прежде всего слѣдуетъ отстранить расовый характеръ объясненія. Онъ ни къ чему. Родовой бытъ и его связь съ религіей не есть явленіе "арійское". Но важнѣе другой отводъ, предъявляемый противъ этой теоріи. Связь кастового режима съ религіей еще несомнѣннѣй, чѣмъ связь его съ родовыми или семейными началами. Или иначе это можно выразить такъ: въ основѣ близости кастового

строя и родового быта лежит то начало, которое является для них общимъ, — начало религіозное.

Отъ другихъ іерархій кастовий режимъ отличается слѣдующей особенностью: абсолютнымъ и вообще признаннымъ первенствомъ касты брахмановъ. И если указываютъ, что религіозные обычай носятъ семейный характеръ, вырастаютъ на почвѣ семейной или родовой связи, объясняется чувствомъ родства, то въ индійскомъ кастовомъ режимѣ явственнѣе выступаетъ и гораздо замѣчательнѣй то, что тутъ сильнѣе начала семейства оказывается начало религіозное. Первое преклоняется передъ вторымъ. Никакая семейная церемонія не обходится безъ участія брахмановъ. Они становятся на мѣсто родителей или предковъ. На поминальныхъ пирахъ они замѣняютъ собой предковъ, они єдятъ во имя этихъ предковъ, какъ ихъ представители. Вира или пена за убійство платится не семье убитаго, а брахману. Вообще положеніе брахмана въ индійскомъ обществѣ совершенно исключительное.

Критический обзоръ теорій происхожденія кастового режима приводить къ совершенно определенному решенію вопроса, которое уже достаточно обрисовалось въ нашемъ изложеніи. Господство древней родовой или семейной исключительности объясняетъ, почему индійскія касты обособляются другъ отъ друга. Но такое обособленіе и противоположеніе не есть еще та іерархія, которую мы находимъ въ кастовомъ режимѣ. Роль жреческой касты, основанной на подавляющемъ значеніи жертвоприношенія и молитвы, опредѣляетъ собой іерархический характеръ этого режима. Любопытно, что этотъ іерархический характеръ и эта роль жречества держатся помимо всякой организаціи, которая позволяла бы уподобить касту брахмановъ монашескому ордену или духовенству, безъ всякой церковной организаціи. "Брахманы суть священники безъ церкви.... они по самому своему понятію равны между собой членно потому, что ихъ знаніе дается имъ ихъ рожденіемъ". Такимъ образомъ вовсе не могущество организаціи составляетъ силу священниковъ въ Индіи.

Не является ли въ такомъ случаѣ эта сила порожденіемъ строгости идей, носителями которыхъ выступаютъ эти священники? И на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Сила эта также не объясняется догматизмомъ идей, какъ она не объясняется дисциплиной организаціи. И это понятно: тамъ,

гдѣ нѣтъ іерархіи, напередъ невозможна доктрина, такъ какъ нѣтъ органа, который могъ бы ее формулировать и поддерживать. Поэтому религія брахмановъ въ высшей степени терпимая: она все принимаетъ и ничего не отвергаетъ. Въ качествѣ религіи безъ церкви и безъ доктрины, брахманизмъ не зараженъ духомъ идейного прозелитизма. Мысль, что существуетъ одна религіозная истинна, пригодная для всѣхъ людей, и что ее слѣдуетъ возможно шире пропагандировать, чужда брахману.

И тѣмъ не менѣе у брахманизма есть прозелиты. Если брахманъ "обращаетъ" какое-нибудь племя коренныхъ обитателей, это фе значить, что онъ опрокидываетъ ихъ вѣрованія, но это значитъ, что онъ научаетъ ихъ уважать обычай касты и почитать, прежде всего и превыше всего, его самаго, брахмана. Заставляя почитать себя - вотъ какъ главнымъ образомъ покоряетъ души брахманъ. И великимъ членомъ символа вѣры религіи, имъ рас пространяемой, является священный характеръ прирожденного жреца.

Такимъ образомъ, въ основѣ превосходства брахмана лежитъ превосходство крови, породы, расы. Брахманомъ рождается, а не дѣлается. *Nascitur non fit.* Но это не значитъ, что реально въ основѣ кастового режима и его существованія лежать расовая различія. Мы уже разсмотрѣли эту точку зренія и ее отклонили. Идея породы господствуетъ надъ кастовымъ режимомъ, именно какъ идея и притомъ, какъ идея, облеченнная религіозной санкціей. Въ началѣ этой идеи корреспондировалъ известный антропологический фактъ, но потомъ она стала вести независимое отъ этого факта существование. Идея, на которой виждется превосходство брахмановъ, не есть просто расовая идея; это - религіозная идея чистоты. Эта чистота есть не антропологическое, а религіозно-ритуальное понятіе. Классъ воиновъ въ антропологическомъ смыслѣ такъ же чистъ, какъ классъ жрецовъ, но послѣдній пользуется исключительнымъ престижемъ въ силу той закрѣпленной за нимъ религіозно-существенной функции, которую онъ осуществляетъ. Она, эта функция жертвоприношенія, дѣлаетъ его "священнымъ", т.е. въ одно и то же время внушающимъ и почетніе и ужасъ. Онъ есть "табу". Тотъ, кто говоритъ съ богами, является самъ богомъ; тотъ, кто зажигаетъ священный огонь, самъ становится участникомъ этого огня.

Въ этихъ иллюзіяхъ, изъ которыхъ лежитъ безконечное превосходство брахмановъ, и тѣмъ самимъ іерархія индійскихъ кастъ, — передъ нами примитивная религіозная идея, лишь въ потенцированной и въ то же время уточненной формѣ. Такимъ образомъ, замкнутый культь первичныхъ семейныхъ группъ препятствуетъ индійскимъ кастамъ смѣшиваться, а почитаніе таинственныхъ дѣйствій жертвоприношенія — вотъ что, въ конечномъ счетѣ, подчиняетъ эти касты кастѣ жрецовъ. Соціологическое изслѣдованіе Индіи не только не подтверждаетъ положеній "матеріалистической" філософіи исторіи, а, наоборотъ, укрѣпляетъ тезисъ, доказываемый съ разныхъ сторонъ всѣми новѣйшими соціологическими изслѣдованіями: преобладающую роль, которую играетъ религія въ первичной организаціи общества.

Есть общемъ и цѣломъ, можно теперь категорически сказать, что кастовый строй основанъ на религіозномъ мотивѣ. Такому раздѣленію труда, корни которого находятся въ области религіозныхъ вѣрованій, присущъ характеръ принудительности, обязательности. Человѣкъ, въѣтъ его находящейся силой, приставленъ къ занятію. Оно — его монополія, но въ то же время и занятіе монополизируетъ самого человѣка, владѣеть имъ самимъ: другое занятіе запрещено для него. Употребляя выраженіе первобытной религіи, должно сказать, что его занятіе "табуировано" для другихъ, чужія занятія — для него. Тутъ мы восходимъ къ первобытной религіи, къ первобытнымъ вѣрованіямъ, къ той системѣ соціально-религіозныхъ представлений, известной подъ именемъ тотемизма, въ основѣ которой лежитъ своеобразный культь, такъ называемаго, тотема. Тотемъ — терминъ индійского племени одѣживаваєтъ, означаетъ "гербъ" родовой группы, клана, "гербъ", который изображаетъ предметъ, которому кланъ "поклоняется", оживившій культь и съ которымъ кланъ считаетъ себя связаннымъ реальной родственной связью. Эта вѣра въ сродство известного рода не есть вѣра символическая, на которую способъ современный человѣкъ, а вѣра реальная, подлинная. Въ Африкѣ, напримѣръ, племя, посвященное змѣй, подвергаетъ новорожденного младенца испытанію: его оставляютъ среди змѣй, и если остается невредимымъ, нетронутымъ, его признаютъ законнымъ членомъ, входящимъ въ племя: въ случаѣ противоположнаго

исхода, его считаютъ незаконнымъ, "чужимъ", чуждымъ племени и убиваютъ. Когда убиваютъ животное-тотемъ, члены племени говорятъ: "зачемъ ты убилъ моего отца, брата и т.д.?". Это - реальная вѣра; она рождається практическія представліенія и дѣйствія и поконится - къ чему склоняются работы знаменитаго этнолога Фразера - на "сущѣйномъ" объясненіи самого акта зачатія человѣка. Зачагіе объясняется заселеніемъ въ мать духъ, а духъ, который вселяется, опредѣляется по обстоятельствамъ, ибо какъ-даже мѣстность имѣеть своихъ духовъ. Есть многое вѣроятнѣе въ томъ, что первобытная религія есть своеобразная соціальная магія. Люди не просто приспособляютъ вещи къ своимъ потребностямъ, а известнымъ образомъ магически, ирраціонально воздѣйствуютъ на нихъ. Эта "соціальная магія" лежить въ основѣ первобытнаго разделенія труда общественной группы: если люди первоначально занимаются различными профессіями, то въ основѣ этого лежитъ магическая связь этихъ людей съ тѣми предметами, которымъ поклоняется данная группа. То есть тутъ мы видимъ не управление предметами путемъ рациональныхъ воздѣйствій на нихъ, а подчиненіе себѣ этихъ предметовъ магическими ирраціональными приемами и способами. Вотъ къ какимъ основаніямъ восходитъ та окаменѣлость, которая наблюдается въ каствомъ строѣ даже современаго сложнаго индійскаго быта. Это явленіе въ связи съ его коснѣмъ даетъ общее объясненіе источниковъ професіональнаго расчлененія общества. Уже изъ сказанного видно, что при такомъ установлѣніи генезиса основныхъ соціальныхъ явлѣній и процессовъ приходится не просто восходить къ фактамъ и изучать ихъ, а восстановлять соотношенія отдѣленныхъ эпохъ по отрывочнымъ намекамъ, кое-гдѣ разбросаннымъ. Но если въ основѣ вѣрно, что соціальное раздѣленіе труда и професіональная специализація занятій восходитъ къ религіознымъ мотивамъ, то отсюда ясно, что вообще соціальное дѣленіе не можетъ быть просто выведено изъ элементовъ и фактовъ экономическихъ. Съ этой точки зренія правильно критическое указаніе, направленное противъ теоріи Шмоллера, что различіе соціальныхъ классовъ имѣеть своей основой различіе професіональныхъ занятій. Эта теорія въ сущности объясняетъ процессъ первоначальнаго образования общественныхъ классовъ, приравнивая его къ процессу естественной дифференціаціи современныхъ людей, - по-

ставленныхъ въ однородныя условия и лишь отличающихся различнымъ запасомъ профессиональныхъ навыковъ и умѣнья. Такое упрощенное представление не выдерживаетъ критики. Вопросъ ставится такъ: что имѣть болѣе первичное значеніе - различія имуществъ и уже на ихъ основѣ соціальная дифференціація занятій, или наоборотъ: дифференціація занятій образуетъ основу возникновенія соціальной дифференціаціи по имуществу. Вотъ къ чему сводятся разногласія между Бюхеромъ и Шмольеромъ. Къ сожалѣнію известная статья Бюхера, очень удачная съ виѣшней стороны, насильственно упрощаетъ сложность проблемы, вводя въ ея обсужденіе мотивы публицистические. "Теорія, которая выводить соціальное различіе изъ различія профессій, оправдываетъ существующее экономическое неравенство". Возможно, что такой мотивъ приводитъ, привыкается при обсужденіи этой проблемы но вся полемика Бюхера и Шмольера стоитъ подъ вліяніемъ этого публицистического мотива. Дѣло у нихъ сводится къ тому: считать ли существующее распределеніе имуществъ - результатомъ подбора сильныхъ и лучшихъ элементовъ или считать его результатомъ того превосходства, которое существующее право частной собственности черезъ наследственную передачу даѣтъ всякому , получающему известное имущество. Если вопросъ ставится такъ, то обнаруживается сразу практическая подпочва всего спора. Но въ научномъ обсужденіи желательно исключить совершенно мысль о примѣненіи теоретическихъ выводовъ къ практикѣ современной дѣйствительности. Мнѣ не хотѣлось бы сейчасъ ставить трудный вопросъ о соотношеніи научныхъ выводовъ къ практикѣ жизни. Мнѣ важно подчеркнуть, что обсуждая специальный вопросъ о соотношеніи между имущественнымъ неравенствомъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда слѣдуетъ ставить его въ практическихъ соображеній, ставить какъ вопросъ теоріи и исторіи. Бюхерь говорить: "Въ виду этого, наследственная теорія Шмольера - конечно помимо воли ея автора - является непривлекательная черты соціальной философіи имущихъ классовъ. Она говоритъ человѣку низкаго происхожденія, почуявшему въ себѣ силу занять болѣе высокое положеніе въ профессиональной жизни: "оставь всякія надежды; твоя тѣлесная и духовная структура, твои нерви, твои мускулы, причинная зависимость между поколѣніями тянутъ тебя внизъ. Твои предки въ теченіе столѣтія были крѣпостными, твой отецъ

и дѣдъ были поденщиками, ты предназначенъ для подобной же профессіи". Мне нѣтъ надобности доказывать, насколько выводы этого новаго ученія рѣзко противорѣчатъ нашему нравственному сознанію, нашему идеалу справедливости. Въ той стадіи этого недоказанного тезиса, въ которомъ это ученіе находится въ настоящее время, оно, по моему мнѣнію, опровергается довольно часто дѣлаемымъ наблюденіемъ, что весь путь отъ низшей до высшей точки современной культуры, отъ низшей до высшей ступени раздѣленія труда, отъ подножія до вершины соціальной лѣстницы продѣлывается въ обоихъ направленіяхъ въ теченіе одного поколѣнія. Нужно собственно удивляться что подобное ученіе могло возникнуть у народа, который среди своихъ гигантовъ мысли насчитываетъ Лютера, сына рудокопа, Канта, сына порника, Фихте, сына бѣднаго сельскаго ткача, Винкельмана, сына сапожника, Гуса, сына садовника, не говоря уже о многихъ другихъ.

Существуетъ странный анекдотъ о кардиналѣ, отецъ котораго былъ свинопасомъ, и гордомъ своимъ происхожденіемъ французскомъ посланникѣ. Въ какомъ-то сложномъ дѣлѣ, въ которомъ кардиналъ умѣло и настойчиво защищалъ интересы церкви, посланникъ вспыхнулъ и попрекнулъ его происхожденіемъ. "Дѣйствительно, сказалъ кардиналъ, отецъ мой пасъ свиней; но если бы вашъ отецъ былъ свинопасомъ, то и вы бы остались тѣмы же"). Это, конечно остроумно и оживляетъ изложеніе, но не разъясняетъ, а даже затмняетъ проблему. Въ своей полемикѣ съ Шмидлеромъ, Бюхеръ говорить о томъ, что Шмидлеръ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ біологически обосновать свое ученіе. И действительно у Шмидлера этого нѣть, но съ тѣхъ порь возникло цѣлое научное теченіе, которое систематически проводитъ примѣненіе принципа наследственности къ процессу соціального расчлененія общества. Если бы Бюхеръ предвидѣлъ это движеніе, предвидѣлъ, что это теченіе мысли можетъ получить такое значеніе и блестящее развитіе, ему, конечно, пришлось бы усложнить свою теорію и посчитаться съ нею въ своей полемикѣ. Дѣйствительно, въ новѣйшее время трудами тѣхъ самыхъ учёныхъ, которымъ такъ много обязанъ теорія современной статистики, имена которыхъ неразрывно связаны съ новѣйшимъ усложненіемъ и углубленіемъ статистического мышленія и статистическихъ методовъ, трудами Га-

*)К. Бюхеръ. -Происхожденіе народнаго хозяйства. Т. I. Стр. 114-115.

мильгана и Пирсона выдвинуто построение, подчеркивающее значение наследственности и наследственной передачи не только назнаковъ, но самой натуры для современного человѣчества, и тѣмъ смириь для всей соціальной жизни. Это учение привело къ созданию особой дисциплины "евгеники"*. "Евгеника" это учение о благорожденіи или облагораживаніи, усовершенствованіи человѣческой расы. Это учение исходить изъ той мысли, что въ натурѣ человѣка огромное, рѣшающее значение имѣть передача по наслѣдству физическихъ и духовныхъ свойствъ. Исходя изъ этого убѣжденія, "евгеника" считаетъ, что люди должны сознательно воздѣйствовать на передачу духовныхъ и физическихъ качествъ потомству, то есть принять къ себѣ ту же точку зренія, какую люди примѣняютъ, совершенствуя расу и породу животныхъ. Эти идеи можно представить въ карикатурной формѣ и тогда вся теорія покажется чѣмъ-то дикимъ, нестерпимо-отвратительнымъ*).

Итакъ, "евгеника" въ упоръ ставитъ вопросъ, въ какой мѣрѣ соціальные качества и преимущества отдельныхъ лицъ восходятъ къ унаслѣдованнымъ свойствамъ предковъ. Это тотъ же самый вопросъ, который въ менѣе рѣзко обрисованной формѣ былъ предметомъ разногласія Бюхера и Шмоллера. Въ связи съ этимъ вопросомъ возникаетъ и другой - въ какой мѣрѣ этотъ процессъ передачи поддается сознательному воздействию и рациональному регулированію? И эти два вопроса могутъ быть обсуждаемы совершенно независимо отъ практической позиціи, Вами занимаемой,

*) Такое изображеніе Вы найдете въ октябрьской книжкѣ "Русскаго Богатства", за 1912 годъ, въ статьѣ 1. Діонея. Здѣсь "евгеника" характеризуется какъ "западная философія"; я считаю прямо недопустимымъ трактовать огромные вопросы, вопросы первостепенного теоретического интереса и неизъмѣримаго практическаго значенія, которые выдвинула "евгеника", въ такомъ несправедливомъ и демагогически-пошломъ понѣ. Нужно, впрочемъ, сказать, что вина въ подобномъ отношеніи къ этимъ вопросамъ наѣдаетъ смирити и на тѣхъ, "евгенистовъ", которые въ теоретическую проблему некритически привносятъ свои практическія точки зренія, опредѣляемыя ихъ идеалами и тенденціями. Но по существу "евгенистами" становится действительно серьезнейший для соціальной науки, независимо отъ того или иного направлениія практическихъ выводовъ, основной вопросъ.

отъ соціально-законодательныхъ мѣропріятій, Вами признаае-
мыхъ. И мы видимъ, что нѣкоторые "евгенисты", напримѣръ, являются
противниками соціально-политического законодательства, такъ
какъ оно увѣковѣчиваетъ соціально-несостоятельный группы, под-
держиваетъ слабость и тѣмъ ухудшаетъ расу. Другие "евгенисты",
наоборотъ, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, примыкаютъ, къ соціализ-
му (Пирсонъ). Но безотносительно къ разрѣшенію подобныхъ во-
просовъ, я долженъ опредѣленно высказаться вообще противъ че-
китическаго смышенія практическихъ вопросовъ и теоретиче-
скихъ проблемъ. Слѣдуетъ твердо помнить, что между теоретиче-
скимъ, научнымъ заключеніемъ и практическимъ выводомъ, кон-
кретнымъ положеніемъ его, лежитъ огромное поле, вся сфера
конкретныхъ и сложныхъ вопросовъ, которые нужно еще ярко освѣ-
тить на основѣ тщательного и точнаго анализа.

Возвращаюсь къ обсужденію вопроса по существу. Въ общей
формѣ вопросъ сводится къ тому, какую роль играетъ наслѣд-
ственная передача свойствъ - физическихъ и духовныхъ - для
соціального развитія? Если объективно обозрѣть находящіеся въ
нашемъ распоряженіи факты, невозможно отрицать огромное зна-
ченіе приобрѣтеній предковъ для ихъ потомковъ и дальнѣйшихъ
поколѣній: то, что приобрѣтаетъ одно поколѣніе - положитель-
ное ли, либо отрицательное, - имѣть огромное значеніе и для
этого поколѣнія и для дальнѣйшихъ. Какъ бы ни разрѣшать біо-
логически чрезвычайно сложный и трудный вопросъ о наслѣдствен-
ной передачѣ извѣстныхъ благопріобрѣтенныхъ свойствъ, въ соці-
альной жизни, эта передача несомнѣнно происходитъ, можетъ быть,
даже не только или не главнымъ образомъ при помощи біологиче-
скаго механизма наслѣдственности. Если угодно, экономистъ мо-
жетъ не задумываться надъ измѣненіями біологической природы
человѣка, измѣненіями наслѣдственно пріобрѣтаемыми. Отвлека-
ясь отъ всего этого, онъ долженъ признать, что благопріобрѣ-
тенные личныя свойства и благопріобрѣтенное соціальное полу-
женіе имѣютъ огромное значеніе для потомства; что путемъ на-
копленія извѣстныхъ душевныхъ свойствъ, являющихся въ самомъ
общемъ и образномъ смыслѣ соціальнымъ капиталомъ, оказывается
сильнѣйшее вліяніе на всю культуру и, въ этомъ не можетъ быть
сомнѣній, именно на экономическую культуру. Такимъ образомъ,

не можетъ ис-
точъ изучилъ списки членовъ Королевскаго Общества, одной изъ
старѣйшихъ научныхъ организаций въ мірѣ, и такимъ путемъ пы-
тался прослѣдить судьбы потомковъ многихъ знаменитыхъ дѣятелей
англійской науки, то есть установить наследственную пере-
дачу высшихъ душевныхъ и умственныхъ свойствъ. Но констатируя
фактъ наследственной передачи известныхъ душевныхъ свойствъ и
подчеркивая ея огромное соціальное значеніе, мы только ста-
вимъ проблему, рѣшеніе которой нѣкоторые скоро и легко судя-
щіе сторонники "евгеники" считаютъ уже заранѣе даннымъ. Даже
оставляя въ сторонѣ біологический аспектъ проблемы, предна-
рено оставаясь въ области соціальныхъ взаимоотношений, мы ви-
димъ огромныя трудности самой проблемы. На этой проблемѣ, меж-
ду прочимъ можетъ быть показана вся опасность скоропѣлаго
перенесенія аналогій и заключеній біологии въ области соці-
альной жизни и экономическихъ явлений. Здѣсь очень легко
впасть въ научное дилетанство, ставя на мѣсто действитель-
ныхъ рѣшеній мнимыя, которые очень легко дѣлаются предметомъ
эксплуатации публицистовъ, какъ реакціоннаго лагеря, такъ и
враждебныхъ имъ публицистовъ другого стана. Одному наблюденію,
которое можно формулировать такъ: культурная пріобрѣтенія од-
ного поколѣнія имѣютъ огромное объективное значеніе для поко-
лѣній послѣдующихъ и вообще для дальнѣйшей культуры, и въ
частности культура предковъ въ точномъ смыслѣ слова имѣть
крупнѣйшее значеніе для послѣдующихъ непосредственно поколѣ-
ній, можно противопоставить другое столь же существенное и
столь же непрекаемое наблюденіе, что группа замкнутая и со-
знательно въ себѣ замыкающаяся часто вырождается и падаетъ. И
это вѣрно опять таки совершенно независимо отъ біологической,
въ точномъ смыслѣ, стороны феномена наследственности, вѣрно
въ отношеніи соціальной стороны проблемы, вѣрно въ томъ смыслѣ,
что для того, чтобы могъ происходить настоящій отборъ год-
ныхъ и экономически-сильныхъ элементовъ, должно быть возможно
шире поле для такого отбора. Въ силу этого общаго соотношенія
всякая замкнутая группа подвергается опасности вырожденія и
разрушенія.

Есть и чисто фактическія указанія, что известнаго рода
свойства не только передаются по наследству, но и всего ярче

появляются въ свѣжей, незатронутой средѣ. Если бы было вѣрно, что въ культурныхъ приобрѣтеніяхъ имѣютъ значеніе только уже обнаружившіяся свойства родителей, то элементы низшихъ слоевъ были бы обречены быть всегда наслѣдственнымъ пассивнымъ пьедесталомъ для высшихъ классовъ, накапливающихъ культуру, стоя на плечахъ низшихъ. Теоретически возможно, конечно, и такое пониманіе процесса общественной эволюціи и общественного прогресса, но такое пониманіе прогресса не вѣжется съ объективными фактами, которые доказываютъ, что накопленіе культуры проходитъ не только за перегородками высшихъ, въ томъ или иномъ смыслѣ привилегированныхъ, классовъ, но именно на всемъ полѣ общества, что подборъ происходит на всемъ пространствѣ общества, и наиболѣе годные элементы, лучшіе экземпляры "прокидываются", выражаясь дарвинистически, всюду. Если это наблюденіе правильно, то оно наводитъ на одну основную мысль, которую сторонники "евгеники" часто совершенно упускаютъ изъ виду. Совершенно правильно подчеркиваютъ значение передачи по наслѣдству известныхъ качествъ, они упускаютъ изъ виду другую сторону: совершенно непредвидѣнное и непредвидимое творчество высшихъ проявленій культуры въ новыхъ нетронутыхъ ею слояхъ, у которыхъ отсутствуютъ тѣ благопріобрѣтенные условия, какія "евгенисты" стремятся сознательно усилить планомѣрными усилиями. Созданіе лучшихъ экземпляровъ человѣческой породы и творчество высшей культуры осуществляется не только по заранѣе придуманному плану сознательного творчества; рядомъ съ сознательнымъ и планомѣрнымъ творчествомъ идетъ творчество стихійное и бессознательное. Мысль подчинить прогрессъ определенный программѣ покоится на одностороннемъ пониманіи его, на забвеніи того, что весь процессъ общественной жизни не можетъ быть рационализированъ: творчество обладаетъ прогрессивнымъ и расширительнымъ характеромъ. Когда "евгенисты", тѣмъ представителямъ банально-демократическихъ воззрѣній, которые вѣрятъ, что ка-ковы бы ни были свойства и качества, унаслѣдованныя индивидомъ отъ предковъ, стоитъ лишь примѣнить къ младенцу, появившемуся на свѣтѣ Всій, рациональное воспитаніе и все будетъ отлично, возражаютъ, что всего воспитаніемъ нельзя достигнуть, что натура сильнѣе воспитанія, они возражаютъ не только своимъ противникамъ, но въ той же мѣрѣ и собственной теоріи. Вѣдь

основная мысль и уязвимая пята "евгеники" заключается въ томъ, что расширяя понятіе воспитанія и имъ сімейческій процессъ размноженія, они упускаютъ изъ виду, что не все въ развитіи человѣческаго вида и человѣческой особи можетъ быть уложено въ планъ и осуществлено по плану. Поскольку они это упускаютъ изъ виду, они сами являются такими же раціоналистами, какъ и ихъ крайніе противники. "Евгенисты" считаютъ необходимымъ принудительно предупреждать размноженіе больныхъ; хотять установить инстанцію, выдающу свидѣтельство на право размноженія, необходимое для вступленія въ бракъ и выдаваемое на основаніи детального клиническаго осмотра и наблюденія. Основная идея "евгеники" не нова: она восходитъ еще къ Платону, къ идеямъ его "Политіи". Мысль о сознательномъ усовершенствованіи человѣческой породы совершенно плачомъртвымъ вышательствомъ общества, государства, власти, назывите какъ хотите, въ сферу такихъ проявленій личности, какъ бракъ и произведеніе себѣ подобныхъ, возникаетъ вполнѣ естественно. Ея ошибочность не въ томъ, что она нелиберальна; справедливо, конечно, что она претить нравственному самосознанію, что съ этической точки зрењія каждый человѣкъ имѣть право и долженъ возстать противъ подобныхъ присягательствъ на его самоопределение. Но здесь я говорю не объ этической сторонѣ проблемы "евгеники". Ошибочность крайняго "евгенизма", что весь процессъ человѣческой жизни онъ мнить подчинить плану, уложить въ известную "техническую" программу. Эта мысль, можно сказать, опасна самой задачѣ улучшения человѣческой породы. Мы имѣемъ непрекааемая свидѣтельства опыта, что совершенствованіе человѣка проявляется не только, какъ результатъ сознательного усиленія человѣческой воли, что это процессъ стихійный, непредвидимый, не поддающійся полной и окончательной раціонализациі. А уложить его въ "планъ" значитъ не усилить, а ослабить его. Исторія соціального развитія напоминаетъ именно на такое пониманіе вопроса: всякая попытка предписывать жизни извѣстные пути, всякая попытка полнаго регулированія соціальныхъ отношеній, стихійныхъ по существу, не усиливаетъ, а ослабляетъ, не повышаетъ, а деградируетъ культуру. Въ этомъ, именно, слабая сторона и кастоваго строя, и сословнаго строя, и всякой соціальной связности вообще, что живой процессъ, не поддающійся регулирована-

нію, стремятся замкнуть въ напередъ установленные рамки. Вотъ гдѣ неотразимое возраженіе противъ "евгеники", но оно не отрицаетъ ни значительной правды этого построенія, ни его практическаго значенія. Ошибочность и карикатурность обнаруживаются тогда, когда "евгенисты" начинаютъ разсуждать, какъ уже облеченные властью администраторы и законодатели, когда, настаивая на необходимости властнаго вмѣшательства въ личную жизнь, на необходимости разрыва съ гуманными традиціями и съ соціальными попеченіемъ о бѣдныхъ, они, если можно такъ выразиться, неправильно, не въ надлежащемъ мѣсто помѣщаются тѣтъ большою капиталомъ истины, какой они въ своей теоріи обладаютъ. Конечно, нежелательно, чтобы общество вырождалось, въ частности, чтобы экономически и культурно наиболѣе слабые элементы общества имѣли большое потомство, но эту общую задачу нельзя осуществить простымъ предписаніемъ закона. И правъ потому Вюхерь, говоря, что это путь, на который становится общество периода упадка. Но та же мысль сознательного совершенствованія расы и черезъ него всего общества и его уклада, сдѣлавшись достояніемъ личной свободной воли человѣка, должна стать основной идеей современного человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, каждый человѣкъ долженъ считать себя отвѣтственнымъ за потомство, которое онъ производить, отвѣтственнымъ не только въ экономическомъ отношеніи. Поскольку "евгенисты" ставятъ вопросъ о всесторонней индивидуальной отвѣтственности человѣка за самое существованіе и за судьбы его потомства, — они совершенно правы. Они неправы лишь, поскольку они отстаиваютъ неправильную и грубую форму воплощенія этой идеи, поскольку они этотъ тончайшій вопросъ человѣческой психики относятъ, да позволено будетъ такъ выражаться, къ предметамъ вѣдѣнія полицейского участка, поскольку они плодотворную идею совершенствованія расы облекаютъ въ редакционную форму, ее извращающую.

Итакъ еще разъ, вся жизнь человѣка и въ томъ числѣ, весь общественный процессъ слагаются изъ двухъ равноправныхъ областей, изъ которыхъ каждая имѣть равное право на существованіе: 1) изъ области, которая можетъ бытъ "совершенной радио".

нализирована, какъ субектомъ общества, такъ и, въ частности, субъектомъ хозяйства, и 2) изъ области не поддающейся рационализации, по существу иораніональной").

Идея, что всю жизнь можно рационализировать, идея, поддерживаемая обоими крайними враждующими лагерями: и социалистами, требующими полного и всецѣлаго, въ принципѣ, хозяйственного регулированія, и реакціонерами, настаивающими на этомъ основаніи на уничтоженіи покровительства слабымъ и отмѣнѣ соціального законодательства, идея эта о б ъ е к т и в - но невѣрна. Человѣческая жизнь вся въ цѣломъ — и въ частности соціальная и хозяйственная жизнь — можетъ развить maxимумъсовершенства и maxимумъ творческихъ силъ лишь при условіи совмѣстного дѣйствія планомѣрной и сознательной дѣятельности человѣка и дѣйствія такихъ силъ, которая по самому существу своему рационализации со стороны человѣка не поддается. Эта мысль, конечно, заключаетъ въ себѣ признаніе нѣкой имманентной границы для разумного творчества человѣка. Противъ нея можетъ быть выставлено, и дѣйствительно выставляется, облеченнное въ торжественную и чрезвычайно эфѣктную форму возраженіе, будто не слѣдуетъ людямъ внушать идею, что человѣческий разумъ имѣетъ границы, что подобное подчеркиваніе ограниченности и предѣльности человѣческого разума ведетъ не впередъ, на пути великой борьбы и великихъ достижений, а назадъ, къ застое, къ остановкѣ. Однако, это возраженіе, несмотря на всю свою эфѣктивность и на бесспорное значеніе тѣхъ психическихъ силъ, къ которымъ оно апеллируетъ, опровергается не только объективно, фактами, но и должно быть отвергнуто по соображеніямъ практическимъ. Ни на одну минуту человѣкъ не можетъ допустить мысли, что все поддается его рационализированію; допустить такую силу человѣческого разума значитъ логически-неизбѣжно допустить, что когда-нибудь человѣческое творчество прекратится, разумъ человѣческий иссякнетъ. И символически-характерно, что философъ, учившій о безграничности человѣческого разума, о неизсякаемости его творчества, пришелъ не болѣе, не менѣе, какъ

*) Ср. мою статью "Основной дуализмъ общественно-экономического процесса и идея всмѣстившаго закона" въ "Вопросахъ философии и психологіи" за 1908 г. 2-ая глава изъ книги "Хозяйство и цѣла".

зъ отрицанію этого тезиса. А именно Гегель въ концѣ концовъ вообразилъ, что философское развитіе закончилось его системой.

Проблема раздѣленія труда затмняется, какъ я уже указалъ, тѣмъ, что смыываются различные виды раздѣленія труда, которые надлежитъ различать, относя ихъ къ тѣмъ разнымъ единицамъ, которые мыслятся нами, какъ таковыя. Такъ Бюхерь различаетъ два принципа: 1) соединеніе труда и 2) раздѣленіе труда. Въ свою очередь соединеніе труда раздѣляется на 1) совмѣщеніе труда и 2) совмѣстный трудъ *).

Совмѣщеніе труда имѣть мѣсто, когда одно лицо соединяетъ въ себѣ разные виды труда. Совмѣстный трудъ предполагаетъ соединеніе труда многихъ или нѣсколькихъ лицъ, ихъ сотрудничество, въ выполненіи какой-либо единой трудовой задачи. Бюхерь считаетъ совмѣщеніе труда и совмѣстный трудъ характерными для хозяйствъ бѣдныхъ капиталами, для примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній. Но это — преувеличеніе исторической точки зреінія, ибо совмѣщеніе труда, какъ явленіе примитивного хозяйства, есть лишь одинъ аспектъ совмѣщенія труда вообще; съ другой же стороны, мы можемъ сказать, что сама хозяйственная жизнь рождаетъ совмѣщеніе труда. Итакъ, не только примитивная, но и сложная хозяйственная отношенія рождаютъ то же явленіе, которое подходитъ подъ эту формулу. Въ элементарномъ хозяйствѣ одно лицо выполняетъ тѣ же функции, которая въ настоящее время являются функциями различныхъ лицъ. Но и въ современномъ хозяйстве существуетъ совмѣщеніе труда и оно выражается въ томъ явленіи, которое характеризуется какъ подсобное занятіе или подсобный промыселъ **). Деревня, какъ видно изъ статистики, вовлекается въ этой формѣ въ мѣновой кругооборотъ — и этотъ процессъ приводить къ развитію "подсобного труда". Германская статистика 1895 года показала, что около 5 миллионовъ изъ общаго числа населенія въ 20 миллионовъ имѣли подсобный

*) Этотъ переводъ термина *"Arbeitsvereinigung"* и *"Arbeitsgemeinschaft"* представляется мнѣ гораздо болѣе выразительнымъ, чѣмъ переводъ 1. Кулишера: "сочиненіе труда и" со-трудничество."

**) Ср. монографію Otto Most Der Nebenberuf in seiner volkswirtschaftlichen Bedeutung, 1903.

занятія, причемъ въ процентномъ отношеніи подсобнаго занятія приходились на большия города - менѣе 3 %, на города средней величины - около 5 %, на малыя города - 13,5 %, на города наименьшей величины - почти 20 % и на деревни - почти 19 %. Отсюда явствуетъ положеніе подсобнаго занятія, какъ занятія промежуточнаго между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью. "Подсобный трудъ", который регистрируетъ эта статистика, означаетъ совмѣщеніе занятія сельскимъ хозяйствомъ съ какимъ-либо инымъ промысломъ въ одномъ лицѣ. Почти $\frac{1}{2}$ лицъ, упражняющихъ подсобнаго занятія, падаетъ на жителей деревень.

Далѣе, совмѣщеніе труда обнаруживается и въ современномъ обществѣ, какъ расширеніе сферы женскаго труда. Женское подсобное занятіе есть этапъ въ привлеченіи женщины къ внѣдомашнему труду. Любопытно, что по даннымъ германской статистики число женщинъ, имѣющихъ подсобное занятіе, или вѣрѣже число случаевъ женскаго подсобнаго занятія возрасло съ 1882 по 1895 гг. съ 1.234.711 до 1.746.326, то есть на 511.615, что составляетъ 41,44 %; число мужскихъ случаевъ уменьшилось на 17,85 %. Это, главнымъ образомъ, женщины, занимающія въ хозяйствѣ положеніе членовъ семьи и прислуги. Это значитъ: домохозяйство, устроеніе потребленія и помощь главѣ хозяйства въ его работѣ для этихъ женскихъ членовъ хозяйства не даетъ уже достаточно труда и пропитанія. Такъ вынуждается совмѣщеніе труда. А тѣ, кто занимаются теперь подсобнымъ занятіемъ, вслѣдствіи будутъ заниматься имъ, какъ главными. Такимъ образомъ, совмѣщеніе занятій есть явленіе, характеризующее не только простоту уклада хозяйственной жизни, но и его усложненіе.

Нужно сказать, что съ точки зренія статистики, и въ частности статистики промышленной, занятіе женщины въ домохозяйствѣ, въ устроеніи потребленія, не есть "занятіе". Но съ общей экономической точки зренія и въ особенности съ точки зренія историко-экономической устроеніе потребленія вовсе не можетъ рассматриваться такъ. Оно вовсе не есть "незанятіе". Оно требуетъ массы труда и является именно въ глазахъ экономиста занятіемъ: когда жена или дочь рабочаго, или мелкаго ремесленника, или мелкаго служащаго начинаетъ заниматься на дому работой, которую ей даетъ какой-нибудь предприниматель или

посредникъ, къ ея домашней работѣ присоединяется другая работа, и это есть тоже явленіе совмѣщенія труда.

Это важно отмѣтить потому, что въ связи съ ростомъ населенія, съ его перемѣщеніемъ въ города, съ ростомъ городовъ, съ эмиграціей, съ квартирной нуждой выросла, напримѣръ, вся новѣйшая городская домашняя промышленность: конфекціонная промышленность, производство одежды, прежде всего готоваго платья. Это занятіе съ точки зренія статистики есть не "подсобное занятіе", а главное занятіе. А въ то же время фактически мы тутъ имѣемъ передъ собой явленіе совмѣщенія труда: промысловый трудъ тутъ совмѣщается съ трудомъ донохозяйственнымъ. Это совмѣщеніе труда возникаетъ на почвѣ новѣйшаго капиталистического хозяйства и стоитъ въ связи съ развитіемъ парового транспорта и ростомъ большихъ городовъ.

Таковъ современный новѣйший аспектъ того явленія совмѣщенія труда, которое Бюхеръ, увлекаясь своимъ чрезмѣрнымъ историзмомъ, вдвигаетъ въ рамку примитивныхъ экономическихъ отношеній. Тотъ огромный ростъ женского труда, которымъ отмѣчено новѣйшее экономическое развитіе, поскольку этотъ женскій трудъ есть трудъ женщинъ — матерей, дочерей, сестеръ, — живущихъ съ мужьями, отцами, братьями, и поскольку онъ сочетается съ донохозяйственной работой, означаетъ развитіе совмѣщенія труда.

Рядомъ съ совмѣщеніемъ труда стоитъ совмѣстный трудъ. И о немъ тоже нельзя сказать, чтобы онъ былъ исключительно явленіемъ примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній, какъ стремится показать Бюхеръ. По Бюхеру совмѣстный трудъ имѣть три основы: 1) особый душевный строй работника, препятствующій ему длительно работать въ одиночку; недостатокъ дисциплины одиночного труда, 2) недостатокъ физической силы, не позволяющей осилить данную трудовую задачу силой одного человѣка, 3) техническія условія, которые приводятъ къ тому, что одна работа не можетъ быть произведена безъ другой, отъ нея отличной, безъ соединенія трудовыхъ процессовъ. Этими тремъ основаніямъ соответствуютъ три вида совмѣстного труда: 1) работа компаний или хоромъ ("Gesellschaftsarbeiten", "gesellige Arbeit"), 2) работа кучей или скопомъ, 3) связанная работа или работа цѣпью.

Работа компаний или хоромъ имѣть место въ томъ случаѣ, когда нѣсколько работниковъ соединяются во время работы, при-

чемъ, однако, каждый работаетъ самостоѧтельно. Исключительная цѣль подобнаго соединенія - психологическая: быть въ обществѣ во время работы, имѣть возможность при желаніи поговорить, не оставаться со своими мыслями наединѣ.

"Работа въ компаніи имѣеть мѣсто, когда нѣсколько работавшихъ соединяются вмѣстѣ, причемъ работа каждого нѣсколько не зависитъ отъ хода работы другихъ. Каждый, следовательно, работаетъ самостоѧтельно съ любой скоростью. Исключительная цѣль этихъ соборищъ - быть въ компаніи во время работы, говорить, шутить, пѣть и не оставаться со своими мыслями наединѣ.

Ученый, который лучше всего работаетъ въ полномъ уединеніи и тишинѣ, слыша это, пожметъ, быть можетъ, съ сожалѣніемъ плѣчами и не найдетъ этотъ предметъ достоиннымъ вниманія. Но кто хоть разъ наблюдалъ толпу деревенскихъ бабъ за трепаньемъ лына или за полосканіемъ бѣлья на рѣчкѣ, кто прислушивался къ странствующимъ рабочимъ, полюющимъ сѣпу, или къ жнецамъ за работой, кто слышалъ пѣніе маляровъ или итальянскихъ работницъ на виноградникахъ, тотъ совсѣмъ иначе отнесется къ этому. Чѣмъ ниже ступень развитія, на которой находится человѣкъ, тѣмъ труднѣе для него одному усидчиво и регулярно работать.

Лучшимъ же доказательствомъ значенія работы въ компаніи является то, что она почти посюду на земномъ шарѣ получила своеобразную организацію. Напомню мѣста общественныхъ работъ и общинные дома дикарей, свѣтелки русскихъ кустарей, прядильни, въ которыхъ сходятся наши деревенскія дѣвушки...")

Чисто психологическая основа подобнаго соединенія трудающихся заключается въ исторически обусловленномъ недостаткѣ дисциплины труда въ одиночку. Занятнѣй, пріятнѣй работать вмѣстѣ съ другими, разъ присутствіе другихъ, работа рядомъ съ другими, не отзывается вредно на достижениіи результата. Это психологическое основаніе лѣтаетъ на всѣхъ ступеняхъ развитія.

Подъ работой кучей или скученіемъ работы Бюхеръ разумѣеть тотъ случай, когда пускается въ ходъ нѣкоторое множество однородныхъ рабочихъ силъ для достижениія какой-либо единой трудовой задачи, напримѣръ, для нагрузки большой тяжести, передвиженія балки, кошенія луга, травли во время охоты и др.

*) К. Бюхеръ. - Возникновеніе нароонаго хозяйства.

"Работа сама по себе можетъ быть и по силамъ одному человѣку, но если онъ не можетъ исполнить ее въ определенное время, то приложеніе нѣсколькихъ рабочихъ силъ является уже болѣе выгоднымъ. Это особенно важно при такихъ работахъ, которые связаны съ определеннымъ временемъ года или зависятъ отъ погоды. Соціальныя условія также могутъ вызвать необходимость ускоренія работы").

Соціальную форму или организацію такой работы Бюхеръ видѣтъ въ, такъ называемыхъ, помочахъ или толокѣ. Однако, совершенно очевидно, что помочи или толока есть соціально - бытовой институтъ, который можетъ, такъ сказать, сопровождать любое взаимодѣйствіе людей въ труде. Конечно, работа кучей можетъ обусловливаться исторически, но она существует и тогда, когда необходимо множество силъ, чтобы преодолѣть препятствія, встрѣчающіяся при выполненіи какой-нибудь единой задачи. Работа кучей существует на всѣхъ ступеняхъ хозяйства, при чёмъ разумѣется понятно, что съ развитіемъ техники это концентрированіе трудовыхъ усилій можетъ принимать разнообразныя новыя формы, но поскольку существует необходимость такой концентраціи рассматриваемая форма совмѣстнаго труда всюду наблюдается.

Связанную работу Бюхеръ понимаетъ такъ: "Нѣкоторые виды дѣятельности требуютъ одновременного выполненія нѣсколькихъ различныхъ работъ. Эти работы дополняютъ другъ друга (дополнительные работы) и, такъ какъ они никакимъ образомъ не могутъ быть выполнены однимъ рабочимъ, то необходимо соединить въ одну расчлененную, но нераздѣльную группу нѣсколькихъ разнородныхъ рабочихъ. Такая группа при лѣсныхъ работахъ въ Баваріи и Австріи называется "пассъ", въ другихъ мѣстахъ - рота, труппа, банда..

Добывающая промышленность представляетъ не мало примѣровъ такой организаціи труда. Такъ, при уборкѣ съ поля сѣна или хлѣба нагружающіе, подающіе и сгребающіе остатки рабочіе, а при вязкѣ - сноповязы и податели представляютъ нераздѣльную группу; при жатвѣ необходимо еще одно лицо, для того, чтобы сгребать ее, а при копкѣ картофеля - для собранія остатковъ. Изъ области промышленности можно привести слѣдующіе примѣры: куз-

*) К. Бюхеръ. - Возникновеніе народного хозяйства.

подъ и расстягивъ, раздувающій огонь; мальчики-шестерни, волочащій веревки, и тотъ, который наматываетъ ихъ на колесо; рабочій, который кладетъ стѣну, и помощникъ, подающій ему кирпичи; рабочій, мостящій улицу, и другой, утрамбовывающій ее. Изъ другихъ областей: поваръ и вертельщикъ; кравчій, лакей и дворникъ; въ конкѣ - кучерь и кондукторъ, въ лодкѣ - гребецъ и рулевой, затѣмъ - охотникъ и погонщикъ, надувальщикъ мячовъ и органистъ, барабанщикъ и флейтщикъ, театральная труппа, оркестръ. Перечень этотъ можно было бы продолжить и дальше.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ работами, возникшими путемъ раздѣленія труда и затѣмъ соединенными, а съ совершенно разнородными дѣйствіями, которая не могутъ существовать каждое въ отдельности и поэтому всегда совершаются одновременно. Успѣшность каждой изъ этихъ работъ зависитъ отъ всѣхъ прочихъ, бѣзъ сїи содѣйствуютъ другъ другу и лишь всѣ вместе составляютъ одно цѣлое. Въ виду этого, участвующіе въ работѣ должны приспособливаться другъ къ другу; они должны работать рука объ руку, и каждый въ отдельности ничего сдѣлать не можетъ. Его трудъ самъ по себѣ не имѣлъ бы никакого значенія" *).

Несино и несостоятельно тутъ противопоставленіе связной работы раздѣленію труда. Связная работа можетъ быть именно раздѣленіемъ труда - путемъ расчлененія самой трудовой задачи. По существу ясно, что задача гребца и рулевого - одна, и когда вы ѿдете одни въ лодкѣ, то вы и гребете и правите. Кучеръ и кондукторъ дилижанса или омнибуса и фактически могутъ быть однимъ и тѣмъ же лицомъ; въ конкѣ это неудобно, а въ трамваѣ и прямо фактически неосуществимо, но принципіально даже и здѣсь это мыслимо. Въ третьемъ изданіи Бюхерь приводить еще такие примѣры связнаго труда: судья и протоколистъ, врачъ и фельдшеръ; но вѣдь мы знаемъ примѣры, когда судья (например мировой) самъ пишетъ протоколы, а врачъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самъ выполняетъ тѣ манипуляціи, которыхъ онъ поручаетъ фельдшеру, если въ его распоряженіи есть таковой.

По существу связный трудъ есть ни что иное, какъ раздѣле-

^{*)} Н. Бюхеръ. - Возникновение народного хозяйства.

ніє труда и принципіальне протиопоставлення одного другому, которое дѣлаетъ Бюхера, несостоительно.

Въ самомъ ученіи о раздѣленіи труда, какъ я уже указалъ, существенно уяснить себѣ, что раздѣленіе (въ смыслѣ процесса и въ смыслѣ комбинаціи, то есть въ смыслѣ дѣленія, которое происходитъ, и въ смыслѣ дѣленія, которое существуетъ) можетъ быть относимо къ тремъ различнымъ "единствамъ": къ обществу, къ хозяйству, къ производственному, или общѣ къ трудовому процессу, единство котораго въ каждый данный моментъ образуетъ известное производственное или трудовое цѣлое. Единства эти суть, конечно, реальная явленія, но въ то же время они и продукты нашего синтеза, въ основу котораго мы кладемъ какой-нибудь опредѣленный признакъ.

"Раздѣленіе труда" внутри общества есть раздѣленіе занятій. Оно не ограничивается экономической областью и тѣсно связано съ явленіями соціального могущества, со всѣмъ соціальнымъ строемъ. "Раздѣленіе труда" внутри хозяйства есть, какъ я уже развивалъ, въ главной своей исторически основной формѣ раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной. При этомъ можно для ясности добавить, что трудъ можетъ быть въ действительности никогда не быть подѣленъ, но онъ всегда былъ раздѣленъ между мужчиной и женщиной.

"Раздѣленіе труда" внутри данного, мыслимаго нами, какъ единый, трудового процесса есть известное приспособленіе и комбинація личныхъ силъ и вещныхъ элементовъ, участвующихъ въ этомъ процессѣ. На этомъ случай раздѣленія труда фиксировала все свое вниманіе политическая экономія. Но именно этотъ случай требуетъ внимательного детальнаго анализа и представляетъ громадную историческую сложность. Эта проблема съ одной стороны соприкасается съ проблемами техники и ея развитія, съ другой стороны переплетается съ проблемой раздѣленія труда внутри общества и съ отношеніями собственности. Необходимъ поэтому чрезвычайно детальный и тонкій анализъ, чтобы уяснить себѣ соотношеніе между явленіями раздѣленія труда, въ точномъ смыслѣ раздѣленія труда внутри данного производственного единства, и тѣми явленіями, которые вырастаютъ на почвѣ специализаціи занятій и на основѣ "распределенія" собственно-

сти и отношений социального могущества. То, что занимает экономистовъ: проблема усложнения и усложненного взаимодействия предпріятій есть не чистая проблема разделенія труда, а сложная переплетенная проблема соотношенія занятій и распределенія собственности.

Такъ, когда, мы нарочно отвлекаемся отъ действительной хозяйственной жизни и беремъ самый простой случай, мы разсуждаемъ о предпріятіи, каковое принадлежитъ одному собственику, въ которомъ собственникъ-предприниматель является душой хозяйства. Въ новѣйшее же время, какъ мы знаемъ, предпріятіе, оставаясь единымъ какъ производственное цѣлое, часто принадлежитъ неопределенному числу лицъ, т.е. съ точки зренія отношеній собственности какъ бы разрѣзается на множество, подчасъ мелкихъ, кусковъ. Такова напримѣръ желѣзная дорога или крупная фабрика, принадлежащая акціонерному обществу. Акціонерные предпріятія съ точки зренія собственности представляютъ нечто совсѣмъ иное, чѣмъ съ точки зренія производства и даже управлениія. А съ другой стороны, единоѣ предпріятіе, принадлежащее одному хозяйственному субъекту, можетъ распадаться на рядъ производственныхъ цѣльыхъ (предпріятіе Круппа, распадающееся на нѣсколько десятковъ Betriebe!).

СОБСТВЕННОСТЬ.

Я въ общихъ чертахъ обозрѣлъ передъ Вами историческая черты тѣхъ явлений, которые объединяются подъ категоріями "потребность" и "трудъ". Теперь по плану я перехожу къ обмѣну. Но обмѣнъ уже предполагаетъ явленіе, представляющее ту особенность, что оно явно стоитъ какъ бы на рубежѣ экономическихъ и юридическихъ явлений. Настоящій обмѣнъ есть нѣ просто перемѣщеніе благъ изъ однихъ рукъ въ другія. Обмѣнъ, это возмездное добровольное перемѣщеніе благъ изъ одного хозяйства въ другое. И такой обмѣнъ предполагаетъ явленіе, которое мы называемъ собственностью. Собственность - понятие юридиче-

ское и въ то же время понятіе и соціально-психологическое, об'ємлющее факты, им'ющіе громадное значение для развитія экономическихъ отношений. Собственность предполагаетъ то, что можно назвать "оккупацией", захватомъ, но правильно замѣчено, что одной оккупацией собственность не можетъ быть исчерпывающимъ образомъ опредѣлена. Для понятія собственности необходимо владѣніе или овладѣніе, то есть, необходимо, чтобы хозяйствующій субъектъ (индивидуъ или группа) не только захватывалъ данный предметъ, но и приводилъ въ движение силы, назначение которыхъ - отстаивать исключительное распоряженіе предметомъ, который данный субъектъ (временно или постоянно) фиксируетъ или эксплуатируетъ. Такимъ образомъ, не вдаваясь въ юридическое разсмотрѣніе вопроса, съ точки зренія экономической можно сказать, что собственность есть оккупация или завладѣніе, въ силу которого одинъ хозяйствующій субъектъ исключаетъ другихъ субъектовъ изъ пользованія даннымъ благомъ или совокупностью благъ. Отсюда ясно, что проблема собственности вообще шире проблемы индивидуальной собственности, съ которой ее часто отождествляютъ или смѣшиваютъ. Болѣе того, проблема собственности, въ томъ экономическомъ смыслѣ, въ которомъ я о ней говорю, возникаетъ не только въ примененіи къ человѣку. Въ нашемъ смыслѣ вполнѣ правомѣрно говорить о зачаткахъ собственности и у животныхъ. Біологи говорятъ даже - и наѣ бѣль оснований - о собственности въ растительномъ царствѣ;нако же, что можетъ показаться прямо смѣхотворнымъ, ставится вопросъ даже о собственности въ минеральномъ царствѣ, у кристалловъ!

Фактъ собственности въ животномъ царствѣ прикрѣпляется совершенно ясно 1) къ пищевой площади - территории охоты, частибы, 2) къ пищевому запасу, 3) къ жилищу, или еще общѣ - къ пріюту. У человѣка собственность прикрѣпляется еще 1) къ орудіямъ и оружію, 2) къ одеждѣ; 3) къ территории не только для охоты и частибы, но и къ агрікультурной площади, равно какъ и вообще къ землѣ въ разныхъ ея назначеніяхъ, 4) въ связи съ землей къ пріюту и жилищу.

Впрочемъ, орудія и оружіе, какъ объекты завладѣнія, встречаются и у животныхъ: мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, у нихъ временное употребленіе предметовъ съ такимъ назначеніемъ. И въ связи съ употребленіемъ такихъ предметовъ возникаетъ и у жи-

вотнихъ ідея о с в о е н і я или исключительного пользова-
нія, лежащая въ основѣ нашего понятія собственности. Дарвинъ
рассказываетъ, что одна обезьяна Лондонскаго зоологического
сада со слабыми зубами не разгрызала орѣхи, а разбивала ихъ
камнемъ. Этотъ камень она прятала и ревниво оберегала отъ дру-
гихъ обезьянъ. Дарвинъ правильно подчеркнулъ, что тутъ мы имѣ-
емъ дѣло съ зачаточной формой идеи и факта собственности.

Обозрѣвая понятіе собственности въ самыхъ широкихъ пер-
спективахъ, мы видимъ, что собственность колективная и соб-
ственность личная не суть двѣ стадіи одного соціального явле-
нія, а суть какъ бы два параллельныхъ и нерѣдко совершенно
независимыхъ "проявленій" одного общаго "начала", пріурочи-
мого къ различнымъ субъектамъ хозяйства. Біологически соб-
ственность вытекаетъ изъ потребности самосохраненія; отсюда —
собственность на предметы потребленія, на запасы пищи. Отсюда
же собственность на пріютъ и жилище. Эти первичные виды соб-
ственности принимаютъ индивидуальную, семейную или обществен-
ную форму, соотвѣтственно тому, кто является носителемъ "са-
мосохраненія", индивидъ, семья, которая является выраженіемъ
факта размноженія, основанаго на половомъ инстинктѣ, или, на-
конецъ, какая-нибудь общественная группа, продуктъ чистаго
обобществленія. Эти три формы, или три линіи собственности
параллельны и даже часто независимы одна отъ другой. Итальян-
скій ученый Петруччи, занимавшійся изслѣдованіемъ явлений соб-
ственности въ растительномъ и животномъ царствахъ*), даетъ та-
кую общую соціологическую характеристику явлений собственности:

1) Собственность есть явление тѣсно связанное съ первыми
обнаруженіями Жизни; это положеніе есть лишь другое выраже-
ніе того, что я сказалъ выше, а именно, что собственность вы-
текаетъ изъ біологического факта самосохраненія.

2) Она прежде всего есть явление индивидуальное и явленіе
индивидуального приспособленія.

3) Она принимаетъ форму индивидуальную, когда она опредѣ-
ляется біологическимъ закономъ самосохраненія индивида.

*) R.Petrucci. Les origines naturelles de la proprieté.
Essai de sociologie comparée. Bruxelles - Leipzig, 1905.

4) Она принимает семейную форму, когда она определяется законом самосохранения вида, осуществляющегося на основе полового инстинкта.

5) Она принимает форму колективную, когда она определяется законом самосохранения вида, осуществляющегося в явлениях обобществления, независимых от семейной группировки.

6) Индивидуальная, семейная, колLECTирная формы собственности суть специфически различные формы:

а) индивидуальная форма характеризуется тем, что она отражает строение и деятельность животного, всякого изолированно;

в) семейная форма характеризуется преобладанием тенденций обобществления, которая ограничивается прямой родственной связью;

с) форма коллективная характеризуется безусловным преобладанием тенденций обобществления.

Такова общая схема этого правового института, развертывающегося въ тонкія и сложные системы.

Выше я указалъ, что орудія и оружіе, спорадическія примененія которыхъ встречаются въ животномъ царствѣ, все таки есть въ общемъ и цѣломъ нечто специфически человѣческое. Недаромъ Франклінъ назвалъ человѣка "toolmaking animal" "животнымъ, дѣлающимъ орудія". Животные приспособлялись къ борьбѣ за существование темъ, что всякому новому врагу или предшествователю животное должно было противопоставить развитие и усовершенствование своихъ органовъ, частей своего тѣла (когти, рога, ноги!), то есть, оно должно было приспособляться къ новой обстановкѣ преобразованіемъ своего тѣла. Человѣкъ, съ того момента, какъ онъ совершилъ рѣмітельный шагъ, ставъ на заднія конечности, началъ реагировать на природную обстановку не преобразованіемъ своего тѣла, не приспособленіемъ своихъ органовъ, а изобрѣтеніемъ орудій и оружія, одежды и жилища.

И въ силу этого человѣкъ вышелъ и въ біологическомъ смыслѣ изъ состава животного царства, - ибо такой способъ реакціи на природную обстановку есть фактъ и біологический значительный и основной.

Съ точки зренія собственности орудіе и оружіе, а также

одежда имѣть потому огромное значение, что будучи, такъ сказать, продолженіемъ тѣлесной личности человѣка, они составляютъ первое и естественное воплощеніе идеи собственности и притомъ по преимуществу собственности личной. Личный характеръ этой собственности выражается въ томъ, что иногда, она умираетъ вмѣстѣ съ владельцемъ — известно, что эта собственность слѣдуетъ за собственникомъ въ могилу. Существуетъ ритуалъ, согласно которому орудія и оружіе кладутся въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ собственникомъ ихъ и порибаютъ, какъ таковыя, для потомковъ, возникая въ отдаленномъ будущемъ вновь лишь, какъ материалъ этнографическихъ и археологическихъ изслѣдований и догадокъ.

Не слѣдуетъ однако преувеличивать отмѣченного момента, такъ какъ рядомъ съ нимъ существуетъ уже на первыхъ ступеняхъ и передача собственности по наслѣдству. При этомъ личная собственность не умираетъ съ собственникомъ, а лишь мѣняетъ личность собственника.

И одежда является личной собственностью по преимуществу, что стоитъ въ связи съ той функцией, которую она выполняетъ. Конечно, одежда есть непосредственно результатъ приспособленія къ внешней природной обстановкѣ, къ данной географической, и прежде всего климатической, средѣ и въ этой своей функции она даже приближается къ элементарнымъ приспособленіямъ животныхъ, возникающимъ по тѣмъ же мотивамъ; такъ, напримѣръ, часто люди одѣваются не одежду, а покровъ изъ травы, чтобы предохранить себя отъ очень сильного дѣйствія дождя, то есть обращаются къ тѣмъ же мѣрамъ. какія очень нерѣдко примѣняютъ и животныя. Но, съ другой стороны, одежда — какъ я уже на это указывалъ и подробно развивалъ при изученіи исторіи потребностей — служить потребностямъ крайне и исключительно индивидуалистическимъ; отличія, выдѣленія. И не случайно поэтому къ ней прикрѣпляется фактъ и институтъ индивидуальной собственности.

Я указалъ, что обмѣнъ мыслимъ и фактически осуществляется лишь на основѣ факта и идеи собственности; съ другой стороны, можно категорически установить, что ни личная, ни какая другая собственность не есть вовсе сама по себѣ явленіе высокой культуры. Здѣсь можно установить общее положеніе: въ разные

періоды идея собственности имѣть разныя сферы, разный объемъ.

Какъ собственность, такъ и опирающійся на нее обмѣнъ образуетъ нечто основное и неразрывно связанное со всѣми хозяйственными бытомъ-человѣка уже на очень раннихъ его стадіяхъ. Только привычка отъ конкретныхъ впечатлѣній очень скоро за-ключать къ общимъ и основнымъ чертамъ создала ту тенденцію мысли, при которой первобытный хозяйственний строй рисуется чертами противоположными современному хозяйственному строю. И эта особенность рѣзко сказалась въ ученихъ объ обмѣнѣ. За основѣ свѣдѣній путешественниковъ, которые въ 17 - 18 вѣкахъ впервые столкнулись съ первобытными народами, на основѣ ихъ впечатлѣній, не подвергавшихся анализу и сортировкѣ, возникъ предразсудокъ, что первобытные народы не имѣютъ представлѣнія объ обмѣнѣ.

Нужно сказать, что вообще науки въ этомъ отношеніи не позволило: когда европейцы столкнулись съ первобытными народами, они не только не выработали методовъ изученія этихъ объектовъ, но даже не умѣли и не могли объективно отнести къ открывшемуся передъ ними новому миру явлений: они просто регистрировали все, что поражало ихъ, что производило на нихъ впечатлѣніе, что "лѣзло имъ въ глаза". Работа критического наблюденія и систематического изученія этихъ фактовъ могла начаться лишь тогда, когда самій матеріалъ весьма сильно сократился: некоторые изъ первобытныхъ племенъ исчезли или "угасли", соприкосновеніе другихъ съ европейцами видоизмѣнило самій матеріалъ наблюденія. Въ силу всего этого создалось и поддерживается до сихъ поръ примитивное противопоставленіе первобытныхъ народовъ развитымъ, противопоставленіе, не выдерживающее научной критики. Между прочемъ Бюхеръ, полемизируя съ А. Смитомъ, отрицаєтъ наличие самого феномена обмѣна на всѣхъ ступеняхъ экономического развитія, при чёмъ онъ отправляется отъ некритическихъ представлѣній европейцевъ, столкнувшихся съ первобытными племенами. Но даже эти некритическія наблюденія должны были бы наводить на некоторыя сомнѣнія въ данномъ отношеніи: съ одной стороны, говорятъ, первобытные люди не имѣютъ представлѣнія объ обмѣнѣ, а съ другой - несомнѣнныи факты доказываютъ, что первобытные люди, наоборотъ, проявляютъ такое

пониманіе экономическихъ явленийъ, какое заставляетъ сомнѣваться въ отсутствіи у нихъ представлений объ обмѣнѣ. Мы знаемъ, что при своихъ столкновеніяхъ съ европейцами первобытные люди оказывались глупыми и свои продукты - цѣнныѣ и высококачественные - охотно отдавали за разные европейскіе пустяки. Но тѣ же наблюдатели сообщаютъ, что когда предложеніе европейцевъ расло, когда предлагаемая имъ дребедень съ избыткомъ покрывала спросъ на нее, первобытные переставали быть глупыми, начинали разсуждать и действовать совсѣмъ по-цивилизованому. Обнаруживалось дѣйствіе "закона спроса и предложенія": спросъ уменьшился, а предложеніе расло, и капитаны европейскихъ судовъ вынуждены были регламентировать торговля сношенія экипажа съ первобытными, дабы не портить рынка. Здѣсь, какъ мы видимъ, обнаруживались какіе-то общіе мотивы, лежащіе въ основѣ явлений обмѣна. Либо первобытные люди оказывались очень сообразительными, либо утвержденіе, что идея обмѣна чужда первобытному человѣку, вообще смахиваетъ на легенду.

Систематическое и критическое истолкованіе фактовъ приводить къ совершенно не тѣмъ выводамъ, какіе установилъ Бюхеръ. Замѣчу, что Бюхеръ, между прочимъ, пользуется и такимъ аргументомъ: слово "обмѣнъ" (Fausch) въ немецкомъ языкѣ филологически связано со словомъ "обманъ" (tauschen). Аргументъ этотъ, очень сильный съ первого взгляда, на самомъ дѣлѣ есть просто плодъ плохой освѣдомленности Бюхера. Слово *tauschen* довольно поздняго происхожденія и не можетъ вовсе служить доказательствомъ того, что первобытное сознаніе воспринимало обмѣнъ, какъ обманъ. Наоборотъ, латинское слово *pretium* - цѣна восходитъ къ корню, который означаетъ равенство или эквивалентность. Это сближеніе указываетъ, что въ характеристику обмѣна входитъ основной чертой эквивалентность, то есть равенство, а равенство предполагаетъ справедливость и лояльность обмѣна. Происхожденіе слова обманъ отъ слова обмѣнъ относится къ той категоріи явлений, которая некоторые современные языковѣды характеризуютъ, какъ ухудшеніе или пейоризацию понятій. Слова меняютъ свое значеніе и приобрѣтаютъ при этомъ иногда неблагопріятный, худшій смыслъ, претерпѣваютъ "порчу". Такъ "демонъ", слово, значеніе котораго въ наше времѧ совершенно устойчивое и опредѣленное - злой духъ, въ древности, у грековъ -

ковъ, имѣлъ значеніе и Божества. Или изъ другой области: отъ корня шеге ("заслуга") отвѣтвляется понятіе и слово "проститутка" - *meretrix*. Однимъ словомъ, расхожденіе значенія словъ въ разныя стороны является широко-наблюдаемымъ фактомъ. При пользованіи подобными филологическими аргументами слѣдуетъ всегда проявлять большую осторожность и остерегаться скороспѣльныхъ выводовъ и сближеній, какъ - бы они ни были соблазнительны.

Гораздо болѣе критическому пониманію соотвѣтствуетъ то предположеніе, что обмѣнъ именно первоначально воспринимался, какъ обмѣнъ эквивалентовъ, и лишь затѣмъ, впослѣдствіи къ этому значенію приводятъ, примыкаются тѣ элементы, которые сближаютъ обмѣнъ съ нелояльнымъ дѣйствіемъ обмана.

Въ настоящее время мы можемъ совершенно категорически утверждать, что всѣ первобытные народы знаютъ обмѣнъ, либо между разными племенами, либо внутри единаго племени. И характеръ лояльности акта обмѣна подчеркивается довольно ясно нѣкоторыми психологическими особенностями, которыхъ свойственны обмѣну рассматриваемой эпохи. Первоначальный обмѣнъ рассматриваемый со стороны формальной - и это существенно и характерно для его психологіи - есть нѣчто промежуточное между дареніемъ и куплей-продажей. Первобытный человѣкъ гораздо деликатнѣе, въ известномъ смыслѣ, современного человѣка: онъ стремится не продать свое благо ближнему, а подарить его; но у него при этомъ наивная задняя мысль, которой онъ отличается отъ современного человѣка: въ его правосознаніи присутствуетъ идея, что если онъ подарилъ, то не только психологически возможно, но и обязательно, чтобы одаренный его отблагодарилъ.

Теперь мы, получая подарокъ, ограничиваемся благодарностью; впрочемъ въ "бытовомъ" сознаніи даже современного человѣка продолжаетъ жить идея, что должно "отблагодарить", что даритель въ свою очередь долженъ быть одаренъ. Переходитъ этой идеи особенно сильно сказывается еще и въ наше время въ дѣтской психикѣ. Такимъ образомъ обозначить такія сдѣлки просто какъ дареніе, было бы невѣрно: это - именно промежуточная

форма, — юридическая сделка, стоящая посредине между даромъ и обмѣномъ. Постольку эти акты напоминаютъ даръ, поскольку они выступаютъ какъ односторонніе акты; самая односторонность, однако, не полная: она выступаетъ на фонѣ психологіи ожиданія и обязательности встрѣчного дара. И наличность подобныхъ психологическихъ элементовъ даетъ намъ право трактовать это явленіе даренія, какъ дареніе — мѣну.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ЦѢНИ — ЦѢННОСТИ.

Послѣдовательность реальныхъ явлений, объемлемыхъ понятіемъ цѣны — цѣнности съ эмпирической точки зрѣнія можетъ быть двоякая: I) оцѣнка (субъективная) — рыночная цѣна = цѣнность (типическая), или же II) оцѣночное велѣніе власти = нормативная цѣнность — цѣна.

Отсюда яствуетъ, что оцѣнка можетъ выливаться, или реализоваться прямо и просто въ уравненія цѣны или въ мѣновые пропорціи; или же велѣніе власти непосредственно или посредст-венно черезъ типическую цѣнность можетъ создавать нормы, которые признаются нормами мѣновыхъ актовъ. Согласно этимъ нормамъ должны строиться отдельные мѣновые пропорціи.

То, что принято въ современной литературѣ трактовать подъ заголовкомъ "субъективная цѣнность", есть психологіческій процессъ оцѣнки. Когда этотъ процессъ приводить къ мѣновому акту, мы имѣемъ передъ собой явленіе цѣны. Это явленіе по существу и интересуетъ экономиста. Рядомъ съ цѣнной, надъ нею, или подъ нею не существуетъ никакого другого реальнаго экономического явленія. Цѣнность есть либо прямой приказъ о цѣнѣ, то есть назначенная "уставная" или "указная" цѣна, либо отвержденіе некотораго множества свободныхъ цѣнъ въ одѣночную среднюю. Цѣнность, какъ нечто отличное отъ цѣны, отъ нея независимое, ее опредѣляющее, есть фантомъ. Созданіе этого фантома вытекло изъ неискоренимой на извѣстной ступени научнаго развитія метафизической потребности — субстанціализировать и вообще фи-

коировать текучія явищія и отношенія, которые предстоить намъ въ видѣ многообразныхъ и колеблющихся цѣнокъ и цѣнъ; хотѣлось сквозь эту пеструю "внѣшнюю" сѣть пробиться къ чему-то одиночному и твердому, къ "неподвижной", "внутренней" цѣнности. Отношеніе между метафизически-объективной, субстанціальной теоріей цѣнъ - цѣнности и эмпірически субъективной психологіческой теоріей представляетъ съ точки зрењія общаго типа научной мысли, поразительную аналогію съ отношеніемъ между объясненіемъ горѣнія при помощи знаменитой теоріи флогистона, или явлений теплоты при помощи теплорода, и современными воззрѣніями химіи и физики на процессъ горїнія и на явленія теплоты. Категорія объективной цѣнности есть лишь, такъ сказать, метафизическое удвоеніе категоріи цѣнъ. Соотношеніе между цѣной, какъ фактомъ, и цѣнностью, какъ нормой, есть проблема историко-соціологического изученія. Въ такомъ пониманіи цѣнъ и цѣнности между этими понятіями устанавливается связь, соответствующая реальному соотношенію явлений.

Свободному образованію цѣнъ соответствуетъ та цѣна, которую, слѣдя красивому и давнему русскому словоупотребленію, мы назовемъ цѣной вольной; соціальному регулированію цѣнъ величиемъ власти соответствуетъ цѣна регулированная, нормированная, фиксированная; слѣдя выразительному словоупотребленію русскихъ памятниковъ права XVII вѣка, мы назовемъ ее цѣнной указаной. Возникаетъ вопросъ объ историческомъ соотношеніи этихъ двухъ формъ цѣнъ.

Цѣна указаная и цѣна вольная.

Существуетъ взглядъ, согласно которому соціальное регулированіе цѣнъ предшествуетъ ея индивидуальному установлению: указаная цѣна старше вольной. Историческое изслѣдованіе не подтверждаетъ этого пониманія, наоборотъ оно говоритъ, что цѣна образуется на такъ или иначе существующемъ, или слагающемся въ каждый данный моментъ рынкѣ.

Соціальному регулированію известную аналогію представляеть регулированіе обязательствъ, возникающихъ изъ правонарушений. Очень любопытно, что, для вознагражденія за правонарушеніе и цѣны употребляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ одно и то же слово. Какая же эволюція происходитъ съ регулированіемъ вознагражденія этого рода? Схема развитія такова: уплата штра-

фа первоначально производится по добровольному соглашению к свободное договорное возмездие лишь постепенно превращается в возмездие нормированное или регулированное, приобретающее публично-правовой характер.

Но мы имеем и другія доказательства того положенія, что вольная цѣна предшествуетъ указанной. Открытый значаій XX вѣка древнійший писанный памятникъ права, законъ вавилонскаго царя Хаммураби, относящійся, какъ известно, къ эпохѣ приблизительно за 2100 лѣтъ до Рождества Христова, заключаетъ легальные тарифы для услугъ разнаго рода. И вотъ чрезвычайно характерно, что тѣхъ тарифовъ вознагражденія за услуги, которые мы находимъ въ кодексѣ Хаммураби, есть въ еврейскомъ правѣ. Между тѣмъ еврейское право, будучи по времени позднѣйшимъ, чѣмъ законъ Хаммураби, весьма ему родственнымъ памятникомъ права, соответствуетъ гораздо болѣе примитивнымъ общественнымъ отношеніямъ и менѣе развитому хозяйственному укладу. Явление указанной цѣны у евреевъ весьма слабо выражено и отсту-паетъ далеко на задній планъ предъ цѣнной вольной, и этимъ болѣе примитивное еврейское право отличается отъ болѣе сложнаго вавилонскаго права. Чѣмъ болѣе мы подвигаемся по лѣстницѣ, уводящей насъ отъ болѣе примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній и примитивного правообразованія, тѣмъ чаще мы встречаемся съ явленіями тарификаціи цѣнъ, съ феноменомъ указанной цѣны. Въ первоначальномъ римскомъ правѣ мы вовсе не встречаемъ регулированія цѣнъ: есть свободное взаимодѣйствіе встречающихся въ обо-ротѣ лицъ. Для дѣйствительности сдѣлки требуется лишь фор-мальныя условія: сдѣлка считается законной, если выполнены оп-редѣленія формальности, даже при явно несправедливомъ со-держаніи самой сдѣлки. Въ этомъ отношеніи римское право широ-ко толковало свободу договорныхъ отношеній въ сферѣ купли-про-дажи. Это широкое толкованіе жило такъ далеко, что свобода до-говорныхъ отношеній тутъ соприкасалась съ дозволительностью обмана. "Естественно и дозволительно при куплѣ-продажѣ обма-нивать другъ друга" говорить Помпраній. "Подобно тому, какъ при куплѣ-продажѣ естественно и допустимо продавать что-либо за цѣну, болѣе высокую, чѣмъ оно того стоитъ, и такимъ обра-зомъ обѣгоривать другъ друга, такъ же правомѣрно это и при отдаче чего либо въ наемъ" — заявляетъ другой римскій юристъ Павелъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что римское право

охраняло покупателя, устанавливая строгую ответственность за фактическую и правовую доброкачественность продаваемого объекта, эта охрана никогда не шла такъ далеко, чтобы устанавливать цѣны и никогда не оспаривала права свободного установления цѣны. Римское гражданское право совершенно равнодушно винило въ борьбу контрагентовъ за цѣну и въ нее не вмѣшивалось.

Диѣнь гораздо позже въ томъ же римскомъ правѣ мы встрѣчаемся съ регулированіемъ цѣнъ, но примѣнительно къ той области, где выступала точка зренія интереса общественного цѣлаго: греческое и римское право никогда не сомнѣвалось въ томъ, что государство (власть) имѣть право и обязано вторгаться въ установление цѣнъ на предметы первой необходимости, массового потребленія. Но регулированіе подобныхъ цѣнъ переводить настѣр уже изъ среды гражданского права въ сферу права полицейскаго. По мѣрѣ того, какъ власть расширяетъ свой кругозоръ, она раздвигаетъ область применения подобного регулированія, исходный пунктъ, которой относится къ регулированію хлѣбныхъ цѣнъ. Регулированіе хлѣбной торговли мы встрѣчаемъ въ древнемъ мірѣ и оно представляетъ совершенно законченную систему въ Греціи, въ частности въ Афинскомъ государствѣ. Еще до открытия (въ концѣ 19 вѣка) трактата Аристотеля о государствѣ Афинскомъ, мы узнаемъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ, что для надзора за снабженiemъ потребителей хлѣбомъ въ Афинахъ были созданы особия должностные лица, отличные отъ лицъ, выдавшихъ прочія рыночные дѣла. Эти хлѣбные надзиратели призваны были заботиться о томъ, чтобы верно на рынкѣ продавалось справедливо, а затѣмъ, чтобы мельники продавали муку соотвѣтственно цѣнѣ ячменя, а пекари хлѣбъ – соотвѣтственно цѣнѣ пшеницы и согласно установленному вѣсу, ибо законъ предписываетъ имъ регулировать все это. Здѣсь мы находимъ прообразъ всего законодательства о хлѣбной торговлѣ, и среднихъ вѣковъ и новаго времени.

Регулированіе цѣнъ не ограничивается цѣнами на хлѣбъ, а распространяется на цѣны другихъ благъ, напримѣръ, топлива. И какъ разъ при регулированіи цѣнъ на топливо передъ нами впервые въ исторіи выступаетъ интересное явленіе точно установленной пѣни, явленіе *price – fixe*. Государство предписываетъ продавать топливо не выше и не ниже определенной цѣни. Любопытно, что при этомъ возбранялось продавать не только дороже, но и дешевле назначенной цѣни. Почему не дешевле? Вѣдь здѣсь регу-

ириутъ цѣнѣ не продавцы, а само государство. здесь обозначается своеобразное пониманіе интересовъ потребителей: это - поліцейско-правовая тенденція, направленная на охрану потребителя - покупателя - предъ лицомъ продавца; послѣдній не въ правѣ дифференцировать цѣну, каково бы ни было соціальное положеніе покупателей. Такимъ образомъ, то, что теперь рассматривается, какъ теоретической постулатъ - единство цѣны - осуществляется на рынкѣ, какъ вѣнѣніе государственной власти. Итакъ, въ области снабженія общества благами, въ потребленіи которыхъ жизненнымъ образомъ заинтересовано все общество, выступаетъ поліцейское регулированіе цѣны. Но это явленіе уже сильной государственной власти и потому явленіе позднѣйшее. То, что это регулированіе распространяется на объекты, въ коихъ заинтересовано все общество, обусловливаетъ регулированіе нѣкоторыхъ платъ за услуги.

Античный міръ почти не зналъ регулированія заработной платы и не нуждался въ такой нормировкѣ. Однако, некоторые начатки такой нормировки могутъ быть констатируемы и въ античномъ мірѣ. Въ частности, когда услуга известного рода предполагаетъ известную общественную заинтересованность, мы видимъ государственное поліцейское регулированіе цѣнъ на услуги подобного рода. Такъ Аристотель разсказываетъ, что оплата артистокъ подвергалась нормированію. "Десять астиномовъ (особые органы надзора): пятеро изъ нихъ управляютъ въ Пирѣ, пятеро въ городѣ; сми слѣдятъ за флейтиками, эрфистками и киаристками, чтобы они занимались не дороже, чѣмъ за двѣ драхмы, и, если нѣсколько человѣкъ захотятъ имѣть одну и ту же, то астиномы устраиваютъ жребій и даютъ ее въ наемъ тому, на кого выпалъ жребій". Рѣчь идетъ объ "артисткахъ", функции которыхъ соприкасались, съ одной стороны, съ богослуженіемъ, съ другой, - съ проституціей и, согласно возврѣнію грековъ, на основаніи обоихъ этихъ назначеній, рассматривались, какъ функции, въ которыхъ было заинтересовано все общество. По одной надписи было нормировано вознагражденіе банчиковъ.

Въ этихъ обоихъ случаяхъ: и въ вопросѣ о вознагражденіи "артистокъ", которые были въ то же время проститутками, и въ нормировкѣ вознагражденія банчиковъ, мы имѣемъ дѣло не съ чистыми гражданско-правовыми отношеніями, а съ такими отношеніями.

которая рассматривалась подъ сакрально-полицейскимъ угломъ зренія. Это была область культа и порядка.

Въ общемъ и цѣломъ мы можемъ сказать, что именно въ практикѣ греческаго города-государства слагается фактъ и идея указанной цѣни и въ связи съ этимъ и фактъ и идея "справедливой" цѣни. И первымъ въ литературѣ экономической политики выразителемъ идеи справедливой цѣни является Платонъ, формулировавшій въ своихъ "законахъ" эту идею, которая сыграетъ такую огромную роль въ средневѣковой христіанской экономически-правовой идеологии. Соціально-политическая представленія, группирующіяся вокругъ идеи справедливой цѣни, отражая современную Платону греческую практику, передались по наслѣдству и практикѣ Рима и развились тамъ въ сложную законченную систему, знаменитымъ памятникомъ которой является Діоклещіановъ тарифъ. Діоклещіановъ тарифъ — распись максимальныхъ цѣнъ для самыхъ разнообразныхъ благъ, числомъ около 800, начиная съ цѣнъ ячменя, мяса и кончая цѣнами услугъ учителей математики и адвокатовъ, изданный формально для всей имперіи и ка въ времена. Это — памятникъ исключительный во всей мировой истории. Идея регулированія цѣнъ на всѣ времена, конечно кажется несообразной, но въ этомъ отношеніи Діоклещіановъ эдиктъ, конечно, оказался бумажнымъ, хотя и былъ написанъ на камняхъ.

Такимъ образомъ полицейское регулированіе цѣнъ сопровождается идеологіей справедливой цѣни, подготовляется въ греко-римскомъ мірѣ, и когда христіанство въ лицѣ его учителей и въ лицѣ власти принимаетъ эти идеи, оно лишь перерабатываетъ то, что было создано языческимъ міромъ, "христіанизируя" его причины. Такъ создалась средневѣковая практика и идеология справедливой цѣни. Въ средніе вѣка продолжается та же практика регулированія цѣнъ, исходящая отъ власти. Не вдаваясь въ подробную характеристику этой политики, скажемъ, что регулированіе цѣнъ властью всегда стояло — сознательно или бессознательно — въ зависимости отъ стихійного процесса образованія цѣнъ. Стихійный процессъ образованія цѣнъ былъ сильнѣе регулированія цѣнъ властью. Такъ было и съ Діоклещіановымъ эдиктомъ 301 года, гдѣ указные цѣны были построены на основѣ рыночныхъ цѣнъ. Въ этой зависимости указанной цѣни отъ рыночной выражается основной исторический фактъ исторического первенства вольной цѣни надъ указанной и основной экономической

фактъ, что цѣна есть стихійный процессъ столкновенія воль и интересовъ и въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть продиктована жизніи извнѣ. И если власть желаетъ овладѣть рынкомъ, ей приходится взять цѣну, какъ сна складывается на рынкѣ и превратить въ норму.

Областю, въ которой специально развивается и выпускло выступаетъ фактъ указанной цѣны, является область денежнаго обращенія. Тесная связь денежнаго обращенія съ указанной цѣнной привела даже къ теоріи, что деньги образуются на основѣ первоначального господства указанной цѣны, на основѣ соціального регулированія цѣнъ. Было подмѣчено, что тамъ где нѣтъ металлическихъ денегъ, создается все таки скала цѣнностей, на этомъ основаніи заключили, что деньги образуются на основѣ твердыхъ указанныхъ цѣнъ, выражющихся въ скалѣ цѣнностей. Но эта теорія развитія денегъ, построенная на основѣ соціального регулированія цѣнъ товаровъ, совершенно не можетъ быть согласована съ фактами и теоретически не продумана. Дѣло въ томъ, что въ деньгахъ самимъ важнымъ съ исторической точки зренія элементомъ, самой важной ихъ функцией является ихъ функция, какъ платежного средства. Деньги являются и средствомъ обмѣна и мѣриломъ цѣны и цѣнностей, но, какъ вѣрно подмѣтилъ Кнаппъ, исторически и соціально-юридически существование денегъ вѣтъ томъ, что они являются платежнымъ средствомъ.

Указанной характеръ цѣны денегъ связанъ съ тѣмъ, что, во-первыхъ, государство или власть сама получаетъ уплаты и производить ихъ, и во-вторыхъ — деньги и денежное обращеніе является для государства, въ его двойномъ качествѣ и получателя платежей и плательщика, сферой финансовой эксплуатации, или извлечения доходовъ. Государство нормируетъ порядокъ уплаты въ интересахъ торговаго, или риочнаго мира, а затѣмъ оно уже начинаетъ строить цѣну денегъ съ прямой цѣлью обогащенія, рассматривая денежное дѣло какъ объектъ финансовой монополіи.

Указанной характеръ цѣны денегъ вытекаетъ такимъ образомъ изъ той ихъ функции, которую Кнаппъ съ правильнымъ историческимъ чутьемъ поставилъ во главу пониманія всего явленія денежнъ, изъ ихъ функции какъ "платежного средства". Повидимому, всеобщимъ средствомъ обмѣна и мѣриломъ цѣнности, прежде всего ставятся тѣ предметы, которыми первоначально производятся обязательные платежи.

Но вполнѣ естественно, что это суть въ тоже время по общему правилу наиболѣе обмѣноспособные, наиболѣе ходкіе товары. Деньги такимъ образомъ вырастаютъ изъ двухъ корней: изъ обмѣна (актъ двусторонній) и изъ уплаты (актъ односторонній). Но поскольку деньгамъ присущъ характеръ государственный, публично-правовой, онѣ вырастаютъ изъ "платежнаго" строя, изъ регулированія государствомъ порядка уплаты.

Когда въ примитивныхъ условіяхъ устанавливается "цѣнностная скала" разныхъ товаровъ, - эта скала представляетъ не нормы "обмѣна", а нормы "платежа", обозначаетъ цѣны, которая въ отличіе отъ цѣнъ "продажныхъ" я назову цѣнами "платежными", или "солюціонными". Поскольку платежъ можетъ быть реализованъ въ разныхъ предметахъ, всѣ эти разные предметы являются деньгами, фиксація же соотношенія между ними есть, по своему заданію и смыслу, не нормировка цѣнъ, а установление цѣни денежнаго.

"Цѣнностная скала" суть не тарифы товаровъ цѣнъ, а тарифы товаровъ-денегъ. Онѣ имѣютъ силу общихъ нормъ, вступающихъ въ дѣйствіе, когда отсутствуетъ соглашеніе контрагентовъ или когда законъ нормируетъ актъ платежа, вытекающаго изъ какихъ-либо правоотношеній (договора, деликта и т.д.).

Въ греческихъ памятникахъ настоящую фиксацію цѣнъ властѣ мы встрѣчаемъ какъ начало общее, а не экстраординарное, впервые въ формѣ фиксаціи цѣнъ денегъ. До насъ дошла надпись, относящаяся къ IV вѣку до Р.Х., касающаяся греческой колоніи на югѣ Россіи - Ольвіи (теперь Нарутинъ, Херсонской губ.), где разрѣшается ввозъ и вывозъ чеканнаго золота и серебра: всякий хѣдающій продать и купить золото и серебро долженъ продавать и покупать въ опредѣленномъ мѣстѣ и городскими деньгами. Нарушителю этихъ правилъ грозить конфискація. Любопытно отметить, что этотъ законъ устанавливаетъ хожденіе по опредѣленному курсу опредѣленной золотой монеты, "статира Кизикскаго", а въ отношеніи всѣхъ другихъ монетъ разрѣшаетъ обмѣнъ до вольной цѣнѣ "какъ они убѣдятъ другъ друга". Въ этомъ памятнике ясно проведена черта между вольной и указанной цѣной. И не случайно на греческой почвѣ мы встрѣчаемъ "установленіе указанной цѣнѣ въ денежномъ обращеніи": государство здесь рассматривало денежное обращеніе, какъ сферу эксплуатации; отсюда возникло

ла въ Греціи порча монеты т.е. произвольное установление цѣны монеты. И эта практика перешла изъ Греціи въ Римскую Имперію, а оттуда черезъ средніе вѣка въ новое время, гдѣ она завершается рядомъ экспериментовъ съ бумажными деньгами. Вся исторія денежного обращенія доказываетъ, что хотя цѣна денегъ можетъ быть регулирована властью, но власть, однако, не всемогуща въ области денежного обращенія. Къ этому выводу приходитъ и сама власть на основаніи горькаго опыта экспериментовъ надъ деньгами. Тѣмъ не менѣе, даже и теперь, денежное обращеніе есть сфера, въ которой огромное значеніе имѣть управлѣніе государства, развертывающееся въ цѣлую систему денежной политики.

ТАРИФЪ И ВОЛЬНАЯ ЦѢНА *).

Въ новѣйшее время въ условіяхъ свободнаго оборота замѣчается тенденція къ опредѣленности цѣны. Prix fixe — заранѣе назначенная цѣна, которую можно принять или отвергнуть — становится особенно излюбленной формой; prix fixe какъ бы устраняетъ торгъ, борьбу за цѣну. Опредѣленная цѣна предполагаетъ, какъ будто, замѣну двусторонняго акта соглашенія о цѣнахъ "односторонне установленной нормой для множества односторонне осуществляемыхъ актовъ купли-продажи" **). Отсюда, повидимому одинъ шагъ до сближенія указанной цѣны съ вольной. Рыночная цѣна уподобляется, повидимому, цѣнѣ

*) См. П. СТРУБЕ — Хозяйство и цѣна. Критическія изслѣдованія по теоріи и истории хозяйственной жизни. Ч. I. Отдѣльной. Глава четвертая: Новѣшая эволюція цѣны (Стр. 322 и слѣд.).

**) Слова А. Н. Рыкачева въ его чрезвычайно содержательной и остroумной книжкѣ: Деньги и денежная власть. СПб. 1910, стр. 68.

тарифицированной и указанной. Однако, подобное представление основано на довольно грубомъ и поверхностномъ сближеніи. Дѣлс въ томъ, что "определенность" цѣны въ современномъ хозяйственномъ строѣ можетъ имѣть весьма различный смыслъ. "Определенность" цѣны одно, когда она назначена продавцемъ и другое , когда она установлена властью. "Тарифъ", какъ схема "определенной" цѣны является технической формой, въ которую вылива - ется, какъ вольная, такъ и указанная цѣна. Между желѣзнодорожнымъ тарифомъ, который является публично-правовой нормой и рыночной цѣной, устанавливающейся въ процессѣ столкновенія воль автономно хозяйствующихъ субъектовъ, лежитъ цѣлая про - пасть, хотя рыночная цѣна можетъ принимать форму "прѣстъ-ку - ранта" (= тарифа). "Тарифъ, безъ дальнѣйшаго определенія , есть техническая форма цѣны, еще ничего не говорящая объ ея существѣ. Если же подъ "тарифомъ" разумѣть указанную цѣну, то цѣлый рядъ такъ называемыхъ тарифовъ этимъ терминомъ не мо - жетъ быть правомѣрно обозначаеы. Prix fixe прививается и по - лучаетъ право гражданства тамъ и тогда; гдѣ и когда опредѣ - ленность цѣнъ т е х н и ч е с к и удобна для продавцевъ и покупателей. Prix fixe технически же развертывается въ та - рифъ. Но prix fixe не есть указанная цѣна, ибо предпочтеніе "определенной" цѣны въ интересахъ техническаго удобства обо - рота не означаетъ вовсе принципіального отказа отъ рыночнаго торга, отъ двусторонности акта установлениія цѣны. Желѣзнодо - рожный тарифъ есть въ технической формѣ тарифной схемы форму - лированная указанная цѣна за известныя услуги перевозки. Въ об - ласти перевозки грузовъ мы въ желѣznодорожномъ транспортѣ имѣемъ господство тарифицированной указанной цѣны, въ транспортѣ водяномъ же (рѣчномъ и морскомъ) господствуетъ вольная цѣна, которая принимаетъ форму настоящей биржевой цѣны. Если о же - лѣznодорожномъ фрахтѣ "не нужно торговаться, договариваться, дожидаться совпаденія воль", то въ области фрахтовъ водныхъ постоянно наблюдается настоящій рыночный торгъ, и происходитъ образованіе биржевой цѣны. Представленіе, что рыночная цѣна подобна желѣznодорожному тарифу, основано на игнорированіи глубочайшаго существа рыночной цѣны, которая есть именно про - изводная множества сталкивающихся воль. Если облеченнная въ схему тарифа вольная цѣна лишь формально-технически сходству - етъ съ желѣznодорожнымъ тарифомъ, то биржевой биллетеы и

формально не походитъ на железнодорожный тарифъ. Биржевой билетъ есть отйтка о томъ, что было на рынке, и если онъ получаетъ нормативное значеніе, то именно только, какъ фактъ. Условимся подъ "тарифомъ" разумѣть облеченну въ тарифную схему указанную цѣну; тогда различіе между тарифомъ или тарифной (тарифицированной) цѣной и цѣной биржевой и вообще всякой рыночной можно формулировать такъ:

Тарифъ вступаетъ въ оборотъ, какъ норма.

Биржевая или рыночная цѣна выходитъ изъ оборота, какъ норма.

Или иначе:

Тарифъ данъ обороту.

Биржевая цѣна создается оборотомъ.

Это кардинальное различіе есть ни что иное, какъ различіе между двумя основными формами экономического явленія - цѣны, указанной и вольной.

Правда, указанная цѣна прислоняется къ вольной и фактически является отверженіемъ рыночныхъ цѣнъ. Но это фактически-историческое соотношеніе между указанной и вольной цѣной, отнюдь не мѣняетъ того, что въ принципѣ и идеѣ указанная цѣна есть цѣна, которую власть указываетъ обороту, и фактически настоящія указанная цѣны, и въ томъ числѣ железнодорожные тарифы, строятся властью по соображеніямъ, совершенно независимымъ отъ какого бы то ни было рыночного торга. И это вполнѣ естественно, потому что тарифъ, какъ норма, имѣть самодовѣрочее и самостоятельное значеніе, тогда какъ биржевая цѣна, какъ норма, имѣть значение ссылочное или вспомогательное; когда цѣна не установлена соглашеніемъ сторонъ, она должна быть опредѣлена на основаніи рыночной цѣны, наиболѣе совершенную форму которой представляетъ цѣна биржевая, ибо биржа есть самый совершенный и наиболѣе организованный рынокъ.

Однако, въ образованій биржевой цѣны, какъ наиболѣе совершенной формы рыночной цѣны, есть нечто новое, характерно отличающее этотъ процессъ отъ простого рыночного торга. На рынке единая цѣна образуется стихійно, какъ безосознательный результатъ слѣдуето столкновенія воль. На биржѣ въ некоторыхъ

случаахъ едина цѣна сознательно дѣлается при помощи вполнѣ рациональныхъ пріемовъ. Рационализація процесса образованія цѣни биржею заключается въ томъ, что результатъ стихійного процесса тутъ сознательно и намѣренно, при помощи известныхъ методовъ предвосхищается. Это не значитъ, чтобы самоопределение сторонъ исключалось; оно избирается для себя лишь особую, нарочито упрощенную и рационализованную форму выраженія. Это вообще есть тотъ способъ, которымъ, повидимому, можетъ происходить съ наибольшимъ успѣхомъ рационализация всѣхъ экономическихъ отношеній и процесса образованія цѣнъ въ частности: не отрицаніе стихійного процесса, предвосхищеніе его результата, на основаніи учета его собственныхъ силъ.

На берлинской фондовой биржѣ существуетъ единый курсъ, по которому ликвидируются всѣ сдѣлки и который получается, какъ нѣкоторая статистическая средняя изъ предложеній продавцевъ и покупателей. Тутъ, значитъ, цѣна по взаимному уговору всѣхъ участниковъ рынка является въ результате извѣстной сознательной произведенной статистической операциіи. Свободное образованіе цѣнъ не устраняется по существу, но по формѣ оно изъ множества операций торга сливается въ одну операцию слиянія. То же мы имѣемъ на франкфуртской биржѣ, где для банкнотъ, разныхъ видовъ денегъ, купоновъ регистрируются лишь отметки предложенія и спроса, изъ которыхъ единый курсъ ("сдѣланная", уплаченная цѣна) въводится, какъ средняя.

Однако, отсюда было бы более чѣмъ ошибочно заключать, что въ процессѣ образованія биржевой цѣны совершенно исчезаетъ существо рыночнаго торга. Это не только не происходитъ, но даже наоборотъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ процессъ установленія биржевой цѣны протекаетъ именно, какъ рыночный торгъ въ его наиболѣе острой и въ то же время сконцентрированной формѣ, а именно въ формѣ аукціона. Такъ обстоитъ дѣло на нѣкоторыхъ англо-американскихъ, на дрезденской, цвиккауской, гельсингфорской биржахъ.

Если въ формахъ цѣни въ настоящее время попрежнему занимаетъ важное и первенствующее мѣсто вольная цѣна, рождающаяся изъ рыночнаго торга — самыи яркимъ ея выраженіемъ, какъ я уже указалъ, является цѣна биржевая, — то, съ другой стороны, нельзя не указать, что есть случаи, когда въ свободномъ обра-

ротъ современный рыночный торгъ сознательно элиминируется и уже строится безъ рынка и независимо отъ него. Если же льзно — дорожный тарифъ, какъ публично-правовая норма, несопоставимъ съ рыночной цѣной и потому можетъ быть ей противопоставляемъ, какъ крайнее обнаружение указанной цѣны, цѣнѣ вольной, то синдикатскія или картельные цѣны могутъ быть сопоставимы съ рыночными, и именно потому, что они могутъ быть имъ противодѣствованиемъ, какъ особый подвидъ вольной цѣны, представляющей явственный переходъ отъ вольной цѣны къ указанной. Въ картельныхъ цѣнахъ характерны опредѣленность и постоянство, знаменующія освобожденіе процесса образованія цѣнъ отъ менявшихся условій рыночнаго торга, причемъ опредѣленность и постоянство цѣны тутъ не создаются на рынке, а даются рынку. Поэтому тамъ, где картели приобрѣтаютъ настоящую силу, и дѣйствительно господствуютъ надъ рынкомъ, рыночная или, что то же въ данномъ случаѣ, биржевая цѣна самыхъ массовыхъ продуктовъ упраздняется. Съ тѣхъ поръ, что укрѣпился, напримѣръ, германскій угольный синдикатъ (рейнско-вестфальскій синдикатъ), который на годъ впередъ назначаетъ цѣны, — прекратилась котировка угля на эссенской биржѣ: биржевая цѣна угля есть та, которую назначилъ синдикатъ. Но этого мало. Сильный синдикатъ, внося опредѣленность въ свои цѣны, вынужденъ поддерживать ее на всемъ пространствѣ обращенія того продукта, который онъ производить. Когда въ 1900 году произошло сильное повышеніе цѣнъ (угольный голодъ) на уголь въ Германии, то въ то время, какъ при этомъ оптовые цѣны синдиката были стабилизованы, розничные торговцы стремились использовать коньюнктуру въ своихъ интересахъ, взвинчивая цѣны. Торговья палаты рейнско-вестфальского района избрали комитетъ, который устроилъ анкету, изъ которой обнаружилось, что розничные торговцы (синдикатъ снабжалъ непосредственно только тѣхъ покупателей, которые забирали не меныше 6.000 тоннъ) повышали цѣны на 50 и даже на 100 %, то есть, ихъ повышеніе цѣнъ превосходило синдикатское повышеніе цѣнъ въ 5 и даже въ 10 разъ. Тогда синдикатъ не только организовалъ продажу для мелкихъ потребителей, но и внесъ въ свои условія съ розничными торговцами слѣдующій замѣчательный пунктъ: "Вы обязуетесь при перепродажѣ этихъ количествъ угля опредѣлять продажная цѣны такъ, чтобы высота прибыли не находилась въ несоразмѣрномъ отношеніи къ вашей дѣятельности и къ вашему рис-

ку. Это условие вы, въ случаѣ дальнѣйшей перепродажи, должны возлагать на вашихъ контрагентовъ. Если вы или кто либо изъ дальнѣйшихъ продавцевъ явится нарушителемъ этого пункта, то за всякую тонну слишкомъ дорого проданнаго угля вы обязаны заплатить намъ штрафъ въ 10 марокъ. Кроме того, въ такомъ случаѣ мы имѣемъ право, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, отказатьсѧ отъ всѣхъ, взятыхъ нами на себя по договорамъ, поставокъ угля. Вопросъ о томъ, имѣется ли налицо случай слишкомъ высокой прибыли, решается окончательно, съ устраниенiemъ судебнаго порядка; торговой палатой города Эссена".

Такое же явленіе, какъ картельные цѣны, представляютъ и минимальные платы, устанавливаемыя рабочими союзами и тарифными соглашеніями иуъ съ организаціями предпринимателей. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эти формы опредѣленной вольной цѣны новаго времени весьма сходствуютъ съ регулированіемъ цѣнъ въ цеховомъ строѣ, то есть съ минимальными нормами оплаты труда въ цеховомъ ремеслѣ. Но въ то время, какъ цеховые нормы были обязательными въ публично-правовомъ смыслѣ, - тѣ минимальные нормы современной эпохи, о которыхъ мы говоримъ, являются продуктами соглашенія, а не велѣнія власти. Но "картельный" и "платно-тарифный" цѣны изъ опредѣленныхъ вольныхъ цѣнъ все же легко могутъ быть конвертированы въ цѣны указныя. Примѣры: регулированіе цѣнъ при государственной организаціи картелей (Германскій законъ 25 мая 1910 года "о сбытѣ калійныхъ солей", установление максимальныхъ цѣнъ внутри страны и минимальныхъ цѣнъ при продажѣ заграницу §§ 20, 21, 24, 25); въ области оплаты труда - новѣйшій англійскій законъ о минимальной заработной платѣ въ угольной промышленности.

Такимъ образомъ, въ "картельныхъ" и "платно-тарифныхъ" цѣнахъ мы имѣемъ действительную форму переходную отъ вольной цѣны къ указанной, но тутъ этотъ переходный характеръ сказывается и въ полномъ устраненіи рыночнаго торга, въ томъ, что цѣна не только является опредѣленной, но и заранѣе установленной, данной. Правда и тутъ полная эманципація отъ соображеній о рынкѣ не достигается и недостижима, и недаромъ минимальная заработная плата въ угольной промышленности исторически развивается изъ системы скользящей скалы, то есть механизма установления оплаты труда въ зависимости отъ цѣны на продуктъ съ

фиксацией известной минимальной основы, какъ исходной точки.

Такимъ образомъ, въ современности наблюдается довольно сложный переплетъ образованій, въ которыхъ отражается и нормированная указная цѣна и вольная. Въ современномъ экономическомъ строѣ преобладаетъ вольная цѣна и превращеніе всѣхъ цѣнъ въ цѣны указные было бы настоящей революціей, ибо оно означало бы полную реорганизацію современного хозяйства въ хозяйство коллективное (изъ системы взаимодѣйствующихъ хозяйствъ въ общество-хозяйство). Тенденція современного хозяйственного развитія не идетъ прямо и просто въ этомъ направлениі. Но слѣдуетъ признать, что такъ же, какъ современная хозяйственная организація утончаетъ и доводить до техническаго совершенства образованіе цѣнъ при помощи рыночнаго торга, такъ же она развиваетъ и утончаетъ и противоположное явленіе - установление цѣнъ властью. И это сбиваетъ съ толку. Если вы видите, какъ образованіе синдикатовъ приводить къ вмѣшательству государства и публично-правовой нормировкѣ, если классическая страна либерализма, Англія, рѣшительно стала на путь откровеннаго нормированія заработной платы, и явленія эти развертываются во всей широтѣ, свойственной современному хозяйственному строю, то нельзя отрицать того, что и процессъ образованія цѣнъ въ настоящее время вступилъ въ периодъ частичнаго "государствленія". Но образованіе биржевыхъ цѣнъ нельзя считать проявленіемъ этой тенденціи - биржевая цѣна, какія бы техническія формы она ни принимала, есть лишь видоизмѣненная и уточненная форма вольной цѣны, рождающейся изъ рыночнаго торга.

Такимъ образомъ, въ современной хозяйственной жизни борются и взаимодѣйствуютъ различные тенденціи, и потому трудно отвѣтить на вопросъ, увеличивается ли государственное вмѣшательство въ область хозяйственной жизни, ибо въ одно и то же время возрастаетъ личная свобода, но растетъ и государственное вмѣшательство. Условное рѣшеніе вопроса возможно и зависитъ оно отъ того, какую группу фактовъ выдвинуть на передній планъ. Такъ и въ категоріи цѣнъ, въ выраженіи двухъ принциповъ, нельзя утверждать единой тенденціи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ДЕНЕГЪ *).

Когда мы задаемся вопросомъ изъ какого корня вырастаетъ явленіе денегъ, то обычно представляютъ дѣло такъ: самые ходкіе, сбываемые товары, на которые существуетъ наибольшій спросъ становятся всеобщимъ средствомъ уплаты и мѣны, путемъ естественного сосредоточенія на нихъ спроса. Это представление лишь отчасти соответствуетъ фактамъ исторіи. Это построение - блѣдное изображеніе той честной картины, которая раскрывается фактами этнографіи.

Первоначально деньгами служать не наиболѣе "популярные", или "ходкіе" въ смыслѣ распространенности или "сбываемости" товары, а наоборотъ скорѣе тѣ предметы, на которыхъ лежитъ печать рѣдкости. Свойство денегъ прикрѣпляется къ тѣмъ предметамъ, которые наиболѣе ярко представляютъ богатство, какъ его понимаетъ первобытный человѣкъ. Для него богатство выражается отнюдь не въ широко распространенныхъ предметахъ непосредственного потребленія. Имъ не являются ни другие люди, хотя бы они были "вещами" - рабы, ни служащіе для непосредственнаго потребленія предметы оборота. Качество денегъ, то есть всеобщаго платежнаго средства и затѣмъ орудія обмѣна, прикрѣпляется прежде всего къ предметамъ украшенія, ибо для первобытнаго сознанія именно предметы украшенія служатъ лучшими показателями богатства.

Пока эти предметы служатъ для индивидуального украшенія или отличія, они еще не способны выполнять такой функции. Но, какъ я уже говорилъ ранѣе, развитіе потребностей опредѣляется двумя тенденціями: I. - стремлѣніемъ къ выдѣленію и II - стремлѣніемъ къ нивелированію. Украшеніе возникаетъ индиви-

*.) См. въ книгу "Хозяйство и цѣна" главу: Указанная цѣна и деньги.

дуально, а потомъ обобщается путемъ подражанія. Этотъ знакъ отличія постепенно получаетъ общую оцѣнку, известную ходкость. Вотъ - предметы украшенія первоначально и являются въ роли денегъ.

Первоначальная функция денегъ сводится къ функции платежного средства: деньги первоначально являются средствомъ накопленія уплаты въ рукахъ лицъ, которые могутъ легко привлекать къ себѣ цѣнности, опираясь на принадлежащую имъ въ обществѣ власть. Такую роль играютъ всѣ уплаты сильнымъ и властнымъ, напримѣръ, всякаго рода штрафы. Вотъ почему всякаго рода уплаты - я уже это отмѣчалъ - называются въ Океаніи штрафными деньгами: штрафъ - это первая, самая распространенная форма уплаты вообще.

Если вѣрно, что предметы украшенія, цѣнность которыхъ восходитъ ясно къ чисто субъективно-эстетическому процессу цѣненія, суть первая форма денегъ, то "мнимость", фиктивность, "номинальность" денегъ не является изобрѣтеніемъ новаго времени, эпохи печатанія бумажныхъ денегъ. На примитивныхъ хозяйственныхъ ступеняхъ деньги носятъ тоже въ значительной мѣрѣ "мнимый характеръ", ибо тѣ "реальные" предметы, которые служатъ дезигами, предметы, такъ называемой, реальной цѣнности не имѣющіе, исполняютъ функции денегъ въ значительной мѣрѣ въ качествѣ такихъ "воображаемыхъ" цѣнностей*).

Когда рѣчь шла обѣ эдиктѣ Діоклеща, было уже указано, что денежное обращеніе есть та область, въ которой всего раньше и позже осуществляется принципъ указанной цѣны.

Въ этомъ "указанномъ" характерѣ цѣны денегъ выражается тѣсная историческая связь, существующая между государствомъ и институтомъ "денегъ"; связь эта, по отношенію къ современноти подмѣченная и отчетливо анализированная Кнаппомъ, лежитъ въ основѣ его "государственной" теоріи денегъ, съ которой вы познакомитесь изъ дальнѣйшихъ курсовъ. Однако тотъ рядъ явлений, который для современности выражается въ "государственномъ" характерѣ денегъ, есть съ исторически-соціологической

*) Съ точки зренія субъективного пониманія основанія цѣнности тутъ нельзіи ничего ни парадоксальнаго, ни даже страннаго, и нельзіи принципіального различія между погремушками и цѣней.

точки зре́нія лишь частный случай боле́е общаго явленія, - указаной цѣнны. Это не значитъ вовсе, чтобы "указаной" характеръ денегъ развился изъ яко-бы первоначального указаного характера товарныхъ цѣнъ, опредѣляющаго ихъ устойчивость, какъ это думаетъ, напримѣръ, Вальтеръ Лотцъ. Теорію, по которой первоначальный обмѣнъ совершается по принципу "указаной" цѣнны, мы уже отвергли и опровергли. Не отъ "товара" "указная" цѣна переходитъ къ деньгамъ; она зарождается въ самомъ процессѣ развитія денегъ, какъ своеобразнаго экономического явленія и въ то же время юридическаго института. Указаной характеръ цѣнны денегъ связанъ съ тѣмъ, что а) власть или государство само во-первыхъ получаетъ "деньги" и во-вторыхъ - уплачиваетъ ихъ, б) что деньги и денежное обращеніе являются для государства, въ его двойномъ качествѣ и получателя платежей и плательщика, сферой финансовой эксплуатациіи или извлеченія доходовъ. Государство строить цѣну денегъ первоначально съ прямой цѣлью обогащенія, рассматривая денежное дѣло, какъ объектъ финансовой монополіи. Указаной характеръ цѣнны денегъ вытекаетъ такимъ образомъ изъ той ихъ функціи, которую Кнаппъ съ правильнымъ историческимъ чутьемъ поставилъ во главу пониманія всего явленія денегъ, изъ ихъ функціи, какъ "платежнаго средства". Когда въ примитивныхъ условіяхъ устанавливается "цѣнностная скала" разныхъ товаровъ, - эта скала представляетъ не нормы "обмѣна", какъ совершенно некритически принимаетъ Лотцъ, а нормы "платежа" обозначаетъ цѣнны, которая въ отличіе отъ цѣнъ "продажныхъ" можно назвать цѣнами "платежными" (иначе "соляціонными"). Поскольку платежъ можетъ быть реализованъ въ разныхъ предметахъ, эти разные предметы и являются деньгами, фиксація же соотношенія между ними есть по своему заданію и смыслу не нормировка цѣнъ, а установление цѣнны денегъ. Это совершенно ясно выступаетъ въ томъ документѣ XV вѣка, который обычно привлекается для иллюстраціи цѣнностей скалы, устанавливающейся тамъ, гдѣ нѣть металлическихъ денегъ. Рѣчь идетъ о "прейсъ-курантѣ" товаровъ, которыми обмѣнивались исландцы и англичане. Прейсъ-курантъ этотъ имѣеть силу, поскольку контрагенты не могутъ прійти къ соглашенію относительно цѣнны, то есть тутъ указаная цѣна имѣеть субсидіарное значеніе по отношению къ вольной. Указаная цѣна есть тутъ цѣна "платежная" или "соляціонная", при-

мѣняемая къ товарамъ или вообще къ благамъ, которыми можетъ быть производима уплата. Эти товары несомнѣнно выполняютъ денежную функцию.

"Цѣнностная скала" суть не тарифы товарныхъ цѣнъ, а тарифы товаровъ-денегъ, имѣющія силу обычныхъ нормъ, вступающихъ въ дѣйствіе, когда отсутствуетъ соглашеніе контрагентовъ или когда законъ нормируетъ актъ платежа, вытекающаго изъ какихъ либо правоотношеній (договора, деликта и т. д.).

Когда деньгами являются не куски металла известного вѣса, а куски металла известного вида (это Кнаппъ на свое мѣсто искусственномъ языкомъ обозначаетъ, какъ превращеніе "пензаторныхъ" денегъ въ "хартальны"), то фиксація ихъ цѣнъ есть указанное установление цѣнъ не денегъ-товаровъ, а денегъ-монеты. Тогда то къ нему прикрѣпляется тотъ фискальный интересъ государства, о которомъ я говорилъ выше. Въ греческихъ памятникахъ настоящую фиксацію цѣнъ властью мы встрѣчаемъ какъ начало общее, а не экстраординарное впервые въ формѣ фиксаціи цѣнъ денегъ.

Грань между деньгами, какъ монетой, и деньгами, какъ товаромъ, есть въ то же время грань между цѣнной указанной и вольной.

Такимъ образомъ, деньги, не имѣющія собственной товарной цѣнности, появляются на самыхъ примитивныхъ стадіяхъ развитія. Однако, невѣрно на основаніи этого ряда фактовъ заключать, что деньги всегда имѣютъ значеніе воображаемой, фиктивной цѣнности. Рядомъ съ такими деньгами мы видимъ и другія: часто деньгами являются такія вполнѣ реальная цѣнности, какъ скотъ и люди на положеніи скота: рабы и женщины вообще, насколько они являются предметомъ купли-продажи. Существуетъ рассказъ путешественника о томъ, какъ вождь одного племени развивалъ передъ нимъ ту теорію, что выгоднѣе помѣщеніе прибыли въ рабахъ, чѣмъ въ украшенияхъ, въ ракушкахъ. Каури, — широко распространено въ Африкѣ денежномъ матеріалѣ. "Ибо, если я принесу домой Каури, то мои жены одѣнутъ ихъ, какъ украшения, и никакой пользы изъ нихъ нельзя будетъ извлечь. А рабы все время могутъ приносить доходъ". Такимъ образомъ, рядомъ съ деньгами, возникающими на почвѣ потребности въ

украшениі, внарастаютъ деньги, имѣющія и подлинную, съ радио-
нальной точки зрењія, цѣнность. Въ этомъ обнаруживается мнози-
гообразіе путей развитія, рассматриваемаго нами явленія. Но съ
другой стороны, конечно, для денегъ, какъ всеобщаго платежна-
го средства, важна ихъ легкая перемѣщаемость, легкая транс-
порtabельность. Этимиъ требованіями деньги, возникающія изъ
предметовъ украшениія, удовлетворяютъ въ большегъ мѣрѣ, нежели
деньги, возникающія изъ предметовъ, обладающихъ реальными
"экономическимъ значеніемъ". Съ другой стороны, деньги-скотъ,
деньги-рабы совершенно не подвергаются опасности, заключающей-
ся въ умноженіи денежнаго матеріала или даже въ его фальсифи-
каціи: умножить количество скота или рабовъ трудно, поддѣлать
такія деньги невозможно. Въ дальнѣйшемъ развитіи опредѣляю-
щимъ для судьбы денегъ является то, въ какой мѣрѣ тѣ или другіе
предметы могутъ выполнять свою функцию денегъ въ разныхъ
обществахъ. Сначала деньги развиваются въ ограниченныхъ пред-
ѣлахъ, внутри определенного общества, но позднѣе, съ расши-
ренiemъ обиѣна, возникаетъ и потребность въ предметѣ, выполня-
ющемъ функции денегъ и въ даннаго общества. Эта потребность
существуетъ на всѣхъ стадіяхъ общественнаго развитія; она не
исчезаетъ и въ современности. И тутъ наблюдается ясное раз-
личіе между деньгами, имѣющими всеобщее, международ-
ственное значеніе, и такими, которые имѣютъ только "внутрен-
нее хожденіе". Напримѣръ, серебряные деньги имѣютъ теперь въ
общемъ и цѣломъ только внутреннее хожденіе, и въ этомъ отно-
шеніи серебро, какъ деньги, подобно "внутреннимъ деньгамъ"
первоитныхъ народовъ.